

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 11/2022

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2022.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2022.

Latinskaya Amerika N 11/2022 (Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2022.

В НОМЕРЕ:

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

- 6 Я.Г.Шемякин. К вопросу о культурной детерминации различных сфер жизни социума. Духовно-ценностное измерение**

ПОЛИТИКА

- 26 С.М.Кретов. Причины нестабильности современных президентских систем в странах Латинской Америки**
43 Д.А.Кузнецов, Е.А.Хулио. Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

- 61 А.А.Паисова, А.О.Бодяшкин. Развитие левой прессы в политическом контексте Испании XX века**

ИСТОРИЯ

- 74 Мануэль Лойола Тапиа. Издательская функция и политический проект чилийских левых в XX веке. На примере Издательства «Austral»**

КУЛЬТУРА

- 91 К.Р.Буйнова. «Доктор Живаго» в амазонских джунглях**

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 104 А.Н.Пятаков. К поиску фундаментальных сдвигов в общественно-политических функциях латиноамериканских военных**

SUMARIO

SOCIEDAD DEL SIGLO XXI

- 6** Yákov Shemyakin. **En torno a la determinación cultural de diferentes esferas de la vida social. La dimensión espiritual y de valor**

POLITICA

- 26** Stanislav Krétov. **Las causas de la inestabilidad de los sistemas presidenciales modernos en los países de América Latina**
- 43** Denís Kuznetsov, Ekaterina Julio. **La dimensión internacional del problema de la población indígena en América Latina**

ASPECTO IBERICO

- 61** Anna Paísova, Alexey Bodiáshkin. **El desarrollo de la izquierda mediática en el contexto político de la España del siglo XX**

HISTORIA

- 74** Manuel Loyola Tapia. **Función editorial y proyecto político en la izquierda chilena del siglo XX. El caso de la Editorial Austral**

CULTURA

- 91** Kristina Buynova. **“Dr Zhivago” en la jungla amazónica**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 104** Andrey Piatakov. **En busca de cambios fundamentales en la función social y política de los militares latinoamericanos**

CONTENTS

THE SOCIETY OF 21st CENTURY

- 6** Yakov Shemyakin. **To the question of cultural determination of various spheres of social life. Spiritual and value dimension**

POLICY

- 26** Stanislav Kretoy. **Causes of instability of modern presidential systems in Latin America**
- 43** Denis Kuznetsov, Ekaterina Julio. **International dimension of the indigenous problem in Latin America**

IBERIAN ASPECT

- 61** Anna Paisova, Alexey Bodiashkin. **The development of the left media in the political context of Spain in the 20th century**

HISTORY

- 74** Manuel Loyola Tapia. **Editorial function and political project in the Chilean left of the 20th century. The case of Editorial Austral**

CULTURE

- 91** Kristina Buynova. **“Dr Zhivago” in Amazon rainforest**

THINKING ABOUT READ

- 104** Andrey Piatakov. **To the search for fundamental shifts in socio-political functions of the Latin American military**

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

Я.Г.Шемякин

К вопросу о культурной детерминации различных сфер жизни социума

Духовно-ценностное измерение

Рассматривая духовно-ценностное измерение темы культурной детерминации различных сфер жизни социума на латиноамериканских примерах, автор приходит к выводу о том, что наиболее глубоким проявлением подобной детерминации является способ формирования диалогической основы человеческой жизни. Этот способ определяется свойственным латиноамериканской цивилизации решением проблемы «Другого» как необходимой составляющей собственного жизненного пространства. Подобное решение обуславливает специфику «пограничного» цивилизационного типа, к которому принадлежит Латинская Америка.

Ключевые слова: культура, детерминация, целостность, духовно-ценностное измерение, «пограничная» цивилизация.

DOI: 10.31857/S0044748X0022872-8

Статья поступила в редакцию 5.02.2022.

Любой социокультурный субъект (от каждого человека до цивилизационной макрообщности) становится целостным в том случае, если, вопреки всем разрушительным тенденциям, он оказывается в состоянии обрести собственное, неповторимое культурно-историческое лицо. То есть — идентичность. Поэтому проблема достижения и сохранения целостности на всех уровнях — от индивидуального до цивилизационного — предстает как проблема поиска путей обретения, утверждения и сохранения собственной идентичности.

Любой социокультурный субъект может быть рассмотрен и как система, и как процесс постоянного воспроизводства определенной совокупности характеристик, определяющих его неповторимую индивидуальность. Возникновение и развитие латиноамериканских наций представляет собой в этом ракурсе не что иное, как процесс взаимодействия многообразных составляющих, который являет картину возникновения, развертывания, раз-

Яков Георгиевич Шемякин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21/16, shemyakin3@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2382-0864>).

решения и воспроизведения на новой основе противоречий, одновременно разделяющих и соединяющих эти составляющие в конфликтном единстве.

Все эти противоречия являются конкретными проявлениями охарактеризованного в моей первой статье, посвященной теме культурной детерминации различных сфер жизни общества, главного противоречия латиноамериканской экзистенции, которое пронизывает все уровни жизни социума, включая национальный: между тенденцией утверждения доминанты многообразия и жизненной потребностью обрести и сохранить целостность социокультурного организма в условиях подобной доминанты [1, с. 93]. На этом уровне главным (в контексте темы культурной детерминации) является противоречие национально-государственного и этнического уровней идентификации, которые, в свою очередь, опираются на две качественно различные, противоположные по своей направленности тенденции — становления наций и консолидации крупных индейских этносов, отрицающих и в своей социальной практике, и в своем мировоззрении границы государств, сложившихся после завоевания независимости. Пожалуй, самый яркий и драматический пример (но далеко не единственный) — народ мапуче в Чили и Аргентине [2]; [3]; [4].

Вопрос о том, можно ли в этих условиях говорить о каком бы то ни было единстве латиноамериканских обществ, является предметом острых дискуссий. По моему убеждению, это единство проявляет себя на уровне более глубоком, чем национальный или этнический. А именно — на уровне цивилизационном. Именно здесь обнаруживается коренная общность в структуре идентификационной сферы этих обществ.

Изучая обозначенную выше проблему в работах, написанных за последние годы, я поставил перед собой вопрос: с чем конкретно отождествляли себя испанские конкистадоры (а впоследствии энкомендеро* периода испанского колониального господства) и католические монахи [5, сс. 55-60]? На уровне сознания они, несомненно, отождествляли себя с католической системой ценностей, ощущали себя носителями христианской истины, ее проповедниками и защитниками, как правило, подданными великой католической державы. Общаясь друг с другом, участвуя в богослужении, упомянутые конкистадоры, монахи и владельцы эстансий являли и утверждали вполне определенный образ идентичности, сформированный в рамках официальной цивилизационной стратегии пиренейской монархии, базирующейся на идее исторического призвания Испании: привести автохтонное население к свету христианской истины в рамках реализации «иберийского колонизаторского проекта» (термин мексиканского философа Леопольдо Сеа) [6, сс. 108-141].

Но что происходило, когда испанский конкистадор, а впоследствии энкомендеро или владелец эстансии возвращался в собственный дом и вступал в контакты со своими индейскими слугами и наложницами? Основным результатом такого рода контактов, по определению аргентинского публициста и философа Эктора Агости, стала «бурная симфония крови» — испанской и индейской, смешавшихся в представителях новой, быстро растущей группы населения — метисах. Попытки колониальных властей отделить «мир индейцев» (*república indígena*) от мира белых непреодолимой стеной не привели к ожидаемым результатам: на практике барьеры оказались проницаемы, о чем свидетельствуют процессы активного усвоения испанцами местных, соответствующих природно-климатическим условиям Нового Света, обычаев в быту, в одежде, в приготовлении пищи.

* Encomendero (исп.) — обладатель энкомьенды — права на пользование землей и сбор податей с проживающих на ней индейцев. — Прим. ред.

Когда монахи организовывали массовые шествия обращенных индейцев во время католических праздников, активно используя при этом и опыт доколумбова периода, и опыт индейского театра, а также образы местной мифологии, интерпретируя их в христианском духе, изучая индейские языки с целью обеспечить успех своей проповеди, прибегая к услугам местных мастеров, вносивших элементы автохтонной эстетики при оформлении внешнего облика католических храмов (черты индейских мифологических персонажей, проступающие в скульптурах христианских святых, цветовая гамма росписей и др.), они на уровне сознания, несомненно, ощущали себя ревностными католиками. Тем более, что в значительном, по-видимому, числе случаев подвергавшиеся их воздействию индейцы были (или становились, иногда как раз во время упоминавшихся массовых шествий) [см. 7] искренне верующими христианами, хотя имелись и факты «симуляции сознания», тайного сохранения языческой веры при демонстративном принятии христианства. Но на практике индейское влияние чем дальше, тем больше ощущалось сначала на уровне эстетики, затем — в признании допустимости трактовки библейских образов с использованием ресурсов местной традиции и, самое главное, — в утверждении идеи о том, что христианская истина может быть усвоена индейцами на их собственных языках, что на практике (разумеется, не на уровне официального дискурса) означало признание возможности включения индейцев в христианскую ойкумену с сохранением одного из важнейших элементов их культуры, коим являлись их языки. Известно, какую роль в сохранении языков лингвистического семейства майя сыграли католические монахи, в том числе и прямо противостоявшие политике имперской администрации по навязыванию испанского языка в качестве единственного допустимого средства общения [8, сс. 84-85].

Так с чем же реально отождествлял себя конкистадор на уровне повседневной жизненной практики? С чем конкретно отождествлял себя католический монах, постоянно контактируя с индейской традицией и воспринимая определенные ее элементы как опору в своей проповеднической деятельности, в результате чего эти элементы проникали в его собственное сознание? Из сказанного выше очевидно, что на *этом* уровне укоренившиеся в Новом Свете испанцы отождествляли себя не с одной лишь иберокатолической традицией, а с *процессом ее взаимодействия* с автохтонным началом.

То же самое можно сказать и о втором участнике взаимодействия — об индейцах, в сознании которых самым причудливым образом соединялись автохтонные и христианские элементы: сквозь облики католических святых проступают черты местных божеств доколумбова периода, а образ Богоматери связывается с образами Пачамамы у инков, Тонацин у ацтеков и т.д. Так что на практике и в этом случае шел интенсивный процесс взаимодействия качественно различных традиций*, а его участники в действительности, опять же на уровне повседневных жизненных практик, идентифицировали себя не с одной из этих традиций, а с самим процессом их взаимодействия. Как было установлено в ходе и в результате сравнительных цивилизаци-

* Этот вывод подтвержден материалами многочисленных исследований, среди которых особо выделяются многолетний коллективный труд творческого коллектива ИМЛИИ во главе с В.Б.Земсковым (История литератур Латинской Америки. Т 1-5. М., СПб., 1985; М., 1988, 1994, 2004, 2005), сборники *Iberica Americans* (СПб., 1991; М., 1994, 1997, 2002, 2009), книги и статьи В.Б.Земскова [9; 10], А.Ф.Кофмана [11], Ю.Н.Гирина, а также автора этих строк.

онных исследований, в социокультурном «пограничье» не результат процесса взаимодействия разнородных составляющих, как в великих «классических» цивилизациях Запада и Востока, отлитый в определенные устойчивые символические и организационные формы, а именно сам процесс подобного взаимодействия выступает в роли архетипа, положенного в основу социокультурного строя, представляет собой идентификационный стержень-инвариант, остающийся неизменным при относительно частой в условиях «пограничной» реальности смене образов идентичности [12]; [13]; [14]; [15].

В XVII—XVIII вв. картина межкультурных контактов в Иbero-Америке еще более усложнилась в результате включения в процесс взаимодействия новых участников — носителей традиций африканского (в основном западноафриканского) происхождения и западной цивилизации, идеи и ценностные установки которой получили широкое распространение с включением колоний иберийских монархий в орбиту мирового капиталистического хозяйства.

Однако, хотя в результате этих событий идентификационная сфера и усложнилась, принцип ее построения не изменился: ее глубинную основу по-прежнему составляла идентификация с процессом взаимодействия разнородных начал, а не с каким-либо одним из них. Этот принцип не изменился и впоследствии и прослеживается вплоть до настоящего времени. Пожалуй, с наибольшей ясностью это проявляется в сфере права, где, вопреки свойственному западной традиции юридическому монизму, на практике утвердился принцип полиюридизма (юридического плюрализма), согласно которому «наряду с позитивным правом романо-германского типа в большинстве стран региона функционирует множество иных правовых порядков, как имеющих корни в доколумбовых обществах, так и возникших в колониальный и постколониальный период» [16, с. 7]. Причем принципиально важно то, что эти «иные порядки» признаны в латиноамериканских конституциях нового поколения, принятых в конце XX — начале XXI в. (Конституции Венесуэлы 1999 г., Боливии 2009 г., Колумбии 1991 г., Гватемалы 1985 г., Эквадора 1998 и 2008 гг.), в которых фиксируется право автохтонных народов жить в соответствии со своими традициями, сохраняя традиционные формы социальной организации, в том числе собственное обычное право. «Латиноамериканские юристы особо подчеркивают, что государство не вводит, а именно признает правовой плюрализм — как явление, существующее независимо от его воли» [16, с. 7]. Существующее потому, что оно является необходимым для достижения цели интеграции (в той или иной мере) социальных организмов стран региона, невозможной, как показывает опыт, без включения индейских народов в систему функционирования этих организмов. Признавая юридический плюрализм, латиноамериканские государства воплощают на институциональном уровне диалог качественно различных традиций и тем самым утверждают определяющую черту цивилизационной «пограничности» — доминанту многообразия при сохранении единства *sui generis** противоречивых составляющих реально существующей социальности. Иными словами — процесс взаимодействия этих составляющих как идентификационный стержень-инвариант.

Пожалуй, главное проявление этого процесса на уровне жизненной практики — метисация, определившая основные черты своеобразия латиноамериканской цивилизации, ставшая ее реальной идентификационной

* *Sui generis* (лат.) — уникальный, единственный в своем роде. — Прим. ред.

стратегией [17, сс. 30-45]. В данном случае мы опираемся на ту традицию латиноамериканской мысли, которая восходит к наследию Симона Боливара и Хосе Марти. Традицию, представители которой утверждали понимание Латинской Америки как особого, отличного от всего, что существовало до него на планете, человеческого мира, бесконечно разнообразного, но единого в самой глубинной своей основе, которую составляет именно процесс взаимодействия составляющих этого многообразия.

Последние исследования выявили, что автохтонные культуры континента в процессе взаимодействия с европейским началом в ходе более чем 500-летней истории приобрели «пограничный» характер [18]. Качество «пограничности» проявилось в формировании комплекса следующих характеристик: определяющим фактором существования индейских культур от Конкисты до наших дней стала доминанта многообразия при сохранении единства *sui generis*; это единство воплощено в процессе взаимодействия автохтонных и европейских традиций*, который выступает в роли идентификационного стержня-инварианта. Лингвистическая реальность индейского мира определяется двумя формами организации языкового космоса, в которых проявляет себя принцип доминанты многообразия, — языковым варьированием и языковым союзом. В рамках взаимосвязи универсального и локального измерений для всех индейских культур характерно очевидное преобладание последнего; важнейшим фактором, определяющим характер этой взаимосвязи и неразрывной составляющей духовной основы мира автохтонных народов является диалог-спор трех парадигм универсального (наследия архаики, первого и второго «осевого» времени), отличающийся безусловным преобладанием архаической парадигмы. Как было установлено в результате предыдущих исследований, все эти черты типичны для латиноамериканского цивилизационного «пограничья» в целом [5]; [19]; [20]; [21]; [22, сс. 71-103]; [23]; [24]. Это дает основания для вывода о том, что индейские культуры изоморфны по своей структуре латиноамериканской «пограничной» цивилизации как макрообщности, представляющей собой «коалицию» культур (термин французского этнолога и социолога Клода Леви-Стросса), неотъемлемыми частями которой являются как национальные культуры стран региона, так и культуры индейских этносов.

Неслучайно одной из определяющих особенностей латиноамериканской общественной мысли последних десятилетий стало переосмысление самого понятия нации, отказ от стремления копировать европейскую модель нации как однородного социального и духовного «тела» в духе концепции, возникшей в Западной Европе в эпоху Просвещения и великих буржуазных революций и наиболее четко сформулированной немецким социологом Норбертом Элиасом [25]. В соответствии с этой концепцией главный признак нации — высокая степень интегрированности, социальной и пространственной. В подобном понимании ярко проявилась определяющая черта западного подхода — утверждение доминанты единства, пронизывающей все многообразие элементов, из которых состоит та или иная общность. Переосмысление понятия нации в Латинской Америке проявилось в

* Здесь следует оговориться, что составляющими этого процесса являлись и другие участники исторической драмы Латинской Америки — прежде всего носители традиций африканского происхождения. Но определяющим фактором его развертывания были и остаются многообразные контакты европейского, прежде всего иберокатолического, и индейского миров.

признании полиэтнического, поликультурного и (в значительном числе случаев) многорасового характера латиноамериканских обществ. Особое значение имело признание за индейскими этносами роли неотъемлемой составляющей национального сообщества, имеющей право на сохранение собственной культурно-исторической индивидуальности в рамках этого сообщества. Признание, нашедшее, как уже говорилось, свое отражение в соответствующих статьях конституций латиноамериканских государств, а также в «индейском» законодательстве, в особенности — в охарактеризованном выше юридическом плюрализме. Разумеется, данная тенденция проявилась в разной степени в разных странах, достигнув максимума в Боливии в период правления Эво Моралеса (2006—2019 гг.) и в Венесуэле при Уго Чавесе (2002—2013 гг.) [26].

В данном случае прослеживаются очевидные параллели с Россией, в особенности с тем переосмыслением понятия нации применительно к российской действительности, которую осуществил Николай Сергеевич Трубецкой [27, сс. 105-106]. Согласно его концепции, Россия принадлежит к странам, имеющим особое национальное устройство. По определению Трубецкого, нация — это «симфоническая личность», которая может быть как «частнонародной», так и «многонародной». Россия — это «многонародная» нация, включающая множество народов, сохраняющих собственное культурно-историческое лицо в рамках единого социокультурного организма. Осознание «многонародного» характера нации в Латинской Америке, как и в России, представляет собой проявление цивилизационной основы «пограничного» «мира миров» (термин Михаила Яковлевича Гегфтера) — доминанты многообразия при сохранении единства *sui generis* в рамках той или иной национальной общности.

Закономерно задать вопрос: что означает в этом контексте национальная идентичность? Прежде всего необходимо подчеркнуть, что она не есть нечто статичное, но представляет собой постоянный процесс воспроизводства некоего набора качеств, определяющих специфику той или иной общности. Иными словами — постоянно возобновляемую самоидентификацию [28]. И это именно идентификация с процессом взаимодействия многообразных составляющих духовного и материального «тел» нации; в ходе этого процесса формируется данная национальная общность как единое в своей основе социокультурное целое, которое может проявить и проявляет себя лишь в контексте, определяемом общецивилизационной доминантой многообразия. Анализ событий латиноамериканской истории последних двух веков неизбежно приводит к выводу о том, что в условиях региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте национальное единство относится к тому же типу единства *sui generis*, что и единство на цивилизационном уровне. Степень проявления начала единства различна в разных страновых контекстах, но оно наличествует везде, где сложились отдельные социокультурные организмы, отличные от всех иных составляющих латиноамериканского «мира миров», хотя и объединенные общими реалиями этого мира.

В упомянутой выше статье, посвященной институциональному аспекту темы культурной детерминации, был охарактеризован специфический механизм достижения целостности социокультурной системы в условиях доминанты многообразия [1, сс. 93-94]. Однако закономерно задать вопрос: а чем объясняется появление подобного механизма?

Сохранение и воспроизведение принципа единства социокультурной системы в условиях доминанты многообразия во всех составляющих латиноамериканского «мира миров» — очевидный парадокс и загадка латиноамериканской истории. Как уже неоднократно приходилось отмечать,

главным фактором, обусловившим возможность достижения и сохранения целостности *sui generis* в условиях цивилизационного «пограничья», был специфический тип взаимосвязи сторон острейших противоречий, пронизывающих все стороны и уровни жизни латиноамериканских обществ [5, сс. 51-62]. Наиболее удачное определение этому типу взаимосвязи дал известный выдающийся отечественный мыслитель С.С.Аверинцев, когда он характеризовал «пограничную» культуру Византии как чрезвычайно сложное, «подвижное» единство, «которое вопреки всем противоречиям, более того, именно через противоречия выявляет определенную логику». Такого рода единство — «это единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором» [29, сс. 250, 252]. В метафоре «взаимоупора» выражена, таким образом, мысль о взаимной дополнительности и тем самым — о высокой степени единства взаимодействующих противоположностей, их взаимообусловленности в определенном социокультурном контексте.

В зависимости от того, о каких противоречиях идет речь, существуют разные виды «взаимоупора». В основе всей совокупности латиноамериканских «взаимоупоров» — взаимоупор начал единства и многообразия. Как убедительно показал известный латиноамериканский исследователь Боливар Эчеверриа, многообразие в латиноамериканских условиях — это одновременно и отрицание, и условие единства, которое может проявить себя только в общем контексте, определяемом доминантой многообразия [30, р. 58]. В то же время и многообразие как характеристика определенной системы может проявиться лишь в рамках некоей сферы, границы которой определяются внутренней логикой функционирования этой системы. Начало многообразия как бы «упирается» в пределы сферы, определяемой началом единства. Показывая сколь велики, иногда поистине огромны дистанции, которые разделяют как жителей разных стран Латинской Америки, так и разные группы населения в разных регионах внутри той или иной страны, руководствующиеся совершенно различными логиками поведения (к примеру, обитателей Сан-Паулу и северо-востока Бразилии, «Косты» и «Сьерры» в андском регионе, жителей Мехико и переселившихся в столицу Мексики *porteños**), Эчеверриа подчеркивает: «И тем не менее, отрицая всякое единство, настаивая на чуждости различных подходов к жизни, это многообразие логик поведения, утверждает также... парадоксальным образом сопринадлежность (*copertenencia*) данных логик некоему единству, особого рода гомогенность. Несовместимость способов бытия жителей Косты и Сьерры в андском регионе или жителя Мехико и *porteño*, по видимому, существует и проявляет себя внутри некоей сферы, границы которой определяются очень тонким сходством в использовании их логик поведения» [30, р. 58]. Эчеверриа фиксирует тем самым цивилизационный уровень единства Латинской Америки.

Предпосылкой создания механизма, охарактеризованного в предыдущей статье [1, сс. 93-94], обеспечения целостности социокультурной системы явилось свойственное цивилизационному «пограничью», принципиально отличное от великих цивилизаций Востока и Запада** («субэкумен»

* *Porteño* (исп.) — жители Буэнос-Айреса. — Прим. ред.

** Для которых, как было установлено в результате сравнительного цивилизационного исследования, характерны «исключающие» дискурсы, утверждение идеи исключительности собственного бытия как неизмеримо более совершенного по сравнению со всеми «Другими». См., например [31, сс. 42-43]; [32, сс. 60-61].

по терминологии российского философа Г.С.Померанца [33]) решение проблемы «Другого», то есть представителя иной традиции, культуры, образа жизни. Чтобы понять эту проблему, необходимо вспомнить мысли М.М.Бахтина о специфике гуманитарных наук. Согласно русскому мыслителю, «предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие», т.е. человек и его мир во всем многообразии своих проявлений. «Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [34, с. 8]. «Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» [34, с. 7].

В том значении, в котором Бахтин употребляет термин «глубина», речь идет об основе, на которой разворачивается процесс творения человеком его, собственно человеческого мира. И эта основа, по Бахтину, — не что иное, как диалогическое общение, трактуемое как аналог жизненного процесса в мире *homo sapiens*: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум... Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он всегда и везде на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [35, сс. 330, 337]. Принципиально важно то, что в понимании Бахтина подлинный диалог далек от состояния непереносимого согласия по любым спорным вопросам: «Активное согласие-несогласие (если оно не предрешиено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения» [35, с. 366]. Более того: «Бесконфликтность разлагает... диалог», который понимается как «встреча, соприкосновение и борьба разных индивидуальностей» [34, сс. 209, 215]. Такое понимание исключает точку зрения, согласно которой подлинный диалог возможен лишь в случае полного отождествления с «Другим», растворения в нем. «Но чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом (вместо двух участников стал бы один — обеднение бытия)... Этот момент не-бытия моего никогда не может стать моментом бытия сознания, его просто не было бы для меня, т.е. бытие не совершалось бы через меня в этот момент» [36, сс. 30-31]. Подлинное диалогическое общение — это всегда напряженный диалог-спор его участников. Язык для Бахтина — это и «средство общения», и «орудие борьбы», «всякое высказывание по природе своей есть реплика диалога (общение и борьба)» [34, сс. 209, 212].

Отношение к «Другому» определяет способ формирования диалогической основы человеческой жизни. Именно этот способ определяет и подход к решению вопроса о соотношении структурообразующих начал единства и многообразия: доминанта многообразия обусловлена именно характерным для цивилизационного «пограничья» (и принципиально отличным от «исключающих» дискурсов, типичных для «классических» цивилизаций) [5, сс. 60-61] пониманием «Другого» как необходимой составляющей собственного жизненного пространства. Именно в силу подобного решения проблемы «Другого» оказалась возможна метисация, в конечном счете само возникновение Латинской Америки как «мира миров» единого и многообразного одновременно [37]. Именно такое решение проблемы «Другого» — самое глубокое проявление культурной детерминации. То есть —

детерминации, исходящей от самой основы латиноамериканской культуры, проявляющей себя на всех уровнях — местном, национальном, общерегиональном (цивилизационном).

Разумеется, сформулированный тезис нуждается в дальнейшей конкретизации. Учитывая охарактеризованную в предыдущей статье [1, сс. 93-94] ключевую роль «пространства свободы» личности в обеспечении целостности цивилизационной системы, главным фактором, непосредственно обуславливающим культурную детерминацию процессов, происходящих в Латинской Америке, следует, по-видимому, считать воздействие на эти процессы через специфическую для латиноамериканского культурного космоса трактовку индивидуального начала, его роли в различных сферах бытия латиноамериканца, его взаимосвязи с обществом и иными традициями. Это — одна из наиболее трудных для интерпретации тем латиноамериканской мысли. Трудности, в свою очередь, связаны с тем, что в условиях «пограничной» реальности региона доминанта многообразия проявляется в наличии таких качеств, как амбивалентность (т.е. одновременная ориентированность мысли и действия в прямо противоположных направлениях) и антиномичность (т.е. тенденция к лобовому столкновению полярностей бытия при отсутствии между ними опосредующих звеньев). Наличие этих качеств означает, что взаимоисключающие подходы к решению ключевых проблем человеческого существования одинаково органичны для «пограничного» цивилизационного космоса. То же самое касается и личности. Здесь можно проследить две взаимоисключающие тенденции — к утверждению абсолютной свободы без границ (олицетворением этой тенденции является фигура гаучо в аргентинской традиции) и к тотальному контролю над личностью со стороны общностей различного типа — от семьи и общины до государства [38, сс. 273-294].

Особенно остро эта проблема стала ощущаться в эпоху модернизации. В основе комплекса ценностей модернизации лежат две основополагающие ценности, между которыми всегда существовало крайнее напряжение — свобода выбора во всех областях жизни и рациональность. Первая из них, как правило, определяется в западной интеллектуальной традиции как «индивидуализм» (в широком смысле). Появление индивидуализма с началом «модерн-эпохи» означало, что коренное экзистенциальное противоречие между социумом и индивидом стало решаться на базе утверждения приоритета личностного начала. Возникла ситуация, когда именно личность становится ключевым фактором формирования социальности.

Проблема восприятия и реинтерпретации ценности индивидуализма заняла особое место в латиноамериканской истории. Первоначально она воспринималась как нечто чуждое местной «почве», порожденное совершенно иной реальностью. В этой связи некоторые авторы обратили внимание на характерную черту действительности нового, образовавшегося в Иbero-Америке человеческого мира, сформировавшегося в ходе и в результате взаимодействия с «фаустовской» цивилизацией: яркое проявление индивидуального начала с самого начала сопровождалось отказом преобладающей части населения воспринимать себя и окружающую действительность в системе ценностей и представлений западного индивидуализма [39]. Чилийский и французский исследователи Катя Араухо и Данило Мартучелли видят в этом парадокс, особенно если учесть, что тематика утверждения индивидуального начала ярко проявилась в правовой сфере (гражданские кодексы, право собственности, политические права), при принятии первых конституций только что рожденных в огне Войны за независимость госу-

дарств, для которых характерна ярко выраженная индивидуалистическая тональность [39]. Между тем это вполне закономерно. Социокультурная почва Иbero-Америки была в значительной мере подготовлена к восприятию самой идеи ценности индивидуального начала. К началу XIX в. на континенте уже существовала сильная традиция особого рода иберокатолического индивидуализма, унаследованная от эпохи Реконкисты и особенно ярко проявившаяся в мировоззрении и деятельности конкистадоров [40]. Но вот с западной версией индивидуализма дело обстояло значительно сложнее. Становление свойственного Иbero-Америке подхода к решению проблемы личности происходило в ходе крайне напряженного взаимодействия иберокатолического и западного пониманий роли личности. На поверхности социальной жизни это выглядело как процесс сложного восприятия местной «почвой» ценности, первоначально органически выросшей в западном историко-культурном контексте. Этот процесс может быть рассмотрен в разных ракурсах и с помощью разной научной терминологии. Одно из наиболее интересных решений предложили уже упоминавшиеся К.Араухо и Д.Мартучелли. Наряду с понятием индивидуализма они ввели в научный оборот понятие «индивидуация». Под этим термином понимается процесс формирования («производства» по терминологии авторов) типа человека, соответствующего данной культурной среде. Авторы обосновывают точку зрения, согласно которой способы индивидуации принципиально отличаются на Западе и в Латинской Америке. Западный индивидуализм характеризуется как «институциональный»: здесь утверждение прав индивида происходило одновременно с утверждением институциональной, политической и правовой структуры, обеспечивавшей воплощение в жизнь ценностей утверждения индивидуального начала. С этим выводом Араухо и Мартучелли вполне можно согласиться. Но к их соображениям хотелось бы добавить следующее. В моей предыдущей статье была сформулирована мысль о неоднородности самого индивидуального начала, в котором различаются надличностный слой, включающий общепринятые в данном обществе ценности, установки и нормы поведения, и собственно индивидуальный слой — «пространство свободы» личности [1]. Специфика развития взаимоотношений между личностью и обществом на Западе заключается в том, что здесь надличностный слой в структуре индивидуальности преобладал над «пространством свободы». Это демонстрируют такие, проанализированные видными западными мыслителями явления, как «бегство от свободы», прослеживаемое Эрихом Фроммом с эпохи Реформации до наших дней, феномен «восстания масс», всесторонне проанализированный Хосе Ортегой-и-Гассетом, появление нового типа индивидуальности — «одномерного человека» (термин Герберта Маркузе) [41; 42; 43]. По-видимому, в данном случае речь идет об определяющей структурной характеристике «институционализованного» индивидуализма: утверждение прав и значения личности происходило одновременно с утверждением в рамках самой личности надличностного измерения, опирающегося на соответствующие институты.

В отличие от этого в условиях рождавшейся в колониях иберийских монархий культурно-исторической макрообщности утверждение индивидуального начала не было обеспечено соответствующими институциональными структурами. Личность здесь утверждала себя преимущественно благодаря собственным усилиям, без поддержки (или, во всяком случае, при слабой поддержке) подобных структур, опираясь практически исключительно на «грибницу» личных либо клановых связей. По определению Араухо и Мартучелли, это — «совершенно особый путь» утверждения

личностного начала, который характеризуется ими как «самоподдерживающаяся (*agéntica o agencial*) [39, p. 5] индивидуация». Фактически, это — выраженная в несколько иных формулировках та же идея о ключевом значении «пространства свободы» личности, о которой говорилось уже не раз. Подобная специфика проявления личностного начала прямо связана с ситуацией многостороннего и крайне противоречивого взаимодействия качественно различных традиций, в которой обнаруживает себя доминанта многообразия.

Впрочем, к этой, «исконно латиноамериканской» интерпретации личностного начала дело, разумеется, не сводилось. Западная версия индивидуализма, впервые воспринятая обществами региона в эпоху Просвещения и, бесспорно, наиболее соответствующая задачам модернизации, постепенно укоренялась в Новом Свете в ходе длительного и сложного процесса. Араухо и Мартучелли описывают этот процесс как «проблематизацию» западного понимания индивидуализма в социокультурной среде Иbero-Америки. Процесс «проблематизации» прошел ряд стадий, ни одна из которых не завершена и по сей день. Здесь невольно всплывает в памяти оценка особенности литературного процесса Латинской Америки: «Здесь ничто не кончается и ничто не существует в отдельности» [44, pp. 161-162]. По-видимому, в данном случае находит свое отражение в разных ареалах духовного космоса континента определяющая характеристика этого космоса: доминанта многообразия. Упомянутые авторы убедительно показали, что каждая из «проблематизаций» характеризуется особым типом напряжения между органичной для латиноамериканской почвы «самоподдерживающейся индивидуацией» и западной версией индивидуализма, как правило, навязываемой на государственном уровне через систему скопированных с западных образцов конституционных положений и норм законодательства, сформулированных в соответствии с романо-германской правовой традицией.

Первая «проблематизация», согласно Араухо и Мартучелли [39, pp. 8-9], была связана с тем, что официальное утверждение индивидуалистических ценностей в конституциях и правовых актах рожденных в огне Войны за независимость молодых государств сопровождалось утверждением принципа недоверия к «неуправляемой массе» — низам и (частично) средним слоям, составлявшим подавляющее большинство населения бывших колоний и продолжавшим жить в основном в соответствии с традициями колониального периода (а в случае с индейскими общинами — и доколумбова прошлого). Идея о том, что массы не готовы к восприятию ценностей индивидуальных свобод и демократии прочно засела в умах элиты, получив наиболее яркое воплощение в создании особого политического режима «элитарной демократии» в Аргентине [45, сс. 258-304] в последней трети XIX — начале XX в. Недоверие к «неуправляемой массе» стало, по-видимому, инвариантом политической культуры «верхов» в регионе, хотя в современную эпоху оно проявляется в других, как правило, более замаскированных «общедемократических» клише формах. Но, как справедливо отмечают К.Араухо и ее соавтор, одним из главных качеств народных масс в странах региона (в разной степени проявляющимся в различных страновых контекстах) и по сей день более всего пугающим тех, кто ориентируется на «чистые» формы социальности по западному образцу, является отчетливо выраженная тенденция к переходу через грань меры как способу бытия (при том, что мера известна: это опять же западная мера) [39, pp. 8-9]. Автору этих строк, как и другим коллегам (среди которых особо выделяется А.Ф.Кофман), уже не раз приходилось писать об этом качестве

как об одной из определяющих характеристик латиноамериканского цивилизационного сознания [38, сс. 221-232; 37].

Вторая «проблематизация» проявилась в одновременном утверждении на государственном уровне индивидуалистических ценностей и институтов и программ полного разрушения наследия доколумбова прошлого и колониального периода, прежде всего тех институтов, которые были единственными формами организации социальности, доступными массам. Наряду с корпорациями, прежде всего религиозными, сохранившимися с колониальной эпохи, главную роль среди них играла община, расцениваемая апологетами капиталистического прогресса как главное препятствие на пути модернизации. Наиболее ярко эта разновидность «проблематизации» проявилась в идеологии и практике режима Порфирио Диаса (1876, 1877—1880, 1884—1911 гг.) в Мексике и так называемом «цивилизаторском проекте» Доминго Фаустино Сармьенто (1868—1874 гг.) и его единомышленников в Аргентине. В рамках этого проекта предполагалось осуществить полную перестройку сложившейся к последней трети XX в. социокультурной реальности (фактически замену всей социальной «ткани» человеческим «материалом», прямо «импортированным» из Европы в результате массовой иммиграции) и тотальный разрыв с иберийской, автохтонной и афроамериканской составляющими латиноамериканского «мира миров». Попытка воплощения в жизнь этих планов вызвала мощную реакцию отторжения прежде всего в крестьянстве (индейском и метисном), городских низах, рабочем классе, появившемся в результате возникновения современной промышленности, и в зародившейся в процессе генезиса капиталистических форм организации социальной жизни национальной буржуазии, ориентированной первоначально на внутренний рынок. Итогом стали мексиканская революция, покончившая с «Порфириатом», и стратегический провал «цивилизаторского проекта». Несмотря на то, что европейская иммиграция привела к очень существенным сдвигам в ряде стран региона (главным образом, в Южном конусе — Аргентине, Уругвае, отчасти Чили, на юге Бразилии), она не изменила уже сложившуюся ранее иберо-американскую цивилизационную основу, не затронула главные ее сущностные характеристики — доминанту многообразия при сохранении соответствующего ей пути достижения целостности социокультурной системы.

Третья «проблематизация» оказалась связана с появлением популистских движений, являвших собой парадоксальное сочетание двух феноменов, — вторжения на политическую арену масс, лишенных до этого представительства, и акцентировки роли личности в фигуре харизматического лидера. Популизм основан на взаимоупоре противоположностей — гипертрофии двух начал — коллективного, воплощенного в этих массах, и индивидуального, олицетворяемого главой движения.

Следующая по времени «проблематизация» была обусловлена попыткой массированного внедрения ценностей свободного предпринимательства в эпоху неолиберальных реформ, осуществленных правоавторитарными диктатурами уже в 60—70-е годы XX в. Хотя в этот период индивидуалистические ценности частично проникли на уровень массового сознания, прежде всего среди представителей неформального сектора, главным образом — населения маргинальных кварталов латиноамериканских городов. Однако, если внимательно проанализировать, в частности, примеры, приведенные наиболее известным апологетом этого нового, относительно массового вида мелкого индивидуального предпринимательства, Э. де Сото [46], то станет очевидно, что речь идет именно о том, «самоподдержи-

вающемся» типе индивидуализма, сущностные характеристики которого были описаны неоднократно упоминавшимися К.Араухо и Д. Мартучелли. Это касается прежде всего отсутствия сколько-нибудь значимой институциональной поддержки.

Следующий по времени появления тип «проблематизации» оказался связан с новым этапом глобализации и частичным принятием латиноамериканским обществом западной версии индивидуализма в условиях развертывания процессов демократизации на рубеже XX—XXI вв. В данном случае, по-видимому, имело место творческое восприятие ядра западной традиции утверждения личного достоинства и свободы выбора с одновременным отрицанием западного формализма в трактовке демократических принципов. Эта «проблематизация» напрямую связана с переосмыслением латиноамериканской мыслью проблематики прав человека.

Учитывая то, что говорилось ранее о ключевом значении «пространства свободы» личности, данная проблематика не могла не занять — и заняла — центральное место в латиноамериканской жизни. Защита прав человека в этом ракурсе должна рассматриваться как защита самой основы культуры и одновременно — как наиболее зримое проявление детерминирующего воздействия этой основы на все стороны жизни общества — от политики до экономики и духовной сферы. Характер подобного воздействия находит свое отражение в тех основных направлениях, по которым развертывается процесс переосмысления концепции прав человека носителями латиноамериканского цивилизационного сознания. Предельно обобщая, можно выделить следующие направления такого рода.

Для латиноамериканской мысли характерны две основные тенденции: стремление в полной мере использовать опыт, накопленный мировой, прежде всего западной, правовой и политической мыслью и в то же время максимально учесть специфику архетипических и социокультурных основ правопонимания и правовой политики в странах Латинской Америки. Эти тенденции взаимно дополняют и одновременно противоречат друг другу, поскольку попытки непосредственного, без учета местной цивилизационной специфики переноса правовых институтов и идей западного происхождения на латиноамериканскую почву неизбежно вновь и вновь приводят, как показал опыт, к институциональному и духовно-ценностному кризису. Хотя латиноамериканским авторам отнюдь не чуждо стремление подробно рассмотреть и, опираясь на западный опыт, по-своему переосмыслить юридическую проблематику*, все же главный вектор латиноамериканской мысли направлен, насколько я могу судить [48], на изучение проблематики прав человека, основываясь на познании специфики самого человека. Не абстрактного индивида, а конкретного (во всем множестве его разновидностей) латиноамериканца — живое пульсирующее ядро латиноамериканской цивилизации. Для большинства латиноамериканских авторов, пишущих по этой тематике, характерно стремление преодолеть просвещенческое понимание природы человека как некоей совокупности черт, свойственных всем представителям вида *homo sapiens* в любую эпоху повсюду на планете. Стремление, основанное на понимании того, что нет «человека вообще». Человек всегда конкретен, обусловлен теми или иными конкретными обстоятельствами своего пребывания в истории и в определенной природной среде. Любой из живущих на планете людей принад-

* В том числе преодолеть традиционное противопоставление различных школ права, в первую очередь — юридического позитивизма и естественно-правовой теории. См., например, [47].

лежит к той или иной традиции, входит в ту или иную общность (как правило, одновременно в несколько различных общностей), живет в определенном месте, может менять место жительства и даже свою принадлежность к какой-либо традиции (феномен смены идентичности главным образом в современную «электронную» эру), но всегда так или иначе проходит свой собственный неповторимый жизненный путь.

С особой ясностью и силой данную тенденцию латиноамериканской мысли выразил один из самых интересных современных мыслителей Латинской Америки, уже упоминавшийся Боливар Эчеверриа. По словам Эчеверрии, «человеческой природы вообще на самом деле нигде не существует: нет ни одного человека, который был бы только просто человеком и не был бы ничем помимо этого. Люди всегда и в любом случае — это конкретные люди... которые вовлечены в определенную систему отношений», они существуют и действуют в рамках определенной истории, мыслят в рамках определенного «метанарратива», придерживаются определенных представлений о мире, основываясь на которых они ориентируются в реальности и которые «придают смысл процессу воспроизводства их индивидуальных жизней». Вовлечение в ту или иную систему отношений, в исторический процесс необходимым образом предполагает обретение человеком собственной идентичности... Люди могут стать настоящими людьми в той мере, в какой их человечность конкретна» [30, р. 60].

Учитывая то, что неоднократно говорилось о ключевом значении «собственно индивидуального» пласта как фактора достижения целостности цивилизационной системы в условиях социокультурного «пограничья», проблема идентификации неизбежно должна была занять (и действительно заняла) центральное место в латиноамериканской мысли. Собственно, и проблематика прав человека стала (иногда неосознанно, но чаще всего вполне сознательно) рассматриваться именно через эту призму. Соответственно, происходило постепенное осознание права на собственную идентичность, на ее сохранение как *conditio sine qua non** реализации всех остальных прав человека. Поиски ответа на вопрос «кто мы?» заняли центральное место в духовных исканиях латиноамериканцев.

Разные варианты ответа на поставленный выше вопрос повлекли за собой возникновение различных образов латиноамериканской идентичности, которые сталкиваются и соперничают в цивилизационном сознании жителей региона. Вся их совокупность тяготеет, в конечном счете, к двум полюсам. Вокруг одного концентрируются те, для кого Латинская Америка — это не новый человеческий мир, имеющий собственное культурно-историческое лицо, а арена продолжающейся уже более пяти столетий борьбы миров, абсолютно несовместимых друг с другом — европейской цивилизации и автохтонного индейского мира. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что к этому направлению относятся как ультраиндеанисты, считающие, что только индейское начало выражает глубинную сущность действительности континента, а все европейское обречено на гибель как нечто, абсолютно чуждое этой действительности [49, pp. 15-31], так и западники, для которых Латинская Америка — не более, чем тавтология мировой истории, простое повторение Европы, только в ухудшенном варианте.

* *Conditio sine qua non* (лат.) — выражение, обозначающее необходимое условие, а также действие или ингредиент. — Прим. ред.

Вокруг другого полюса концентрируются те, кто убежден, что Латинская Америка — это именно особый человеческий мир, бесконечно многообразный, но единый в самых глубинных своих основах, обладающий собственной идентичностью, несводимой к совокупности идентичностей его многочисленных составляющих. Простое перечисление имен представителей как того, так и другого направлений могло бы занять, наверное, не одну страницу [38, сс. 174-178]. Многие годы изучения латиноамериканской проблематики привели меня к убеждению, что правы приверженцы второй из обозначенных традиций.

Здесь прослеживается прямая линия преемственности от С.Боливара к Х.Марти, а от него — к современным мыслителям, прежде всего Л.Сеа и его школе. В последние десятилетия одним из наиболее ярких представителей данной тенденции являлся неоднократно цитировавшийся выше Б.Эчеверриа.

Результаты исследований последних лет [50; 48] позволяют сделать вывод о том, что в латиноамериканской мысли происходило постепенное осознание того, что утверждение права на собственную идентичность, на ее сохранение и укрепление является обязательным условием реализации всех остальных прав человека. Но столь же верно и то, что мыслители и ученые континента отлично сознавали, что, не отстаивая остальные основные права человека, утвердить собственную идентичность невозможно. Одно неотделимо от другого. Поэтому для сохранения собственного неповторимого исторического лица необходимы соответствующие социальные, экономические и политические условия, достижение определенного баланса в отношении с природной средой, позволяющего приспосабливаться к ней и одновременно приспосабливать ее к человеческим потребностям, не допуская в то же время ее разрушения. Необходимо, разумеется, и достижение достаточно высокого уровня развития духовной культуры как особой сферы деятельности, в рамках которой, собственно, и происходит осознание собственной идентичности.

Если попытаться предельно обобщить основные тенденции, свойственные латиноамериканской мысли в том, что касается проблематики прав человека, то можно констатировать следующее. Для большинства латиноамериканских авторов, посвятивших свои работы данной теме, характерны:

— повышенное внимание к социальной, экологической и культурной составляющим проблематики прав человека. В рамках этой проблематики особенно остро ставятся вопросы о защите и расширении социальных прав и гарантий трудящихся, о женском равноправии, о правах индейских народов (в том числе в связи с темами необходимости сохранения автохтонного культурного наследия и природной сферы обитания) [51]; [52]; [53]; [54]; [55]; [56]; [57]; [58, pp. 48-49, 58-60, 62-64, 65, 69-73]; [59]. В данном контексте происходит и переосмысление концепта демократии, ставится задача расширения возможностей реального участия основной массы народа в принятии политических решений, преодоления формального характера модели представительной демократии западного образца;

— стремление преодолеть политическое и правовое наследие эпохи правоавторитарных диктатур, выработать адекватное условиям государств региона политическое и правовое решение проблемы «юстиции переходного периода» (*la justicia transitoria*) [60]; [61]; [62]; [63];

— попытки переосмыслить спорные вопросы правовой теории, явное стремление преодолеть противопоставление различных школ права [58]; [64]; [47];

— стремление учесть новые реалии «электронной эры», проявившееся в двух направлениях: во-первых, в выдвижении концепции «четвертого поколения» прав человека; во-вторых, в акцентировке опасностей, связанных с новыми технологиями, с помощью которых можно практически полностью контролировать все сферы жизни человека [65]; [66].

Полноценное рассмотрение каждого из перечисленных пунктов — тема отдельного исследования, поэтому в данном случае ограничимся простым перечислением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Шемякин Я.Г. Проблема культурной детерминации различных сфер жизни социума: латиноамериканский опыт в универсальном контексте (институциональное измерение). *Вопросы теоретической экономики*. М., 2022, № 2, сс. 92-111 [Shemyakin Ya.G. Problema kul'turnoi determinatsii razlichnykh sfer zhizni sotsiuma: latinoamerikanskii opyt v universal'nom kontekste (institutsional'noe izmerenie) [The problem of cultural determination of various spheres of social life: Latin American experience in a universal context (institutional dimension)]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. Moscow, 2022, N 2, pp. 92-111. (In Russ.)]
2. Wade P.A. A Nation Divided: Building the Cross-Border Mapuche Nation in Chile. *Journal of Latin American Studies*. Cambridge University Press, 2013, vol. 45, part 2, pp. 235-264.
3. Cisternas J., Rarrazábal C. Desarrollo local e identidad indígena. Crítica a los discursos de la autenticidad. *Diálogos Latinoamericanos*. Aarhus, 2018, N 27, pp. 93-102.
4. Alvarez Fuentes G. Las relaciones transfronterizas indígenas y la (in)utilidad de las fronteras. *Nueva Sociedad*. Buenos Aires, 2020, N 289, pp. 81-93.
5. Шемякин Я.Г. Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт. Константинова Н.С. (отв. ред.). *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*. М., ИЛА РАН, 2019, сс. 34-66 [Shemyakin Ya.G. Identichnost' kak sposob bytiia kul'tury. Latinoamerikanskii opyt [Identity as a way of being culture. Latin American experience. Konstantinova N.S. (otv.red.)]. *Iberoamerika: kul'turnaia identichnost' v epokhu globalizatsii*. Moscow, ILA RAN, 2019, pp. 34-66. (In Russ.)]
6. Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М., Прогресс, 1984, 342 с. [Sea L. Filosofii amerikanskoi istorii. Sud'by Latinskoi Ameriki [Philosophy of American History. The fate of Latin America]. Moscow, Progress, 1984, 342 p. (In Russ.)]
7. Iberica Americans: Праздник в иберо-американской культуре. М., ИМЛИ РАН, 2002, 395 с. [Iberica Americans. Prazdnik v ibero-amerikanskoi kul'ture [Iberica Americans. A holiday in Iberoamerican culture]. Moscow, IMLI RAN, 2002, 395 p. (In Russ.)]
8. Рус М.У. Народы майя: пятьсот лет сопротивления. *Американские индейцы: новые факты и интерпретации*. М., Наука, 1996, сс. 69-93 [Rus M.U. Narody maiia: piat'sot let soprotivleniia. *Amerikanskii indeitsy: novye fakty i interpretatsii*. [Mayan peoples: five hundred years of resistance. American Indians: new facts and interpretations]. Moscow, Nauka, 1996, pp. 69-93 (In Russ.)]
9. Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив: Гнозис, 2014, 592 с. [Zemskov V.B. O literature i kul'ture Novogo Sveta [About the literature and culture of the New World]. Moscow, Saint-Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Gnozis. 2014, 592 p. (In Russ.)]
10. Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив: Гнозис, 2015, 343 с. [Zemskov V.B. Obraz Rossii v sovremennom mire i drugie siuzhety [The image of Russia in the modern world and other subjects]. Moscow, Saint-Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Gnozis, 2015, 343 p. (In Russ.)]
11. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М., Наследие, 1997, 320 с. [Kofman A.F. Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira [Latin American artistic image of the world]. Moscow, Nasledie, 1997, 320 p. (In Russ.)]
12. Шемякин Я.Г. Россия – Латинская Америка – Запад: дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов. *Общественные науки и современность*. М., 2011, № 3, сс. 79-96 [Shemya-

kin Ya.G. Rossiia – Latinskaia Amerika – Zapad: diskurs vzaimodeistviia i vzaimodeistvie diskursov. [Russia - Latin America - the West: the discourse of interaction and the interaction of discourses]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. Moscow, 2011, N 3, pp. 79-96. (In Russ.).

13. Шемякин Я.Г. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., ИВИ РАН, 2013, сс. 23-45. [Shemyakin Ya.G. Fenomen «pogranichnosti»: sotsiokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy. [The phenomenon of "borderline": socio-cultural content and historical types]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. Moscow, IVI RAN, 2013, pp. 23-45. (In Russ.).

14. Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова. *Мир России*. М., 2016, № 1, сс.154-180 [Shemyakin Ya.G. Rossiia i Latinskaia Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniia. Razmyshleniia nad knigami V.B. Zemskova. [Russia and Latin America as civilizations: an attempt at comparison. Reflections on the books of V.B. Zemskov]. *Mir Rossii*. Moscow, 2016, N1, pp.154-180. (In Russ.).

15. Шемякин Я.Г. Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности. *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. М., Аквилон, 2018, сс. 348-402 [Shemyakin Ya.G. Konflikt interesov i konflikt tsennostei. Migratsionnaia problematika v kontekste problemy tsivilizatsionnoi identichnosti. [Conflict of interest and conflict of values. Migration issues in the context of the problem of civilizational identity]. *Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspektive*. Moscow, Akvilon, 2018, pp. 348-402. (In Russ.).

16. Костогрызлов П.И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М., «Юрлитинформ», 2018 [Kostogryzov P.I. Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoii Ameriki. [Community Justice in Latin America]. Moscow, «Iurlitinform», 2018 (In Russ.).

17. Шемякин Я.Г. Рождение цивилизации. Размышления над книгой А.Ф. Кофмана. *Латинская Америка*. М., 2019, № 6, сс. 30-45 [Shemyakin Ya.G. Rozhdenie tsivilizatsii. Razmyshleniia nad knigoi A.F. Kofmana. [The birth of civilization. Reflections on the book by A.F. Kofman]. Moscow, *Latinskaya Amerika*. 2019, N6, pp. 30-45. (In Russ.).

18. Шемякин Я.Г. «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте. *Латинская Америка*. М., 2021, №9, сс. 83-96. [Shemyakin Ya.G. «Pogranichnost'» kak sposob sokhraneniia i utverzhdeniia identichnosti. Istoricheskii opyt indeiskikh kul'tur Latinskoii Ameriki v universal'nom kontekste. [“Borderline” as a way to preserve and assert identity. Historical experience of the Indian cultures of Latin America in a universal context]. Moscow, *Latinskaya Amerika*. 2021, N9, pp. 83-96. (In Russ.).

19. Шемякин Я.Г. Социокультурная «пограничность» в контексте всемирной истории//Проблемы социокультурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова. М., ИМЛИ РАН, 2015, сс. 37-67. [Shemyakin Ya.G. Sotsiokul'turnaia «pogranichnost'» v kontekste vseмирnoii istorii [Sociocultural "borderline" in the context of world history]. *Problemy sotsiokul'turnogo pogranich'ia. Pamiati Valerii Borisovicha Zemskova*. – Moscow, IMLI RAN, 2015, pp. 37-67. (In Russ.).

20. Шемякин Я.Г. Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия-Латинская Америка-Запад). «Миры миров»: в поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. М., Фонд исторической перспективы, 2016, сс. 3-43. [Shemyakin Ya.G. Identichnost' i tip tsivilizatsii: osobennosti sootnosheniia (Rossiia-Latinskaia Amerika-Zapad) [Identity and type of civilization: features of correlation (Russia-Latin America-West)]. «Miry mirov»: v poiskakh identichnosti. Rossiia i Latinskaia Amerika v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive. Moscow, Fond istoricheskoi perspektivy, 2016, pp. 3-43. (In Russ.).

21. Шемякин Я.Г. Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей. *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. М., Аквилон, 2018, сс. 16-27. [Shemyakin Ya.G. Global'noe, universal'noe, lokal'noe: sootnoshenie poniatii i sootnoshenie real'nostei. [Global, universal, local: correlation of concepts and correlation of realities]. *Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspektive*. Moscow, Akvilon, 2018, pp. 16-27. (In Russ.).

22. Шемякин Я.Г. Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры. *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*. М., ИЛА РАН, 2019, сс. 67-129. [Shemyakin Ya.G. Kul'tura v kontekste globalizatsii i globalizatsiia v kontekste kul'tury [Culture in the context of globalization and globalization in the context of culture]. *Iberoamerika: kul'turnaia identichnost' v epokhu globalizatsii*. Moscow, ILA RAN, 2019, pp. 67-129. (In Russ.).

23. Шемякин Я.Г. Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт ибероамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте. *Вопросы иберо-романистики*. М., 2019, вып. 17, сс. 114-128. [Shemyakin Ya.G. Iazyk kak faktor obespecheniia tselostnosti tsivilizatsionnoi sistemy. Opyt iberoamerikanskogo sotsiokul'turnogo «pogranich'ia» v sravnitel'no-istoricheskom kontekste. [Language as a factor in ensuring the integrity of the civilizational system. The experience of the Ibero-American socio-cultural "borderland" in a comparative historical context]// *Voprosy ibero-romanistiki*. Moscow, 2019, vol. 17, pp. 114-128. (In Russ.).
24. Шемякин Я.Г. Образ реальности и реальность образа: проблема цивилизационной идентичности в свете опыта социокультурного «пограничья». Олыштын, *Przegląd Wschodnioeuropejski (East European Review)*. 2020, XI/1, сс. 219-229. [Shemyakin Ya.G. Obraz real'nosti i real'nost' obraza: problema tsivilizatsionnoi identichnosti v svete opyta sotsiokul'turnogo «pogranich'ia». [The Image of Reality and the Reality of the Image: The Problem of Civilizational Identity in the Light of the Experience of the Socio-Cultural "Borderland"]. *Przegląd Wschodnioeuropejski (East European Review)*. Olsztyn, 2020, XI/1, pp. 219-229 (In Russ.).
25. *Contrahistorias. La otra mirada del Clio*. México, 2004, N 3, pp. 18-19.
26. Костогрызов П.И. Идеология сума каманья в политике ценностей левоиндигенистского режима Э.Моралеса. Пермь, *Вестник Пермского университета. История*. 2019, выпуск 4(47), сс. 30-40. [Kostogryzov P.I. Ideologiya suma kaman'ia v politike tsennostei levoindikhenistskogo rezhima E.Moralesa [The ideology of suma kamanya in the policy of values of the left-indigenist regime of E. Morales]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*. Perm, 2019, vol. 4 (47), pp. 30-40. (In Russ.).
27. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самосознания. *История. Культура. Язык*. М., Издательская группа «Прогресс-Универс», 1995, 797 с. [Trubetskoi N.S. K probleme russkogo samosoznaniia. [To the problem of Russian self-consciousness]. Trubetskoi N.S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk*. [History. Culture. Language.]. Moscow, Izdatel'skaia gruppа «Progress-Univers», 1995, 797. (In Russ.).
28. Larraín J. La identidad latinoamericana. Teoría e historia. *Estudios públicos*. Santiago de Chile, 1994, N 55, pp. 31-64.
29. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., «Coda», 1997, 342 с. [Averintsev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury. [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, «Coda», 1997, 342 p. (In Russ.).
30. Echeverría B. La múltiple modernidad de América Latina. *Contrahistorias. La otra mirada del Clio*. México, 2005, N 4, pp. 57-70.
31. «Миры миров»: в поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. М., Фонд исторической перспективы, 2016, 120 с. [«Miry mirov»: v poiskakh identichnosti. Rossiia i Latinskaia Amerika v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive. [“Worlds of Worlds”: in search of identity. Russia and Latin America in a Comparative Historical Perspective]. Moscow, Fond istoricheskoi perspektivy, 2016, 120 p. (In Russ.).
32. Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М., ИЛА РАН, 2019 [Iberoamerika: kul'turnaia identichnost' v epokhu globalizatsii. [Iberoamerica: Cultural Identity in the Age of Globalization]. Moscow, ILA RAN, 2019. (In Russ.).
33. Померанц Г.С. Теория субэкумен и проблема стыковых культур. *Выход из транса*. М., Юрист, 1995, сс. 338-345. [Pomerants G.S. Teoriia subekumen i problema stykovykh kul'tur. *Vykhod iz transa*. [The theory of subecumene and the problem of butt cultures. *Exit from trance*]. Moscow, Iurist, 1995, pp. 338-345. (In Russ.).
34. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., «Русские словари», 1997 [Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. [Collected works]. Т. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov. Moscow, «Russkie slovari», 1997. (In Russ.).
35. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., «Искусство», 1986, 444 с. [Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, «Iskusstvo», 1986, 444 p. (In Russ.).
36. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. [Bakhtin M.M. Chelovek v mire slova. [Man in the world of words]. Moscow, Izd-vo Ros. otkrytogo un-ta, 1995. (In Russ.).
37. Davydov V. Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú. Moscow, ILA ACR, 2016, 146 p.

38. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., Наука, 2001. [Shemyakin Ya.G. Evropa i Latinskaia Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vseмирnoy istorii. [Europe and Latin America: The Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka, 2001. (In Russ.).
39. Araujo K., Martuccelli D. Problematizaciones del individualismo en América Latina. *Perfiles Latinoamericanos*. México, 2020, 28 (55), pp. 1-25.
40. Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб., Издательство «Крига», 2017, 1030 с. [Kofman A.F. Pod pokrovitel'stvom Sant'iago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenitykh konkistadorov. [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of the famous conquistadors]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 2017, 1030 p. (In Russ.).
41. Фромм Э. Бегство от свободы. М., Прогресс, 1990, 269 с. [Fromm E. Begstvo ot svobody. [Escape from freedom]. Moscow, Progress, 1990, 269 p. (In Russ.).
42. Ortega-y-Gasset J. La rebelión de las masas. Madrid, Alianza Editorial, 2005, 284 p.
43. Маркузе Г. Одномерный человек. М., ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003, 336 с. [Markuze G. Odnomernyi chelovek. [One dimensional person]. Moscow, ООО «Izdatel'stvo AST», ЗАО NPP «Ermak», 2003, 336 p. (In Russ.).
44. Uslar Pietri A. Breve historia de la novela hispanoamericana. Madrid, Edime, 1974, 183 p.
45. Шемякин Я.Г. От элитарной демократии к «катастрофическому равновесию». *Политическая система общества Латинской Америки*. М., Наука, 1982, сс. 258-304. [Shemyakin Ya.G. Ot elitarnoi demokratii k «katastroficheskomu ravnovesiiu». [From elitist democracy to "catastrophic balance"]. *Politicheskaya sistema obshchestva Latinskoi Ameriki*. Moscow, Nauka, 1982, pp. 258-304. (In Russ.).
46. De Soto H. El otro sendero. La revolución informal. Lima, El Barranco, 1986, 317 p.
47. Jaccottet Freitas G. El fenómeno de la adquisición de los derechos humanos: un proceso histórico, jurídico y dialéctico. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2012, vol. 23(1), Enero-junio, pp. 15-45.
48. Shemyakin Ya. Volviendo al tema de los derechos humanos. Criterio de un latinoamericanista. *Iberoamérica*. Moscow, 2015, N 3, pp. 33-55.
49. Rincón Soto L. Fausto Reinaga y su pensamiento amáutico: su crítica a la filosofía occidental. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2014, № 25(2), pp. 15-31.
50. Шемякин Я.Г. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы. *Латинская Америка*. М., 2018, № 3, сс. 5-19. [Shemyakin Ya.G. Tema prav cheloveka v kontekste problemy identichnosti: latinoamerikanskie podkhody. [The theme of human rights in the context of the problem of identity: Latin American approaches]. *Latinskaia Amerika*. Moscow, 2018, N 3, pp. 5-19. (In Russ.).
51. Vega García H. Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la reserva de la Biosfera Maya. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2014, vol.25(2), pp. 45-78.
52. Albano S. y otr. Los Derechos Economicos, Sociales y Culturales (DESC) como derechos humanos. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2013, vol.24 (1-2), pp. 17-23.
53. Olivera Fuentes A.M. Derechos humanos de los pueblos indígenas: Chile tras la ratificación del Convenio 169 de la OIT. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2009, vol. 20, pp. 13-26.
54. Martínez Castillo R. Biopiratería y pueblos indígenas: crítica y realidad. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2009, vol. 20, pp. 27-38.
55. Chiriloga Ruiz O.R. El derecho y la identidad cultural de los pueblos indígenas y las minorías nacionales: una mirada desde sistema Interamericano. Sur. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2006, N 5, pp. 43-69.
56. Castellanos C. V. Patrimonio Cultural: integración y desarrollo en América Latina. México, Fondo de Cultura Económica, 2010, 128 p.
57. Franco R., Artigas C. Derechos económicos, sociales y culturales en América Latina: su situación actual. *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*. Granada, 2001, vol.35, pp. 59-82.
58. Chacón Mata A. El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2011, vol.22(2), pp. 39-79.

59. Singer González D. El testimonio de Rigoberta Menchú: estrategias discursivas de una subjetividad fronteriza. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2012, vol.23 (1), pp. 73-88.
60. Armoso M. y otr. Argentina: diferencias intergeneracionales ante las medidas de justicia transicional. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2014, vol.25(2), pp. 151-167.
61. Feoli Villalobos M.F. Estado Constitucional de Derecho y Democracia: Conceptos antagónicos? *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2009, vol.20, pp. 39-54.
62. Agüero Águila J. Derechos humanos y democracia: entre la emancipación y la ideología. *Los derechos humanos en América Latina: Teoría y práctica*. Krakow, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2014, pp. 43-56.
63. Patiño Yepes Á. Las reparaciones simbólicas en escenarios de justicia transicional. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2010, vol.21 (2), pp. 51-61.
64. Villeda Santana M.C. Derechos humanos y desarrollo humano en México. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2011, vol.22 (2), pp. 185-208.
65. Riofrío Martínez-Villalba J.C. La cuarta ola de derechos humanos: los derechos digitales. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2014, vol 25 (1), pp. 15-45.
66. Jaccottet Freitas G. Privacidad, intimidad: un debate sobre los alcances de las limitaciones a los derechos fundamentales y la visión de la libertad de expresión ante la novela 1984 de George Orwell. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. San José, 2014, vol. 25 (1), pp. 79-94.

Yakov G. Shemyakin (shemyakinx3@gmail.com)

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences

B.Ordynka Str., 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

To the question of cultural determination of various spheres of social life. Spiritual and value dimension

Abstract. Considering the spiritual and value dimension of the theme of cultural determination of various spheres of social life in Latin American examples, the author comes to the conclusion that the most profound manifestation of such determination is the method of forming the dialogic basis of human life. This method is determined by the solution of the problem of the "Other" characteristic of the Latin American civilization as a necessary component of one's own living space. Such a decision determines the specificity of the "frontier" civilizational type to which Latin America belongs.

Key words: culture, determination, integrity, spiritual value dimension, "frontier" civilization.

DOI: 10.31857/S0044748X0022872-8

Received 05.02.2022.

ПОЛИТИКА

С.М.Кретов

Причины нестабильности современных президентских систем в странах Латинской Америки

В статье анализируются причины нестабильности президентских систем в латиноамериканских государствах. Наблюдаемое в последние десятилетия углубление конфликта между законодательной и исполнительной властями в ряде стран региона объясняется либерализацией партийного и электорального законодательства при сохранении исторических детерминант развития института президентства и при отсутствии механизмов урегулирования политических кризисов.

На основе анализа данных национальных избирательных комиссий стран континента за 1995—2022 гг. автор делает вывод о том, что повышение уровня фрагментации партийных систем приводит к снижению парламентской поддержки президента, что, в свою очередь, становится причиной институциональных кризисов. Уменьшить вероятность их возникновения могут электоральные реформы — переход от пропорциональной избирательной системы к смешанной, введение всеобщих выборов.

Ключевые слова: президентство, Латинская Америка, парламент, институциональные конфликты, партийная система.

DOI: 10.31857/S0044748X0022870-6

Статья поступила в редакцию 31.03.2022.

Начавшаяся в 1980-е годы XX в. демократизация общественно-политической жизни латиноамериканских государств привела к снятию барьеров функционирования политических сил, что повысило конкуренцию на выборах различного уровня. Новые общественно-политические объединения стали претендовать на электоральную базу традиционных политических партий — одного из столпов президент-

Станислав Михайлович Кретов — кандидат политических наук, независимый исследователь (kretovstas@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0577-0509>).

ского правления в предыдущие десятилетия, — которые на рубеже XX и XXI вв. постепенно утрачивали свой вес на фоне острых социально-политических кризисов.

В свою очередь традиционная для Латинской Америки конструкция власти, при которой президент обладает расширенными полномочиями, не претерпела значительных изменений, а в некоторых случаях (конституционные реформы в Эквадоре в 1996—1998 гг. [1] или в Боливии в 2009 г. [2]) полномочия главы государства и вовсе были расширены за счет парламента. Более того, формулировки, закрепленные в конституциях ряда стран, ограничивали роль главы государства как арбитра, стоящего над другими политическими институтами, что стало дополнительным источником напряжения в отношениях между ветвями власти. Так, основным закон Перу уполномочивает президента «олицетворять нацию» [3].

Вместе с тем из-за фрагментации партийной системы президенты во многих странах лишились части парламентской поддержки и столкнулись с необходимостью формирования широких коалиций для реализации политического курса [4]. Отсутствие выработанных механизмов поиска консенсуса по вопросам повестки дня — эндемическая черта латиноамериканской политической традиции — вкупе с расширением идеологического спектра политических сил максимально усложнило взаимодействие между главой государства и парламентом [5, с. 87].

За последние годы в целом ряде стран региона произошли острые институциональные кризисы, которые обнажили ряд хронических проблем в политическом управлении. Цели данной статьи — раскрыть причины нестабильности современных президентских систем в Латинской Америке, определить возможные пути преодоления кризисов в отношениях между ветвями власти. Методологической основой работы является институциональный подход к описанию социально-политических процессов. Проанализированные в статье государственные институты (форма правления, президентство и парламентаризм, избирательная система, политические партии) рассматриваются в качестве устойчивого типа политического поведения, выражающегося в той или иной системе коллективных действий, процедуре, механизме.

При проведении исследования автор опирался на ряд работ отечественных ученых, посвященных развитию политических процессов в странах Латинской Америки в последние десятилетия (В.М. Давыдов [6], [7]; Л.В. Дьякова [8]; З.В. Ивановский [9], [10], [11]; А.А. Манухин [12]; Л.С. Окунева [13]; А.Г. Орлов [14]; Н.М. Яковлева [15], [16]). Кроме того были проанализированы труды зарубежных авторов по проблематике форм правления, избирательного законодательства, порядка формирования органов законодательной и представительной власти (Мэттью Соберт Шугарт и Джон М. Кэрри [17], Сидни Скач и Альфред Степан [18], Джованни Сартори [19], Хуан Дж. Линц [20], Дональд Л. Горовиц [21], Гильермо О'Донелл [22], Йоханнес Фрейденрайх [4], Гэри В. Кокс и Скотт Моргенштерн [23]). Для описания юридических оснований функционирования института президентства, парламента, партийной и избирательной системы автор изучил конституции и законодательные акты латиноамериканских стран. Источ-

ником электоральной статистики за период с 1995 г.* по настоящее время были данные национальных избирательных комиссий государств региона.

Особенности политических режимов латиноамериканских государств находятся в фокусе внимания отечественного и иностранного академического сообщества. Так, А.Г.Орлов выдвигает тезис о том, что в странах континента диапазон использования президентом его чрезвычайных полномочий более обширен, чем в классической президентской республике. На фоне хронических социально-политических конфликтов в Латинской Америке эта практика применяется гораздо чаще, чем где бы то ни было [14].

Дж.Сартори считает, что главной проблемой латиноамериканского президентства является конфигурация политических институтов, которая «вынуждает президента постоянно колебаться между злоупотреблением властью и ее отсутствием» [19, р. 110]. Х.Линц подчеркивает хроническую склонность латиноамериканских президентов к использованию авторитарных механизмов политического управления [21]. Н.М.Яковлева заостряет внимание на том, что случаи злоупотребления президентскими полномочиями в странах континента часто связаны с проблемой выработки финансово-экономического курса страны и вопросами формулирования бюджетной политики [15].

Г.О'Донелл указал, что, получив поддержку избирателей, президенты латиноамериканских государств склонны рассматривать механизмы подотчетности своей кандидатуры другим политическим институтам в качестве «ненужного препятствия». В этом случае для продвижения собственных инициатив глава государства предпочитает заручаться дополнительной поддержкой граждан (к примеру, через проведение референдумов), а не вступать в политический торг с оппонентами [22].

С.Скач и А.Степан выдвигают интересное определение латиноамериканских президентских систем. С точки зрения исследователей, парламентская форма правления предполагает взаимозависимость законодательной и исполнительной ветвей власти, президентская — независимость главы государства и парламента, а в Латинской Америке наблюдается взаимозависимость этих двух ветвей власти, которые по идее должны существовать независимо друг от друга [18]. В чем же она проявляется? Подавляющее большинство латиноамериканских стран — президентские республики. В двух из них — Аргентине и Перу — существует пост председателя Совета министров, который назначается президентом без одобрения органа исполнительной власти. Вместе с тем парламентарии имеют право выразить вотум недоверия главе правительства и сместить его с поста.

Ряд государств (Аргентина, Бразилия, Боливия, Доминиканская Республика, Колумбия, Мексика, Парагвай, Уругвай, Чили) имеют двухпалатный парламент, в то время как другие (Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Сальвадор, Панама, Перу, Эквадор) — однопалатный. Для проведения релевантного компаративного исследования отно-

* С 1995 г. во всех без исключения латиноамериканских странах непрерывно проводятся общенациональные демократические выборы. В Панаме в 1994 г. состоялись первые всеобщие выборы после падения режима Мануэля Норьеги (1983—1989 гг.). В Перу в 1995 г. прошли парламентские выборы после роспуска Конгресса (1992 г.) Альберто Фухимори (1990—2000 гг.) и принятия новой Конституции страны (1993 г.).

шений между законодательной и исполнительной ветвями власти в фокусе внимания этой работы находятся нижние палаты ассамблей стран региона. Система сдержек и противовесов в латиноамериканских демократиях подразумевает право парламентариев инициировать процедуру импичмента против главы государства. В свою очередь президент имеет право распустить парламент.

Для определения особенностей взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти обратимся к анализу партийных систем латиноамериканских стран. Практически во всех государствах региона за исключением Кубы — многопартийная система. Стоит отметить, что за последние 25 лет произошли тектонические сдвиги в системе партийного представительства. Роль традиционных сил, которые на протяжении предыдущих десятилетий находились на главенствующих позициях на политической арене, заметно снизилась. Иллюстративным примером этой тенденции является окончание периода доминирования (1930—1990-е годы XX в.) Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) в Мексике. В этих условиях кандидаты на пост главы государства вынуждены формировать предвыборные коалиции из различных политических партий. Эффективность управления такими многосоставными союзами в целом ниже по сравнению с возможностями управлять «опорными», пропрезидентскими партиями и затруднена в период социально-экономической нестабильности [4].

Трансформации партийных систем латиноамериканских государств способствовало и интенсивное развитие альтернативных политических объединений левого толка, которые активно включились в борьбу за электорат. Речь идет, к примеру, о Движении за пятую республику (*Movimiento Quinta República, MVR*) в Венесуэле, Партии трудящихся (*Partido dos Trabalhadores, PT*) в Бразилии, Движении к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) в Боливии, Альянсе ПАИС (*Movimiento Alianza PAIS—Patria Altiva y Soberana*) в Эквадоре. Расширение идеологического спектра партий, представленных на политической арене, сузило возможности поиска консенсуса по основным вопросам повестки дня и в некоторых случаях привело к усилению антагонизма и к идеологизации политического противостояния между президентом и парламентом [23].

Для измерения уровня фрагментации партийной системы будет использован индекс эффективного числа партий (индекс Лааксо-Таагепера) [24]. Индекс отражает количество партий в партийной системе, а также их относительный вес. Автор статьи вычисляет значение этого индекса по результатам, полученным парламентскими партиями на общенациональных выборах по следующей формуле:

$$N = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2}$$

Где N — эффективное число партий, n — номинальное число партий, p_i — доля партии « i » по результатам выборов. В среднем по странам региона индекс эффективного числа партий за период с 1995 по 2022 г. колебался от 3,51 до 5,51 (самое большое значение за последние 27 лет). При этом в последние десять лет наблюдается устойчивый рост (в 1,5 раза) фрагментации партийной системы латиноамериканских государств.

График 1. ЭФФЕКТИВНОЕ ЧИСЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СРЕДНЕМ ПО СТРАНАМ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (1995—2022 гг.)

Составлено автором на основе данных национальных избирательных комиссий.

Согласно С.Скачу и А.Степану, предельный уровень фрагментации партийной системы в консолидированных демократиях* составляет 2,6 [18]. Значения в рамках этого диапазона наблюдались в Бразилии (2006—2009 гг.), Боливии (2009 — н/в), Венесуэле (2010 — н/в), Гондурасе (1995—2012 гг., 2021 — н/в), Доминиканской Республике (2016 — н/в), Коста-Рике (1995—2001гг.), Никарагуа (1995, 2001—2005, 2011 — н/в), Парагвае (1998—2002 гг., 2018 — н/в), Перу (1995—2000 гг.), Сальвадоре (2021 — н/в), Уругвае (2004—2008 гг.) и Чили (1995—1996 гг., 2001—2008 гг.).

Стоит отметить, что в перечисленных выше странах в указанные промежутки времени не произошло ни одного серьезного политико-институционального кризиса, вызванного противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти**. Единственным исключением является политический кризис в Венесуэле, где в 2015—2020 гг. уровень фрагментации партийной системы составлял 2,12. В 2017 г. оппозиционная по отношению к Николасу Мадуро (2013 — н/в) венесуэльская Национальная

* В политологической литературе наиболее приемлемым конечным вариантом демократического транзита является формирование консолидированной демократии. Согласно концепции Х.Линца и А.Степана, консолидация демократического режима происходит в том случае, если общество воспринимает демократические процедуры как наиболее приемлемые механизмы, политические акторы разрешают социальные конфликты согласно юридическим процедурам и не стремятся изменить существующий статус-кво.

** Импичмент президента Перу А.Фухимори в 2000 г. состоялся уже после того, как он фактически сложил полномочия и бежал из страны, и поэтому не может быть исключением из этой тенденции. Попытка импичмента в отношении парагвайского президента Луиса Анхеля Гонсалеса Макки (1999—2003 гг.), состоявшаяся в 2003 г., также не учтена в статистике ввиду того, что Макки не был всенародно избран, а занял кресло главы государства после отставки президента Рауля Кубаса Грау (1998—1999 гг.).

ассамблея проголосовала за импичмент президента, ссылаясь на формулировку о том, что его физически нет на рабочем месте, что противоречило фактической ситуации. Верховный суд страны признал результаты голосования не соответствующими Конституции и отклонил процедуру импичмента.

Стоит отметить, что практически все кризисы отношений между ветвями власти в латиноамериканских государствах в 1995—2022 гг. произошли тогда, когда значение эффективного числа партий было больше 2,6*.

Т а б л и ц а 1

**ПРОЦЕДУРЫ ИМПИЧМЕНТА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ
(1995—2022 гг.)**

Страна	Год	Значение индекса	Событие
Бразилия	2016	3,33	Смещение Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) с поста президента в результате импичмента
Гватемала	2015	8,6	Отставка Отто Переса Молины (2012—2015 гг.) после процедуры импичмента
Парагвай	2003	4,34	Несостоявшаяся попытка импичмента президента Луиса Анхеля Макки (1999—2003 гг.)
	2012	3,44	Смещение Фернандо Луго (2008—2012 гг.) с поста президента в результате импичмента
Перу	2018	5,26	Отставка Педро Пабло Кучинского (2016—2018) после голосования по импичменту
	2020	5,26	Смещение Мартина Вискары (2018—2020 гг.) с поста президента в результате импичмента
	2021—2022	12,5	Неудачные попытки импичмента президента Педро Кастильо (2021—н/в)
Эквадор	1997	6,66	Смещение Абдалы Букарама (1996—1997 гг.) с поста президента в результате импичмента
	2005	10	Смещение Лусио Гутьерреса (2003—2005 гг.) с поста президента в результате импичмента
Чили	2019	4	Несостоявшаяся попытка импичмента президента Себастьяна Пиньеры (2018—2022 гг.)

В тех случаях, когда противостояние между президентом и парламентом не приводило к инициированию процедуры импичмента, оно грозило

* Исключением является несостоявшаяся попытка импичмента президента Парагвая Марио Абдо Бенитеса (2018 — н/в) в марте 2021 г. Голосование было инициировано оппозицией, которая обвинила главу государства в неудовлетворительном антикризисном управлении на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции. При этом в нынешней парагвайской легислатуре эффективное число партий составляет 2,56.

ропуском парламента главой государства, публичной полемикой, отказом депутатов поддержать инициативы исполнительной власти или даже инициированием парламентских расследований в отношении президента. Здесь также есть одно исключение — конфликт между законодательной и исполнительной властью в Гондурасе при президенте Хосе Мануэле Селайе (2006—2009 гг.) возник в условиях, когда уровень фрагментации партийной системы был низким (2,27).

Т а б л и ц а 2

**КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ И ПАРЛАМЕНТОМ
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ (1995—2022 гг.)**

Страна	Год	Значение индекса	Событие
Аргентина	2008	5	Конфликт между Кристиной Фернандес де Киршнер и парламентом из-за введения экспортных квот на сою [25]
Бразилия	2017	3,33	Конфликт между Мишелом Темером (2016—2019 гг.) и конгрессом вокруг реформы рынка труда, инициирование парламентариями расследования коррупционных преступлений главы государства [13]
	2019	3,33	Публичное выражение недовольства Жаира Болсонару (2018—2022 гг.) работой парламента [26]
Гондурас	2009	2,17	Конфликт между Х.М.Селайей (2006—2009 гг.) и парламентом по вопросу о созыве общенационального референдума для реформирования Конституции стал одной из причин отстранения президента от власти [27, с.12]
Сальвадор	2020	4,5	Конфликт между Найибом Букеле (2019 — н/в) и парламентом вокруг реализации нового плана по обеспечению безопасности [28]
Коста-Рика	2017	4,76	Инициирование парламентского расследования в отношении Луиса Солиса (2014—2018 гг.) по обвинению в коррупционных преступлениях [29]
	2021	7,14	Инициирование парламентского расследования в отношении Карлоса Альварадо Кесады (2018—2022 гг.) по обвинению в превышении должностных полномочий [29]
Мексика	2001—2006	3,07-5	Латентный конфликт между Фелипе Кальдероном (2001—2006 гг.) и парламентом, отказ депутатов поддержать крупные социально-экономические реформы главы государства [7, с. 107]
Перу	2003	4,34	Отказ депутатов поддержать крупные социально-экономические реформы Алехандро Толедо (2001—2006 гг.) [30]

	2010	5,26	Публичная критика Аланом Гарсиа парламента (2006—2011 гг.), который не поддержал закон о полезных ископаемых [31]
	2011—2015	5,26	Публичная критика парламентариев Ольянты Умалы (2011—2016 гг.) за подавление экологических протестов. Скандал из-за прослушивания телефонных переговоров высокопоставленных чиновников и конгрессменов [32]
Эквадор	2007	10	Конфликт между Рафаэлем Корреа (2007—2017 гг.) и парламентом из-за созыва Учредительного собрания [33]
	2010	4,54	Угрозы роспуска парламента со стороны Р.Корреа [34]
	2019—2021	4,54	Публичная критика депутатов в отношении действий Ленина Морено (2017—2021 гг.), инициирование парламентского расследования против главы государства [35]
	2022	7,14	Публичные обвинения Гильермо Лассо (2021 — н/в) в адрес парламентариев за блокирование президентских инициатив [36]
Чили	2014—2018	2,85-4	Латентный конфликт между парламентом и президентом Мишель Бачелет (2014—2018 гг.), отказ депутатов поддержать крупные социально-экономические реформы главы государства [10]

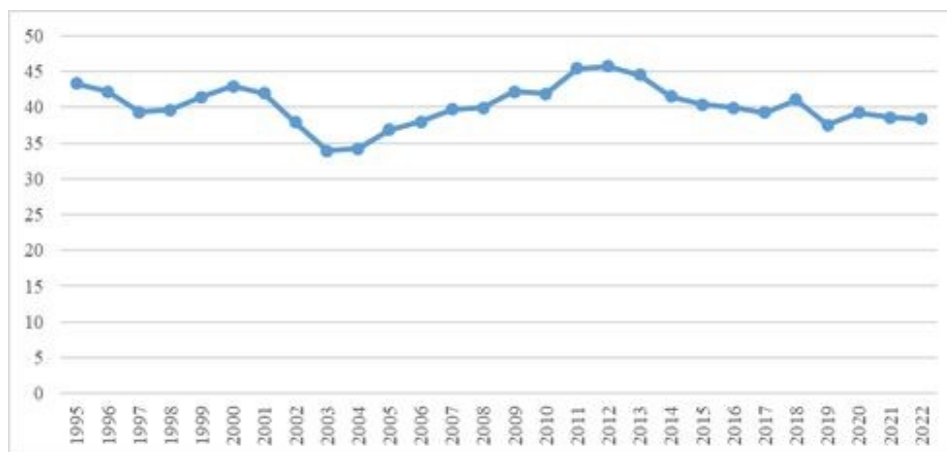
Катализатором ухудшения отношений между исполнительной и законодательной ветвями власти во многих латиноамериканских государствах является снижение уровня парламентской поддержки президента (т.е. голосов, отданных за партию/коалицию, от которой глава государства выдвигался на выборах). Такая ситуация возникает, прежде всего, в случае, когда электоральные циклы рассинхронизированы (отсутствуют всеобщие выборы). Характерным примером подобной ситуации является Венесуэла, где в 2015 г. по результатам парламентских выборов оппозиционный блок Круглый стол демократического единства (*Mesa de la Unidad Democrática, MUD*) получил контроль над Национальной ассамблеей. В свою очередь парламентская поддержка президента Н.Мадуро снизилась с 48,1 до 40,9%, и глава государства столкнулся с необходимостью сосуществования с парламентом, где большинство удерживала оппозиция, которая в течение предыдущих 17 лет находилась в меньшинстве [10, сс. 155-159]. Это стало прологом институционального кризиса.

Венесуэльский кризис удалось разрешить благодаря тому, что президент Мадуро в 2017 г. созвал альтернативный законодательный орган (Конституционную ассамблею), в котором по результатам выборов подавляющее большинство получила пропрезидентская коалиция Большой патриотический полюс имени Симона Боливара (*Gran Polo Patriótico Simón Bolívar, GPPSB*), а *MUD* отказался участвовать в голосовании [6, с.108]. Согласно ст. 348-349 Конституции Венесуэлы [37], решения Конституционной ассамблеи обязательны для исполнения всеми органами государственной власти. Изначально ассамблея

была созвана на два года, однако ее полномочия были продлены до конца 2020 г., когда сразу после парламентских выборов, на которых победу вновь одержал *GPPSB*, Учредительное собрание было распущено, так и не приняв новую Конституцию [38].

В целом по региону уровень парламентской поддержки президентов в 1995—2022 гг. колебался между 33,9% и 45,7%. При этом за последние десять лет пропрезидентские партии латиноамериканских стран в среднем потеряли 16% голосов избирателей. Стоит отметить, что по состоянию на лето-осень 2022 г. парламентская поддержка находится на самом низком уровне за последние 27 лет президентов Алехандро Джамматтеи (2020 — н/в) в Гватемале (13,9%), Родриго Чавеса Роблеса (2022 — н/в) в Коста-Рике (16,7%), Педро Кастильо (1921 — н/в) в Перу (18,9%), Луиса Альберто Лакайе (2019 — н/в) в Уругвае (28,6%), а также Габриэля Борича (2022 — н/в) в Чили (20,9%). Такой расклад сил затрудняет реализацию правительством социально-экономических и политических реформ, создает предпосылки для возникновения серьезных противоречий в отношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти.

График 2. **УРОВЕНЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕЗИДЕНТА
В СРЕДНЕМ ПО СТРАНАМ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(1995—2022 гг., в %)**

Составлено автором на основе данных национальных избирательных комиссий.

Одной из причин нарушения хрупкого баланса сил является персоналистский тип президентского правления («каудильизм») — характерная черта латиноамериканской политической традиции [14]. Президенты-каудильо решают одну из самых серьезных проблем президентских систем, о которых говорил Х.Линц, — двойную демократическую легитимность*, — путем поиска допол-

* Согласно Х.Линцу, ситуация, когда и парламент, и президент избираются всенародно, может послужить причиной конфликта между законодательной и исполнительной властью ввиду отсутствия в президентских системах механизмов разрешения споров между ветвями власти в отношении того, какая из них фактически является выразителем воли народа.

нительных способов поддержки собственной кандидатуры со стороны населения (проведение референдумов). Такого рода плебисциты проводятся в условиях обострения внутривластного кризиса (Боливия, 2008 г. [39]) или недостаточного уровня парламентской поддержки (Мексика, 2022 г. [40]).

В ситуации, когда президент-каудильо не может рассчитывать на беспрепятственное продвижение своих инициатив, он может прибегнуть к авторитарным методам управления. Такой случай произошел в Боливии во время конституционной реформы 2006—2008 гг. По результатам выборов в Учредительную ассамблею MAS, партия президента Эво Моралеса (2005—2019 гг.), продвигавшая принятие нового Основного закона страны, не получила 2/3 мест, необходимых, согласно Конституции, для единоличного принятия документа. Оппозиционная коалиция отказалась рассматривать конституционный проект, после чего глава государства издал президентский указ, по которому документ должен быть принят простым, а не квалифицированным большинством голосов, что и было сделано. Этот факт впоследствии стал поводом для боливийской оппозиции оспаривать легитимность принятия новой Конституции [2].

В 2015 г. с одобрения конгресса, подконтрольного правящей MAS, Э.Моралес добился проведения референдума о внесении поправки в Конституцию, которая позволила бы ему выставить свою кандидатуру на пост главы государства третий раз подряд. Однако в ходе состоявшегося в феврале 2016 г. общенационального голосования большинство боливийцев отвергло эту инициативу. Тем не менее президент обратился в Конституционный суд и получил разрешение на переизбрание, что спровоцировало массовые протесты, а в долгосрочной перспективе стало поводом для оппозиции для оспаривания легитимности голосования на всеобщих выборах в октябре 2019 г.

Стоит отметить, что проявление авторитаризма приводит президентов к конфликту не только с парламентом, но и с другими институтами: судебной системой (к примеру, Р.Корреа в Эквадоре в 2007 г. [41], Ж.Болсонару в 2021—2022 гг. [42]) или вооруженными силами (М.Селайя в Гондурасе в 2007 г. [27, с. 18-19], Э.Моралес в Боливии в 2019 г. [16]).

Проверим взаимозависимость эффективного числа политических партий (x) и уровня парламентской поддержки президента (y). Для измерения корреляции между этими двумя показателями используем уравнение Пирсона [43, с. 300].

$$r_{xy} = \frac{\sum(x-\bar{x})(y-\bar{y})}{\sqrt{\sum(x-\bar{x})^2 \sum(y-\bar{y})^2}}$$

Для качественного определения корреляционного значения используем шкалу Чеддока, которая позволяет оценивать отношение между переменными в тех случаях, когда связь между ними существует, но не является линейной [44].

ШКАЛА ЧЕДДОКА

Результат уравнения Пирсона	0,1-0,3	0,3-0,5	0,5-0,7	0,7-0,9	0,9-0,99
Качественная характеристика связи	Слабая	Умеренная	Заметная	Высокая	Весьма высокая

Используя электоральные данные латиноамериканских стран за 1995—2022 гг., вычислим, что $r_{xy} = 0,76$. Это означает, что между изменением эффективного числа политических партий (фрагментацией партийной системы страны) и уровнем парламентской поддержки президента — высокий уровень корреляции.

Перейдем к анализу избирательных систем государств континента. И глава государства, и члены нижних палат национальных парламентов избираются в ходе прямого всенародного голосования. В ряде стран проходят всеобщие выборы, в то время как в некоторых других электоральные циклы законодательной и исполнительной власти рассинхронизированы.

Победителем на президентских выборах в большинстве латиноамериканских государств считается кандидат, набравший абсолютное большинство (50%+1) голосов избирателей. В случае, если ни один претендент не набирает такое количество голосов, назначается второй тур, где победителем становится один из двух кандидатов, который либо заручается поддержкой простого большинства граждан, либо опережает своего оппонента на определенное количество голосов (к примеру, в Аргентине, Боливии, Никарагуа). В свою очередь в Венесуэле, Гондурасе, Мексике, Панаме и Парагвае победителю на президентских выборах достаточно получить относительное большинство голосов, а второй тур не назначается [10, с. 22].

На выборах в нижние палаты законодательных органов латиноамериканских стран используется пропорциональная или смешанная избирательная система (часть депутатов избираются по пропорциональной, часть — по мажоритарной системе относительного большинства). Кроме того, существуют квоты на представительство, зарезервированные за определенными группами меньшинств [10, с. 34]. В ряде государств существует электоральный барьер, который варьируется от 1,5 до 5%.

Т а б л и ц а 3

ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН (1995—2022 гг.)

Избирательная система	Элект. барьер	Всеобщие выборы	Государство	Эффективное число партий	Уровень парл. поддержки
Пропорциональная	+	+	Бразилия (1995—н/в), Перу (2006—н/в), Уругвай (1995—н/в)	3,81	39%
	+	—	Аргентина (1995—н/в), Колумбия (2002—н/в)	7,56	26,7%
	—	+	Гватемала (1995—н/в), Гондурас (1995—н/в), Доминиканская Республика (1995, 2016—н/в)	3,67	43,7%

			Коста-Рика (1995— н/в), Парагвай (1995— н/в)		
	—	—	Доминиканская Республика (1996—2015 гг.), Колумбия (1995—2001 гг.), Никарагуа (1995—2016 гг.), Перу (1995— 2005), Сальвадор (1995— н/в), Эквадор (1995— 2008 гг.), Чили (2017— н/в)	4,24	37,9%
Смешанная	+	+	Боливия (1995 — н/в), Мексика (1995— н/в)	4,21	41,9%
	—	+	Никарагуа (2016— н/в), Па- нама (1995— н/в)	2,98	49,6%
	—	—	Венесуэла (1995— н/в), Чи- ли (1995—2016 гг.), Эквадор (2009— н/в)	3,39	46,4%

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в смешанных избирательных системах без электорального барьера (как со всеобщими выборами, так и там, где электоральные циклы законодательной и исполнительной власти рассинхронизированы) в среднем уровень раздробленности партийного сектора довольно низкий (2,98 и 3,39), а уровень электоральной поддержки президента высокий (49,6% и 46,4%). Эти данные подтверждают тезис бразильского исследователя Ф.Мейрелеса о том, что при пропорциональной избирательной системе вероятность того, что президентская партия не сможет получить большинство мест в парламенте, повышается.

В этих условиях возникает ситуация, когда глава государства вынужден сделать ставку на формирование *ad hoc* коалиций в парламенте. В условиях хронической политической нестабильности, характерной для латиноамериканских государств, система коалиционного президентства повышает вероятность возникновения конфликтов между законодательной и исполнительной властями [45].

Переход от пропорциональной к смешанной избирательной системе в Никарагуа (2016 г.) и Эквадоре (2009 г.) способствовал снижению уровня фрагментации партий и росту парламентской поддержки главы государства, в то время как в Чили (2016 г.) введение пропорциональной системы вместо смешанной привело к прямо противоположным результатам. Кроме того, изменения, внесенные в порядок избрания президента и парламента в

Доминиканской Республике (упразднение всеобщих выборов на период 1997—2016 гг. и их восстановление в 2016 г.), стали причиной увеличения уровня фрагментации партийной системы с 2,41 (1995—1997, 2016 — н/в) до 3,1 (1997—2016) и снижения парламентской поддержки президента с 40,6 до 39,4 в соответствующих временных промежутках.

Какие институциональные инструменты можно применить для снижения уровня конфликтности между президентом и парламентом в латиноамериканских государствах? Проведение конституционных реформ, нацеленных на перераспределение полномочий ветвей власти, представляется крайне затруднительным в условиях углубления социально-экономических кризисов, спровоцированных негативными последствиями распространения коронавирусной инфекции и геополитической турбулентностью. В частности, переход к президентско-парламентской форме правления, подразумевающей закрепление полномочий по формированию кабинета как за президентом, так и за парламентом [17], может привести к дезорганизации работы правительства.

Дуализм исполнительной власти обостряет конфликты между президентом и парламентом. Депутаты используют возможность выразить вотум недоверия председателю совета министров в качестве дополнительной меры воздействия на главу государства, из-за чего последний во многих случаях вынужден сам отзывать кандидатуру главы правительства. Подтверждением этого тезиса является то, что средний срок исполнения обязанностей председателя Совета министров в 1995—2022 гг. в Аргентине — 1 год и 4 месяца, а в Перу — 7 месяцев, что значительно ниже периода мандата главы исполнительной власти и законодательного органа. Постоянные перестановки в кабинете могут обернуться серьезным политико-институциональным кризисом, что хорошо видно на примере Перу при президенте П.Кастильо.

Оптимальным вариантом является сохранение существующей институциональной конфигурации при проведении точечных избирательных реформ. Электоральные данные свидетельствуют о целесообразности перехода от пропорциональной избирательной системы к смешанной. Последняя сочетает в себе преимущества как пропорционального, так и мажоритарного представительства.

Кроме того, расширение квот на политическое представительство этнических (как в Боливии, Венесуэле, Никарагуа) или гендерных меньшинств (как в Аргентине или Мексике) может компенсировать издержки мажоритарных механизмов распределения голосов избирателей. Наконец, синхронизация электоральных циклов исполнительной и законодательной ветвей власти (введение всеобщих выборов) позволит в целом увеличить парламентскую поддержку президента, а в частности, снизить вероятность возникновения ситуации, когда главе государства противостоит парламент, большинство в котором удерживает оппозиция.

Демократизация общественно-политической жизни в латиноамериканских странах в 1980—1990-е годы XX в. привела к росту политического плюрализма. Были созданы десятки новых объединений, которые стали претендовать на электоральную базу традиционных политических сил, — одну из основ президентского правления в предыдущий исторический период. В этой ситуации ярко проявилась одна из особенностей латиноамериканского президентства —

чрезмерная по сравнению с классической президентской системой взаимозависимость главы государства и парламента.

Т а б л и ц а 4

**ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ
И МАЖОРИТАРНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ**

	Преимущества	Недостатки
Пропорциональная	Возможность для широкого спектра политических сил (в том числе меньшинствам) быть представленными на политической арене	Ускорение темпов фрагментации законодательного органа. Отсутствие прямой ответственности избранного лица перед избирателями того или иного округа
Мажоритарная	Снижение уровня фрагментации партийного сектора. Прямая ответственность кандидата, избранного от определенного округа, перед избирателями	Снижение представительства мелких политических партий. Искажение реальной расстановки политических сил (за проигравших кандидатов в том или ином округе может быть подано большинство голосов).

На основе анализа данных национальных избирательных комиссий стран региона за 1995—2022 гг. автор приходит к выводу о том, что повышение уровня фрагментации партийных систем ведет к снижению уровня парламентской поддержки президента. В отсутствие выработанных механизмов урегулирования политических конфликтов такая ситуация становится одной из причин возможного обострения отношений между исполнительной и законодательной ветвями власти. Вероятность возникновения институциональных кризисов может снизиться благодаря проведению электоральной реформы — переход от пропорциональной избирательной системы к смешанной, а также введение всеобщих выборов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Mejía Acosta A., Polga-Hecimovich J. Coalition Erosion and Presidential Instability in Ecuador. *Latin American Politics and Society*. Carleton College (USA). Vol. 53, Issue 2, Summer 2011, pp. 87-111.
2. Кретов С.М. Осмысление политического процесса в Боливии сквозь призму национально-государственного строительства. *Латинская Америка*. М., 2021, № 6, сс. 33-52. [Kretov S.M. Osmyslenie politicheskogo processa v Bolivii skvoz' prizmu nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. [Understanding the political process in Bolivia through the prism of nation-state building]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2021, N 6, pp. 33-52 (In Russ).
3. Constitución Política del Perú 1993. Congreso de la República del Perú. Available at: <https://www4.congreso.gob.pe/comisiones/1996/constitucion/cons1993.htm> (accessed 19.09.2021).
4. Freudenreich J. The Formation of Cabinet Coalitions in Presidential Systems. *Latin American Politics and Society*. Carleton College (USA). Vol.58, Issue 4, Winter 2016, pp. 80-102.

5. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. Отв. ред. З.В.Ивановский. М., ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti [Political Conflicts in Latin America: Challenges to Stability and New Opportunities]. Moscow, ILA RAN, 2007, 452 pp. (In Russ).
6. Гордиев узел венесуэльского кризиса. М., ИЛА РАН, Серия «Саммит», 2021, 138 с. [Gordiev uzal venesujel'skogo krizisa [The Gordian Knot of the Venezuelan Crisis]. Moscow, ILA RAN, Serija «Sammit», 2021, 138 p. (In Russ).
7. Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. В.М.Давыдов. М., ИЛА РАН, 2013, 336 с. [Meksika: paradoksy modernizacii. [Mexico: Paradoxes of Modernization] . Moscow, ILA RAN, 2013, 336 p. (In Russ).
8. Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии. *Латинская Америка*. М., 2016, № 5, сс. 52-61 [D'jakova L.V. Chili: na trudnom puti demokratii [Chile: on the difficult path of democracy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 5, pp. 52-61 (In Russ).
9. Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник). М., ИЛА РАН, 2014, 126 с. [Ivanovskij Z.V. Latinskaja Amerika: jelektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury (spravochnik) [Latin America: electoral legislation and power structures (directory)]. Moscow, ILA RAN, 2014, 126 p. (In Russ).
10. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. З.В.Ивановский. М., ИЛА РАН, 2015, 274 с. [Latinskaja Amerika: izbiratel'nye processy i politicheskaja panorama. Otiv. red. Z.V.Ivanovskij [Latin America: electoral processes and political panorama]. Moscow, ILA RAN, 2015, 274 p. (In Russ).
11. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. Отв. ред. З.В. Ивановский. М., ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti [Political conflicts in Latin America: challenges to stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN, 2017, 452 p. (In Russ).
12. Манухин А.А. Латиноамериканские военные между правыми и левыми. *Iberoamerica*. М., 2019, № 1, сс. 69-89. [Manuhin A.A. Latinoamerikanske voennye mezhdu pravymi i levymi [Latin American military between right and left]. *Iberoamerica*. Moscow, 2019, N 1, pp. 69-89 (In Russ).
13. Окунева Л.С. Бразилия: радикализация политического процесса (2013-2019 гг.). *Ибероамериканские тетради*. М., 2019, № 3(25), сс.7-11. [Okuneva L.S. Brazilija: radikalizacija politicheskogo processa (2013-2019 gg.) [The Radicalization of the Political Process (2013-2019)]. *Iberoamerikanske tetradi*. Moscow, 2019, N 3(25), pp. 7-11 (In Russ).
14. Орлов А.Г. Президентские республики в Латинской Америке. *Московский журнал международного права*. 1996, № 4, сс. 136-148 [Orlov A.G. Prezidentskie respubliki v Latinskoj Amerike. [Presidential Republics in Latin America]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 1996, N 4, pp. 136-148 (In Russ).
15. Яковлева Н.М. Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. М., 2018, т.11, № 3, сс. 166-184 [Jakovleva N.M. Latinskaja Amerika: prezidentskaja vlast' i oppozicija v XXI veke [Latin America: Presidential Power and Opposition in the 21st Century]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. Moscow, 2018, t.11, N 3, pp. 166-184 (In Russ).
16. Яковлева Н.М. Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды. *Перспективы. Электронный журнал*. 2018, № 1(13), сс. 69-80 [Jakovleva N.M. Jelektoral'nyj supercicl v Latinskoj Amerike: politicheskie trendy [Electoral Supercycle in Latin America: Political Trends]. *Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal*. 2018, N 1(13), pp. 69-80 (In Russ).
17. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, 316 p.
18. Stepan A., Skach S. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarianism versus Presidentialism. *World Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, vol. 46, N 1, October 1993, pp. 1-22.
19. Sartori G. La ingeniería constitucional comparada: Una investigación de estructuras, incentivos y resultados. Fondo de Cultura Económica, México, 1994, 227 p.
20. Linz J. The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, vol.1, N 1, January 1990, pp. 51-69.
21. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, Univ. of California press, 1985, 697 p.
22. O'Donell G.A. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, vol.5, N1, January 1994, pp. 55-69.

23. Cox G.W., Morgenstern S. Latin America's Reactive Assemblies and Proactive Presidents. *Comparative Politics*. New York, vol. 33, N 2, January 2001, pp. 171-189.
24. Laakso M., Taagepera R. "Effective" Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*, Thousand Oaks, vol. 12, N 1, 1979, pp. 3-27.
25. Presidenta argentina no aplicará cambios tras crisis. *Reuters*. 03.08.2008. Available at: <https://www.reuters.com/article/latinoamerica-politica-argentina-sol-idLTAN0244035820080802> (accessed 19.09.2021).
26. Brasil: en San Pablo, Bolsonaro volvió a criticar el sistema electoral y aseguró que "la paciencia del pueblo se agotó". *Infobae*. 07.09.2021. Available at: <https://www.infobae.com/america/mundo/2021/09/07/tension-en-san-pablo-los-seguidores-de-jair-bolsonaro-se-movilizan-en-medio-del-enfrentamiento-con-el-poder-judicial/> (accessed 19.09.2021).
27. Гондурас: инерция на пути перемен. М., ИЛА РАН, серия «Саммит», 2015, 115 с. [Gonduras: inercija na puti peremen [Honduras: Inertia for Change]. Moscow, ILA RAN, serija «Sammit», 2015, 115 p. (In Russ).
28. Nayib Bukele se enfrenta al Parlamento y genera una crisis constitucional en El Salvador. *El Espectador*. 10.02.2020. Available at: <https://www.elespectador.com/mundo/nayib-bukele-se-enfrenta-al-parlamento-y-genera-una-crisis-constitucional-en-el-salvador-903900/> (accessed 19.09.2021).
29. Presidente de Costa Rica enfrenta audiencia legislativa por caso de datos. *EFE*. 09.02.2021. Available at: <https://www.swissinfo.ch/spa/costa-rica-gobierno--previapresidente-de-costa-rica-enfrenta-audiencia-legislativa-por-caso-de-datos/46358752> (accessed 19.09.2021).
30. Tanaka M. El gobierno de Alejandro Toledo, o cómo funciona una democracia sin partidos. *Política*. Santiago, Universidad de Chile, N 42(2004), pp. 129-153.
31. Alan García suaviza el tono tras el revés a su "ley de la selva" peruana. *El País*. 29.08.2008. Available at: https://elpais.com/internacional/2008/08/29/actualidad/1219960803_850215.html (accessed 19.09.2021).
32. Humala en su hora más difícil. *El Mundo*. 02.04.2015. Available at: <https://www.elmundo.es/internacional/2015/04/02/551d156a268e3e050a8b4571.html> (accessed 19.09.2021).
33. Cronología del mandato de Rafael Correa. *El Diario*. 15.01.2009. Available at: <https://web.archive.org/web/20131228045138/http://www.eldiario.ec/noticias-manabi-ecuador/105456-cronologia-del-mandato-de-rafael-correa/> (accessed 19.09.2021).
34. Correa amenaza nuevamente con disolver el Parlamento ecuatoriano. *El Diario*. 26.07.2010. Available at: https://www.eldiario.es/canariasahora/internacional/correa-nuevamente-disolver-parlamento-ecuadoriano_1_4476716.html (accessed 19.09.2021).
35. El Gobierno de Lenin Moreno acumula frentes de conflicto. *El Expreso Ecuador*. 03.04.2019. Available at: <https://www.expreso.ec/actualidad/gobierno-lenin-moreno-acumula-frentes-conflicto-27553.html> (accessed 19.09.2021).
36. Guillermo Lasso 'rompe' relaciones con la Asamblea Nacional, a la que acusa de 'bloqueo'. *El Universo*. 29.03.2022. Available at: <https://www.eluniverso.com/noticias/politica/guillermo-lasso-rompe-relaciones-con-la-asamblea-nacional-a-la-que-acusa-de-bloqueo-nota/> (accessed 30.03.2022).
37. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela. Justicia Venezuela. Available at: <https://venezuela.justia.com/federales/constitucion-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela/> (accessed 19.09.2021).
38. Venezuela: la Asamblea Constituyente de Nicolás Maduro se disuelve. *El País Uruguay*. 19.12.2020. Available at: <https://www.elpais.com.uy/mundo/venezuela-asamblea-constituyente-nicolas-maduro-disuelve.html> (accessed 19.09.2021).
39. Resultados Nacionales (Presidente y Vicepresidente). Consejo nacional Electoral de Bolivia. Available at: <https://web.archive.org/web/20090108042315/http://www.cne.org.bo/resultadosrr08/wfrmPresidencial.aspx> (accessed 19.09.2021).
40. Cómputos de la Revocación de Mandato 2022. Instituto Nacional Electoral de México. Available at: <https://computosrm2022.ine.mx/votos-distrito/grafica> (accessed 19.09.2022).
41. Presidente rechaza fallo de la Justicia. *RFI*, 24.04.2007. Available at: http://www1.rfi.fr/actues/articles/088/article_4152.asp (accessed 19.09.2021).
42. Bolsonaro amenaza al Tribunal Supremo durante una manifestación masiva de la ultraderecha. *RTVE.es*. 07.09.2021. Available at: <https://www.rtve.es/noticias/20210907/brasil-bolsonaro-amenaza-tribunal-supremo-durante-manifestacion-ultraderecha/2169180.shtml> (accessed 19.09.2021).

Станислав Кретов

43. Общая теория статистики (учебник). Под ред. Р.А.Шмойловой. М., Финансы и Статистика, 2002, 560 с. [Obshhaja teorija statistiki (uchebnik) [General Theory of Statistics: Textbook]. Moscow, Finansy i Statistika, 2002, 560 p.

44. Шкала Чеддока. Open Library. Available at: http://oplib.ru/svyaz/view/909034_shkala_cheddoka (accessed 19.09.2021).

45. Meireles F. Oversized Government Coalitions in Latin America. Available at: <https://www.scielo.br/j/bpsr/a/t5swdnykXFg6HWwjQBL7YL/?lang=en> (accessed 19.01.2022).

Stanislav M.Kretov (kretovstas@gmail.com)
PhD in Political Science, independent researcher

Causes of the instability of modern presidential systems in Latin America

Abstract. The democratization of Latin American countries in the last two decades of the XX century led to the growth of political pluralism. Dozens of new political organizations, that were created in that period of time, began to claim the electoral base of traditional political forces, which had been one of the foundations of presidential rule in the previous historical period. In these circumstances, one of the characteristics of the Latin American presidential systems was clearly manifested, that is the excessive interdependence of the head of state and congress compared to the classic presidential system. Based on the data from the national electoral commissions of the Latin America countries from 1995 to 2022, the author comes to a conclusion that an increase in the level of fragmentation of party systems leads to a decrease of parliamentary support for the president. This situation, coupled with the lack of workable mechanisms for resolution of political crisis, which is also a typical characteristic of the political tradition of the Latin America, creates conditions for aggravating conflicts between the executive and legislative. Such electoral reforms as the transition from a proportional to a mixed electoral system, the introduction of general elections, and the abolition of the electoral barrier, can serve to reduce the likelihood of institutional crises.

Key words: presidential system, Latin America, parliament, institutional conflicts, party system.

DOI: 10.31857/S0044748X0022870-6

Received 31.03.2022.

Д.А.Кузнецов, Е.А.Хулио

Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки

В статье рассматриваются современные тенденции развития коренного населения Латинской Америки, а также препятствия, стоящие на пути усиления политической активности индейцев и раскрытия их потенциала на региональном и глобальном уровнях международных отношений. Описывается степень представленности этнополитических движений в регионе и роль коренных народов в становлении альтерглобалистского направления. Анализ доминирующего дискурса приводится через призму постколониальной концепции субальтернов (*Subaltern Studies*), на примере двух основополагающих документов: Декларации ООН о правах коренных народов от 2007 г. и Конвенции Международной организации труда № 169 от 1989 г. Авторы приходят к выводу о том, что коренное население Латинской Америки обладает значительным политическим потенциалом, но не может реализовать его в полной мере из-за преобладающей колониальной повестки, не позволяющей продвигать индейский вопрос на глобальном уровне и подавляющей участие коренных народов в политических процессах.

Ключевые слова: Латинская Америка, индейский ренессанс, коренные народы, альтерглобализм.

DOI: 10.31857/S0044748X0020915-5

Статья поступила в редакцию 31.03.2022.

До прибытия европейских колонистов американский континент был населен народами, жившими в изоляции от «западного» мира. С момента «открытия» Америки в 1492 г. отношения коренных народов и переселенцев из Старого Света носили скорее односторонний характер: автохтонные группы не смогли противостоять европейскому военному и административному потенциалу и оказались в подчиненном положении. Переломным моментом стал период 70—80-х годов XX в., который ознаменовался «индейским

Денис Андреевич Кузнецов — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0001-6265-2774>, kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; Екатерина Александровна Хулио — магистр, выпускник программы профессиональной переподготовки по специальности «Международные отношения» МГИМО(У) МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-5745-5132>, eakhulio@gmail.com).

ренессансом», или «индейским возрождением». В это время коренное население становится политически активным, и этническая повестка начинает чаще звучать в публичном пространстве латиноамериканских стран.

В то же время на фоне глобализации ожидалось, что такие понятия, как нация и этнос, исчезнут, на смену им придут общемировые ценности, а все политические, социокультурные, экономические различия будут нивелированы. Однако по мере усиления взаимозависимости государств и ускорения глобализации стал наблюдаться обратный процесс — глокализация. Вместо принятия универсальных ценностей и отказа от культурной идентичности региональные различия между обществами не только сохранялись, но даже усиливались. Глобализация во многом пересекалась с тенденциями американизации и вестернизации, что задавало некий вектор развития всего процесса. Коренные народы поддержали альтерглобалистские движения и предложили другие пути регионального развития без опоры на западные ценности. По мнению российского этнографа Н.В.Ракуца, культура индейцев и ценности глобализации чужды друг другу, а иногда несовместимы: «Современное общество отождествляется с капитализмом и логикой извлечения максимальной прибыли» [1, с. 7]. При этом в рамках индейской модели развития идея экономической эффективности в духе формальной рациональности и эксплуатации природных ресурсов отвергается. Нерешенный аграрный вопрос усиливает социальную напряженность и радикализирует массовые протестные движения, а экологическая повестка становится предлогом для введения экономических санкций в международных отношениях.

***SUBALTERN STUDIES*: В ПОИСКЕ ГОЛОСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ**

Концепция субальтернов (*Subaltern Studies*) позволяет изучить положение коренных народов с точки зрения постколониального дискурса. Авторы подхода — группа индийских ученых во главе с Ранаджитом Гуха — переосмыслили идеи марксизма, грамшизма, постколониализма, рефлексивизма и предложили новый взгляд на анализ истории с точки зрения субальтернов — угнетенных и подчиненных [2].

Историю конструируют и репрезентируют правящие элиты. За рамками дискурса остаются социальные группы, находящиеся в подчиненном положении по разным признакам, — от этнических до идеологических — субальтерны. Они безоговорочно принимают свой подчиненный статус и считают такое положение естественным и правильным, тем самым воспроизводя господствующий дискурс. У них нет собственного голоса, за них всегда говорят другие, привилегированные классы. Субальтерны не могут публично заявлять о том, что они угнетены, о своих интересах и даже о своем существовании как группы. При этом субальтерны могут сами воспроизводить доминирующий дискурс и стоять на страже этой мир-системы: чтобы быть услышанными, им необходимо принимать господствующие дискурсы, языки, традиции и нормы [3, р. 202].

В сфере международных отношений термин «субальтерн» также может применяться к различным странам, которые находятся на периферии системы, а доминирующие державы могут «говорить от их имени». Формат

международных организаций позволяет на официальном уровне говорить единым голосом и продвигать повестку доминанта.

Цель концепции — переосмыслить историю с позиции субальтернов, восстановить их вклад в развитие общества и отойти от элитарной предвзятости, имеющей место в академических работах [4, p. 10]. Но как это можно сделать, если субальтерн порой сам не готов признать свое угнетенное положение? Представители данного направления фокусируются на интерпретации письменных источников и выделяют три типа дискурса: первичный (официальные лица предоставляют данные и оценку по текущему событию), вторичный (анализ проводится уже спустя некоторое время, события осмысливаются с учетом новых нарративов, источниками могут служить официальные отчеты или мемуары), третичный (события исследуются учеными, которые удалены по времени от объекта [5, p. 1479].

Латиноамериканские ученые стали развивать направление *Subaltern Studies* уже в конце прошлого века. Среди основных теоретиков можно выделить Илиану Ямилет Родригес, Джона Беверли, Альберто Морейраса, Роберта Карра, Хосе Рабаса и многих других [6]. В контексте Латинской Америки исследователи активно рассматривали взаимовлияние колонистов, местных народов и субальтернов. Так, история колониальных завоеваний сконструирована в большей степени представителями европейских стран, которые активно осваивали континент и фиксировали свою версию событий в письменных источниках. Такое положение дел неизбежно вело к смещению дискурса в сторону доминирующей европейской стороны. Даже слово «индеец» было придумано колонизаторами, поэтому оно ассоциируется с колониальным прошлым.

Другой пример: в некоторых культурах существовали ритуалы человеческих жертвоприношений, что провоцировало столкновения. Здесь было два противоборствующих дискурса: колониальный — продвижение «цивилизационных» ценностей, запрет на принесение людей в жертву, а также дискурс коренных народов, которые отстаивали многовековые традиции. Один голос остался неуслышанным: что думали сами жертвы ритуальных актов, т.е. субальтерны. Гегемония традиционной культуры в племенах поддерживалась местными элитами, которые хотели сохранить свое доминирующее положение и *status quo*, поэтому говорили от имени субальтернов. Но колонизаторы разрушили этот порядок, навязав свою картину мира. Таким образом, европейцы установили доминирование без гегемонии [7, p. 1508].

Латиноамериканские коренные народы во многом до «индейского ренессанса» стояли больше на позиции субальтернов, проблемы которых не выносились на широкое обсуждение. С момента «индейского возрождения» у них появился определенный голос. Но возникает вопрос: действительно ли продвигается новая повестка или воспроизводится дискурс элит?

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Несмотря на возрастающую роль коренных народов в развитии региона, большая их часть принадлежит к уязвимым социальным группам. Население Латинской Америки составляет 665 млн человек [8], из которых, по приблизительным данным, 58 млн являются представителями коренного населения [9, p. 7]. Определить точную цифру не всегда возможно, по-

сколько страны и международные организации применяют разные методики оценки при подсчете. Более того, в переписях латиноамериканских стран наблюдается тенденция на преуменьшение численности индейского населения. Официальное признание наличия «индейского вопроса» потребует от властей принятия определенных мер: выделения в пользование традиционных индейских территорий, обеспечения их охраны, ограничения добычи природных ресурсов, разработки экологических стандартов, контроля за деятельностью ТНК и т.д. Поэтому данные статистики занижаются, а на официальном уровне или признаются не все существующие этнические коренные группы, или, как в Уругвае и во Французской Гвиане, не признаются вовсе [1, сс. 200, 210].

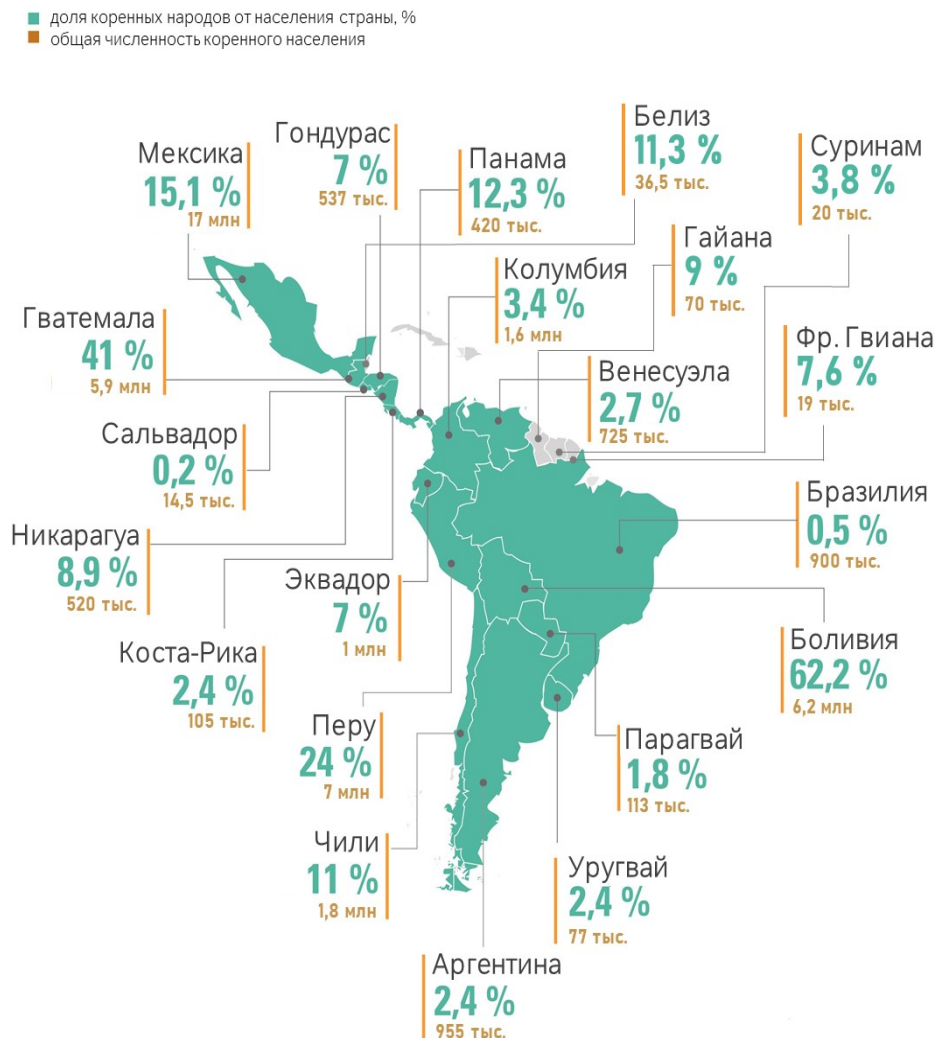
В регионе насчитывается более 800 коренных народов, а по некоторым оценкам еще 200 живут в добровольной изоляции [9, р. 7]. Больше всего автохтонных групп проживает в Бразилии (305), Колумбии (102) и Перу (85). Однако по абсолютной численности коренного населения лидируют Мексика (17 млн), Перу (7 млн), Боливия (6,2 млн) и Гватемала (5,9 млн). Боливия также является самой «индейской» латиноамериканской страной, поскольку доля коренных народов составляет больше половины населения (см. рис. 1).

В большинстве стран Латинской Америки наблюдаются процессы деэтнизации. Постепенная утрата этнической идентичности и культурной самобытности во многом связана с нерешенным земельным вопросом. Для индейских групп земля — не только фактор физического выживания, но и способ воспроизводства культуры. Как правило, традиционные индейские территории полны природных богатств, что делает их желанным объектом для государства, местных земельных собственников и ТНК. По оценкам 2015 г. международной неправительственной организации «Инициатива по правам и ресурсам» (*Rights and Resources Initiative*) [12, р. 12], в собственности у коренных народов Латинской Америки находится 18% земель, 5% закреплено за общинами, а владения государства составляют 77%. При этом наибольшая доля земельной собственности коренных народов отмечается в Мексике (52%), Боливии (36%), Перу (35%) и Колумбии (34%). Многие коренные народы ожидают демаркации своих границ или выделения им исконных территорий, но процессы затягиваются по разным причинам — от бюрократических сложностей до нежелания властей предоставлять земли, что приводит к нарастающей напряженности и конфликтам. Утрата земли ведет к утрате культуры, поэтому индейские движения приобретают экологизированный характер.

Стремясь избежать близкого контакта с современным обществом, некоторые народы решаются уйти в добровольную изоляцию, чтобы оградиться от глобализации и сохранить самобытную культуру, как, например, этносы в Эквадоре на территории Национального парка *Yasuni*. Однако такое решение не снижает риски принудительных контактов. В большинстве случаев государства, сохраняя приверженность подходу неокстрактивизма, не спешат брать на себя обязательства по охране изолированных групп и предоставлять им земли для уединенного проживания, даже не считая тех сообществ, которые еще не вступали в контакт с внешним миром [13, с. 24]. Внести вклад в сохранение нетронутых культур удастся в основном усилиями местных активистов и международных организаций. Например, в Бразилии разработана уникальная программа по работе с изолированными группами коренных народов, а

во многих странах, в частности в Перу и Боливии, формируются специальные резервации. Однако права индейских народов регулярно нарушаются, и контакты с внешним миром становятся неизбежными [1, с. 57].

Рис. 1. ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Источник: 10; 11, р. 20; 1, сс. 208, 217, 224.

Почти половина коренных народов Латинской Америки живет в нищете. Ликвидация бедности — одна из целей в области устойчивого развития ООН [14], однако, по данным Всемирного банка, «несмотря на принятие программ... среди коренных народов повсеместно преобладает хроническая бедность» [15, с. 23]. Согласно отчету Международной организации труда (МОТ), 45,5% коренного населения Латинской Америки находится за чертой бедности, зараба-

тывая меньше 5,5 долл. в день, что почти в два раза выше показателя бедности у некоренного населения (22,9%) [16, р. 96]. Пауперизация коренных народов ведет к повышению уровня преступности. Как указывает Н.В.Рауц, зачастую против индейцев организовывались кампании в СМИ для создания образа маргинала и преступника, чтобы оправдать их насильственное переселение с плодородных земель [1, с. 140].

Ускорение урбанизации коренных народов становится следствием нерешенности земельного вопроса. По данным МОТ, 52,2% коренных народов Латинской Америки проживают в городах [16, р. 58]. Оставшись без земли, представители коренных народов в поисках низкоквалифицированной работы вынуждены переселяться в крупные центры. В регионе самый большой разрыв в мире по уровню оплаты труда: коренные народы зарабатывают на 31,2% меньше, чем остальное население. Представители автохтонных групп чаще соглашались на неофициальное трудоустройство (82,6% коренного населения против 51,1% некоренного) [16, pp. 16, 18]. Таким образом, большое количество членов этих групп занято в неформальном секторе экономики, что ведет к ухудшению условий труда и создает препятствия для отстаивания ими своих прав. Низкий уровень образования также становится препятствием для получения работы с достойной оплатой труда. Среди работающего коренного населения каждый третий не имеет образования, что в 2,5 раза больше показателя, фиксируемого у некоренного населения (31,7% против 12,8%). Начальное образование есть у 39,3% коренного населения, что примерно сопоставимо с долей остального населения — 38,5%. Но на следующих уровнях образования наблюдаются сильные различия: коренное население практически в два раза реже получает среднее и высшее образование, чем некоренное (18,7% против 30,6% в категории среднего уровня, 10,3% против 18,2% в категории высшего уровня) [16, р. 81]. Текущая ситуация обусловлена неравным доступом населения к образовательным социальным лифтам. Даже в случае бесплатного базового образования родители из числа коренных народов не всегда могут оплатить сопутствующие расходы (учебные материалы, форму, оплату питания и т.д.). Кроме того, не все согласны с программой, в которой не учитываются культурные различия автохтонных групп и не предусмотрено обучение на двух языках.

Сохранение культуры коренного населения во многом зависит от решения земельного вопроса, а промедление здесь приводит к деэтнизации, пауперизации, маргинализации и социальной эксклюзии автохтонных групп. «Неизбежное при модернизации наступление на традиционный общинный уклад, усиление ассимиляционных процессов вызвали закономерное стремление «воспринявших народов» к самосохранению» [17, с. 11].

«ИНДЕЙСКИЙ РЕНЕССАНС» КАК УСИЛЕНИЕ ГОЛОСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ

В конце XX в. «индейское возрождение» в Латинской Америке сопровождалось активизацией борьбы коренных народов за свои права. Во многом этому способствовала волна демократизации и институциональных реформ на региональном уровне [18], что позволило автохтонным группам использовать новые инструменты и системные механизмы для этнополитической мобилизации и актуализации региональной повестки дня. Децен-

трализация власти и усиление локальных институтов, с одной стороны, упрощали и ускоряли коммуникацию коренного населения с представителями власти, но, с другой стороны, многие поднимаемые вопросы замалчивались и не передавались на более высокий уровень из-за бюрократизации и коррумпированности властных структур [1, сс. 114, 132, 141]. В итоге это приводило к радикализации этнополитических движений на фоне хронических социально-экономических проблем [19, р. 142].

Усиление голоса коренного населения происходило на фоне политики государств, направленной на подавление этнической идентичности и интеграции автохтонных групп в общенациональную. Активные шаги в сторону принудительной ассимиляции вызвали обратный эффект у индейских общин и еще больше усиливали их желание отстаивать право на самоопределение. Их стремление получило поддержку международного сообщества и способствовало расширению международной правовой базы по защите прав коренных народов [20, р. 1]. Однако существенным препятствием на пути к широкой политической представленности коренных народов стала приверженность государств экстрактивистской модели экономики, которая идет вразрез с миропониманием представителей местных культур и напрямую ухудшает положение коренных народов. Желание властей быстро модернизировать экономику привело к активной эксплуатации природных ресурсов Латинской Америки и к тесному сотрудничеству с ТНК. Экологический аспект реализуемых проектов отходил на второй план, что оказывало пагубное воздействие на окружающую среду и провоцировало многочисленные конфликты на этой почве [21]. Коренные народы как хранители плодородных земель стали основными антагонистами экстрактивистской политики и невольно взяли на себя роль защитников окружающей среды в своем регионе. Повестка дня этнополитических движений стала приобретать экологизированный характер и начала находить отклик среди приверженцев международной тенденции на развитие «зеленой экономики». При этом экологические проблемы все чаще становятся поводом для политического давления на те или иные страны, введения экономических санкций и прекращения макропроектов [22, с. 66].

Несмотря на то, что этнополитические движения коренных народов в основном происходят на локальном уровне в рамках общин и отдельных государств, проблемы, которые поднимают их участники, носят региональный характер и формируют совместную повестку для всех стран Латинской Америки. В качестве примеров можно привести признание коренных народов, расширение конституционных прав, борьбу за права человека, решение аграрного вопроса, защиту окружающей среды, сохранение языка и культуры, право на добровольную изоляцию, борьбу с *COVID-19* и т.д. Масштабы таких движений разные — от криминальных действий и уличных протестов до создания партий и привлечения международной общественности.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В РАЗВИТИИ АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА В РЕГИОНЕ

Одним из самых крупномасштабных выступлений коренных народов периода «индейского возрождения» стало вооруженное восстание Сапатистской армии национального освобождения (*Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN*) в Мексике в 1994 г. Автохтонные группы жили

в условиях бедности и занимали крайне пассивную политическую позицию как субалтерны. Многолетним сдерживающим фактором для них была надежда получить обещанную землю от государства и наладить свой традиционный быт. Их политическая мобилизация и присоединение к леворадикальному движению стали во многом следствием определенного международного события: в 1992 г. в процессе подготовки к вступлению в Североамериканское соглашение о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) Мексика внесла поправки в 27-ю статью Конституции, согласно которой общинные земли коренных народов теперь могут подлежать купле-продаже и приватизации, государство отказалось от обязательств по распределению земель между общинами [23, с. 49]. Такой шаг лишил местные этнические группы последних надежд и подвел к идее борьбы за свои права.

Коренные народы Мексики стали социальной основой *EZLN* — леворадикального движения с альтерглобалистской направленностью. Вооруженное восстание началось в преддверии ратификации договора *NAFTA* как протест против неолиберальных реформ. Индейские выступления угрожали международному имиджу Мексики как страны, благонадежной для инвестиций иностранного капитала. Силовое подавление движения со стороны правительства было невозможно: взгляды широкой международной общественности были прикованы к этому противостоянию, поэтому оставалось только сесть за стол переговоров. По результатам обсуждений в 1996 г. были подписаны Сан-Андресские соглашения, но впоследствии договоренности реализованы не были, а Мексика стала членом *NAFTA*. Несмотря на этот итог, восстание сыграло решающую роль в политической мобилизации коренных народов и осознании себя как действующего актора, оно позволило ввести новые, ненасильственные практики взаимодействия между властью и этническими группами [24, с. 51]. В дальнейшем лидеры неосапатистского движения продолжили свою деятельность, взяв курс на реализацию умеренной программы и развитие альтерглобалистского дискурса в рамках социальных форумов и конференций, публичных обсуждений и массовых шествий [25, с. 61].

В 1990-е годы по примеру Мексики этнические протестные движения радикальной направленности охватили многие страны континента. В Венесуэле проходили протестные выступления против деятельности Международного валютного фонда (МВФ), в Чили устраивались акции протеста с блокированием дорог, забастовками. В Эквадоре движение коренных народов проявило себя как одно из самых организованных в регионе: Конфедерация коренных народов Эквадора (*La Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador, CONAIE*) стала ядром общенациональных протестов того времени и возглавила ряды оппозиции. На ее счету — смещение трех президентов в кооперации с военными, профсоюзами и студенческими группами: Абдалы Букарама (1996—1997 гг.), Хамиля Мауада (1998—2000 гг.), Лусио Гутьерреса (2003—2005 гг.) [18]. В 1990 г. эквадорские кичуа устроили мятеж и заявили в манифесте *Inti Raymi* о несогласии с неолиберальной политикой властей, проводимой при участии монополистов и МВФ [26, с. 76].

События периода «индейского возрождения» стали ответом на социальные последствия неолиберальной глобализации. Нарастающая напряженность и усиливающееся чувство обреченности в обществе привели к тому, что первые протестные движения коренных народов приняли самую ради-

кальную форму в виде сапатизма, анархизма, марксизма-ленинизма, троцкизма. В дальнейшем, хотя и были найдены другие, ненасильственные формы протеста, радикализм остался важной частью политической культуры коренных народов и повлиял на протестные практики всего региона. «Индийский ренессанс» привел коренные народы к мысли о возможности альтернативного пути развития. Эта идея звучала в унисон с настроениями в обществах латиноамериканских стран и в дальнейшем получила широкую поддержку в виде альтерглобалистского движения [27, с. 13].

На фоне альтерглобалистских настроений голоса индейского электората становились все более весомыми, что привело политический маятник в движение и способствовало «левому повороту» многих стран Латинской Америки (1998—2016 гг.), главной чертой которого стала синхронность прихода к власти левых правительств через демократические выборы. Одной из первых стран стала Венесуэла, где в 1998 г. на президентских выборах победил Уго Чавес (2002—2013 гг.), горячо поддерживаемый коренными народами. За время его правления было реализовано множество социальных программ по улучшению жизни автохтонных групп, создана одна из самых передовых Конституций региона по обеспечению прав и гарантий коренного населения при непосредственном их участии в разработке документа [1, с. 111]. В Бразилии президент Луис Инасиу Лула да Силва (2003—2010 гг.) с 2003 г. также развивал культурную политику в отношении коренных народов, хотя и более умеренную по сравнению с венесуэльским подходом. В том же году к власти в Аргентине пришел представитель левого крыла Нестор Киршнер (2003—2007 гг.), которому предстояло бороться с последствиями недавнего дефолта. В Боливии в 1995 г. представитель коренного населения — Эво Моралес (2006 — 2019 гг.) — создал политическую партию Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*). Затем в ряде стран также приходили к власти левые правительства: в Чили (2006 г.), Эквадоре (2007 г.), Никарагуа (2007 г.) и многих других.

Массовые движения коренных народов в составе общенациональных положили начало альтерглобалистскому курсу и привели к власти правительства левого толка, которые продолжили альтерглобалистскую риторику на региональном и международном уровнях. Такое уникальное сочетание альтерглобализма «снизу» и «сверху» породило понятие «государственного альтерглобализма» [25, с. 53]. Латиноамериканские страны в своей внешней политике делали акцент на национальном суверенитете, региональной интеграции, поиске особого пути развития и на противостоянии гегемонии США.

Отправной точкой для становления альтерглобалистского движения латиноамериканского региона стало противостояние проекту Панамериканской зоны свободной торговли (*Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA*), который был инициирован США в 1990 г. По официальной задумке организаторов новый торгово-экономический союз двух Америк, за исключением Кубы, позволил бы открыть рынки для взаимного обмена товарами, услугами, технологиями и трудовыми ресурсами. В действительности проект был нацелен на «получение односторонних преимуществ и выгод для североамериканского капитала» [28]. США намеревались таким образом упрочить свое доминирование в постбиполярном мире, расширить

представленность неолиберальной модели экономики в латиноамериканском регионе и ослабить субрегиональную интеграцию [29].

Проект *ALCA* стал олицетворением неолиберальной глобализации, что вызвало активные протесты альтерглобалистского движения с участием коренных народов во многих странах Латинской Америки. На этой почве сформировалась новая организация латиноамериканского альтерглобализма — Континентальный социальный альянс (*Alianza Social Continental, ASC*), который включал в себя более 300 региональных движений из 35 стран и ставил целью, как минимум, добиться открытости и гласности переговоров о *ALCA*, а как максимум — прекращение проекта [27, сс. 16, 17]. *ALCA* разрабатывался и обсуждался «за закрытыми дверями», США вели переговоры строго в двустороннем формате с каждой страной без какой-либо гласности, что предполагало «развитие событий по неблагоприятному сценарию, ибо таким образом размывалась региональная сплоченность» [28]. В 2001 г. было выполнено первое требование — опубликован предварительный вариант соглашения *ALCA*, что позволило альтерглобалистам перейти к более предметной критике. На этом фоне увеличилось число массовых протестных акций в регионе с участием коренных народов, что стало одной из решающих причин срыва первоначального проекта в 2004 г. Это был определенный успех альтерглобалистского движения Латинской Америки.

ПРОБЛЕМА КОРЕННЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Идея о региональной интеграции и самобытном пути развития латиноамериканских стран привела к созданию антипода *ALCA* — Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*). Венесуэла и Куба в 2004 г. выступили с инициативой экономической интеграции и развития на основе социализма и коллективной защиты независимости [30].

В рамках проекта *ALBA* У.Чавес видел свое предназначение в продолжении дела национального героя страны Симона Боливара по интеграции латиноамериканского региона и борьбе с наследием колониализма, что привело к идейному противостоянию с *ALCA*. Именно поэтому *ALBA* стала во многом продолжением национальной политики Чавеса по защите прав коренных народов, но уже на региональном уровне. Автохтонные группы, со своей стороны, также поддерживали альтерглобалистскую инициативу, которая отражала приверженность важным социальным программам — от здравоохранения и образования до сельского хозяйства и борьбы с коронавирусной инфекцией [30].

В целом проект *ALBA* включал в себя планы по введению региональной денежной валюты, энергетической интеграции в виде создания единой нефтяной и газовой компании *PetroAmerica*, организации многонациональных корпораций (МНК) взамен ТНК, созданию Южноамериканского банка как альтернативы Межамериканскому банку развития от Организации американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*). Предусматривалось также создание Организации Южноатлантического договора (*Organización del Tratado del Atlántico Sur, OTAS*) в противовес Организации Североатлантического договора (НАТО), Латиноамерикан-

ского валютного фонда как альтернативы МВФ, информационного агентства *Telesur* как конкурента глобальных медиа [29]. Таким образом, проект *ALBA* носил альтерглобалистскую направленность и был нацелен на поиск нового пути развития, отличного от западного. Однако планы по его осуществлению подвергались критике: новые структуры во многом повторяли старую неолиберальную форму, хотя и имели противоположное содержание, в связи с чем возникало сомнение, сможет ли *ALBA* решить проблемы региона, используя прежние подходы. А с усилением кризиса в Венесуэле, которая была идейным вдохновителем движения, позиции *ALBA* начали ослабевать, и поддержка коренных народов была поставлена под вопрос.

На этом фоне Бразилия инициировала новый проект — Союз южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, Unasur*). Планировалось введение единой валюты и создание наднациональных органов по образцу Европейского союза. Целями *Unasur* были формирование зоны свободной торговли между Общим рынком стран Южной Америки (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) и Андским сообществом наций (*Comunidad Andina de Naciones, CAN*), а также интеграция всего южноамериканского пространства. *Unasur* оттеснил на второй план *OEA*, взяв на себя основную роль по урегулированию конфликтов в регионе и курс на сохранение системы знаний автохтонных групп [31, с. 192]. Однако из-за нарастания противоречий между левыми и правыми режимами в 2018 г. [32] из *Unasur* вышли крупные страны, поставив под сомнение существование организации и в том числе ее деятельность по защите автохтонных групп. В противовес была создана правая структура — Форум за прогресс и интеграцию Южной Америки (*Foro para el Progreso e integración de América del Sur, Prosur*), целями которой стали построение неолиберальной экономики и сближение с США, что шло вразрез с нуждами коренных народов.

Попытку поддержать автохтонные группы предпринял и *Mercosur*, который с 2006 г. включил в число официальных языков организации гуаранí [33] — распространенный язык коренных народов на территории таких стран-членов, как Бразилия, Парагвай и Аргентина. Однако рабочими языками остаются только испанский и португальский, а информация на сайте дублируется на английском. Таким образом, выбор языка гуаранí в качестве официального имеет скорее символическое значение.

В то же время есть ряд позитивных инициатив, которые удалось реализовать в длительной перспективе. Например, на фоне экологизации этнополитических движений особую значимость стала приобретать индейская концепция *Buen Vivir* — «Хорошая/достойная жизнь», согласно которой нужно жить в гармонии с природой, бережно к ней относиться и брать только самое необходимое. Концепция имеет глубинную экзистенциальную составляющую и отражает миропонимание коренных народов и их уникальную парадигму развития. Подход охватывает не только вопросы экологии, но и широкий спектр социально-экономических вопросов. Однако в зависимости от каждой страны те или иные аспекты концепции могут варьироваться, например, эквадорская *Sumak Kawsay* не эквивалентна боливийской *Suma Qamaña* [34, с. 11]. Наиболее успешно концепция реализована на институциональном уровне в Эквадоре и Боливии (2007—2008 гг.), а также стала глобальной альтернативой экстрактивистской модели экономики и

прочно вошла в политическую риторику и легальное поле во всем латиноамериканском регионе [22, с. 66].

Концепция *Buen Vivir* нашла отражение в миссии Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*). Организация охватывает 33 страны и активно продвигает повестку коренных народов. С 1992 г. при *CELAC* действует Фонд развития коренных народов Латинской Америки и Карибского бассейна (*Fondo para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas de América Latina y El Caribe, FILAC*); сейчас его миссия состоит в продвижении концепции *Buen Vivir* через соблюдение прав человека, создание равных возможностей, преодоление дискриминации, установление диалога между государствами и автохтонными группами [35]. В 2021 г. члены *FILAC* поддержали создание Иберо-американского института языков коренных народов и инициативу ООН по проведению Международного десятилетия языков коренных народов (2022—2032) [36].

CAN, которое с 1969 г. объединяет Боливию, Колумбию, Эквадор и Перу, разработало интеграционный механизм, при котором коренные народы принимают участие в обсуждении острых социальных вопросов. В структуре организации функционирует консультативный совет коренных народов, в состав которого входят представители автохтонных групп от каждой страны-участницы; он собирается не реже двух раз в год. Цель совета — содействовать активному участию коренных народов в решении вопросов субрегиональной интеграции, выполняя роль консультантов [37, р. 17].

В то же время игнорирование индейского вопроса и связанной с ним этноэкологической повестки подвергается критике со стороны международного сообщества и становится поводом для экономических санкций. Например, политика президента Бразилии Жаира Болсонару (2019 — н/в) по тушению пожаров в Амазонии стала предметом споров с Европейским союзом. Под угрозой оказалась ратификация соглашения между ЕС и *Mercosur* [38]. Латиноамериканские государства также неоднократно становились участниками судебного процесса, инициированного коренными народами в Межамериканском суде по правам человека [20, р. 18]. Однако постановления и рекомендации суда в большинстве случаев игнорировались государствами [1, сс. 86, 151, 163, 164, 168, 219, 221].

Таким образом, коренные народы стали основой общенациональных социальных движений и внесли весомый вклад в развитие альтерглобализма на региональном уровне. Автохтонные группы предложили иной взгляд на путь развития латиноамериканского региона, где в основе лежит уважение и бережное отношение к природе в отличие от экстрактивистской модели экономики. Повышению активности коренных народов во многом способствовали накопленный за годы споров с представителями власти опыт, участие в политических процессах в целях отстаивания своих интересов, общение с международными инстанциями. Однако при всей массовости протестных движений коренных народов есть определенные препятствия, мешающие им действовать в полную силу. Прежде всего речь идет о хронических социально-экономических проблемах, которые не позволяют подняться на более высокий уровень по иерархии потребностей. Как отмечает Н.В.Ракуц [1, с. 51], государства применяют двойные стандарты: в законодательной базе закрепляются права местных культур, а на деле международные

организации фиксируют массовые нарушения [39, pp. 329-484]. Для большей включенности коренных народов в развитие тех или иных стран потребуются политическая воля правительств латиноамериканских государств и пересмотр их политики по отношению к автохтонным группам.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ ООН

Для Латинской Америки участие в деятельности ООН — это не просто внешнеполитическая активность, а, прежде всего, возможность преодоления периферийного статуса региона путем причастности к решению острых международных вопросов, в том числе по защите прав и свобод коренных народов. основополагающими документами в этой сфере стали Декларация ООН о правах коренных народов от 2007 г. [40] и Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 169 от 1989 г. [41].

Декларация находилась в процессе подготовки более 20 лет. В 1982 г. была создана рабочая группа, цель которой — разработка документа с «минимальными стандартами для обеспечения выживания, уважения достоинства и благополучия коренных народов мира» [40]. Для консультаций приглашались представители коренных народов, но окончательное решение принималось странами — членами ООН. Процесс создания декларации сильно затягивался из-за многочисленных дебатов, касающихся ее содержания, в частности, о правах коренных народов на самоопределение и по контролю над природными ресурсами на их традиционных землях. Вскоре после начала деятельности рабочей группы в МОТ подверглась пересмотру Конвенция № 107, и специалисты организации приступили к подготовке новой Конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». В итоге 31 страна Латинской Америки приняла Декларацию ООН, а Конвенцию МОТ № 169 ратифицировали 15 стран региона, и еще 5 продолжили следовать Конвенции МОТ № 107 (Венесуэла, Куба, Панама, Сальвадор, Доминиканская Республика) [42; 43; 44].

Декларация ООН и конвенция МОТ играют первостепенную роль в деле защиты и продвижения прав коренных народов. Однако документы неоднократно подвергались критике, прежде всего, за отсутствие единого определения «коренные народы» [45, с. 6]. В текстах нет четкого юридического термина, который мог бы использоваться как универсальный. Основной акцент сделан на самоидентификации, и решающее слово в рассмотрении конфликтов остается за странами-участницами [46, с. 413]. Например, в перуанском законодательстве автохтонные группы признаются не как коренные народы, а как общины; в Аргентине понятия «индеец» и «член общины» практически равнозначны, что автоматически исключает тех, кто живет в городах; в Чили нет понятия «коренные народы», есть только «этнические группы»; в Эквадоре выделяются индейские «национальности», которые могут включать в себя несколько народов с общими корнями; в Уругвае и вообще отрицается существование коренных народов в стране, несмотря на протесты населения. Отсутствие единого подхода к определению понятия «коренные народы» на международном и региональном уровнях приводит к разным толкованиям, а процесс признания сопровождается долгими бюрократическими процедурами [1, сс. 36, 81, 132, 143, 200].

Другой аспект, неоднократно подвергавшийся критике, — отсутствие возможности у коренного населения создать собственное государство. В документах подчеркивается историческая значимость автохтонных групп и самобытность их культур, но допускается лишь автономия в составе сложившихся государств. В упоминавшейся книге Н.В.Ракуца подчеркивается, что сами коренные народы обычно не проявляли сепаратистских настроений и не поднимали вопрос о полном отделении, понимая масштаб противостояния и маловероятность успеха [1, с. 33].

Господствующий дискурс также проявился в уровне строгости соблюдения прав коренных народов и обязанностей государств. При описании прав автохтонных групп в тексте документа используются четкие формулировки, а обязанности государств описываются максимально гибко и с различными уточнениями: «где это возможно», «при необходимости», «государства стремятся обеспечить возможность». Такие формулировки позволяют странам обходить предписания декларации. Например, в 2013 г. власти Эквадора пригласили коренные народы для предварительных консультаций по законопроекту о водных ресурсах, но большинство общин не получили приглашение. На ознакомление был предложен объемный текст со сложной технической терминологией, а на обратную связь было дано всего 20 дней, хотя сам закон разрабатывался три года. Таким образом, коренные народы оказались в ситуации, когда они никак не могли выполнить необходимые условия, хотя формально предписание декларации о предварительных консультациях было соблюдено.

Несмотря на провозглашение антиинтеграционистской политики, Декларация ООН и Конвенция МОТ в той или иной степени косвенно предполагают включение коренных народов в современное общество. В документах не затронуты права изолированных коренных групп. Их формат предполагает, что коренные народы должны уже находиться, как минимум, на первой стадии «контактов с цивилизацией», чтобы государства могли выполнять предписания декларации. Так, переселение коренных народов с их традиционных земель, размещение на их территориях опасных материалов, проведение локальных военных действий или принятие законодательных и административных мер по индейским вопросам невозможно без согласия коренных народов. А получение согласия фактически означает нарушение целостности изолированных групп и форсирование исполнения контактов. В противном случае государство единолично принимает решение без вовлечения изолированных групп, что не всегда идет на пользу последним. Кроме того, есть еще и группы, добровольно уходящие в изоляцию с целью сохранения традиционного быта. Такой сценарий тоже не учитывается.

В нынешних версиях декларации и конвенции четко просматривается закрепление колониального дискурса: решающее слово принадлежит господствующему классу как в составлении, так и в трактовке их положений. Приоритет отдается сохранению *status quo* в рамках современных границ, и создание коренными народами самостоятельных государств не допускается.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ПОДАВЛЕНИЯ АКТОРНОСТИ

Коренное население обладает значительным политическим потенциалом, но в действительности не может его реализовать в полной мере в силу

доминирования колониального дискурса, не позволяющего продвигать индейскую повестку на глобальном уровне и подавляющего способность коренных народов заявлять о себе. Главная причина такой ситуации состоит в стремлении господствующего класса сохранить территориальный суверенитет современных государств и расширить свои полномочия по использованию природных ресурсов, минимально отчитываясь о своей деятельности и избегая экологического контроля. Индейцы исторически стремились сохранить традиционные земли предков, что шло вразрез с политикой властей. В этой связи международные документы ООН по продвижению прав коренных народов, с одной стороны, стали важной вехой в истории развития автохтонных групп, но, с другой стороны, в определенной степени также закрепили колониальное наследие. Прежде всего это касается отсутствия юридического определения термина «коренное население», так как наличие четкого определения повлечет за собой необходимость наделить это население землей. Права государств описываются максимально гибко. Это сделано для того, чтобы дать возможность властям совершать политические маневры. Права создавать свое государство или не вступать в контакт с цивилизацией у коренных народов нет. Доминирующий дискурс предполагает интеграцию индейского населения в современное общество и принятие ими универсальных ценностей и общемировых «правил игры».

Коренные народы пока не стали самостоятельным актором региональных и международных отношений. Они вносят важный вклад в развитие региона путем участия в общенациональных движениях и поддержки демократических институтов, но пока не могут вносить свои требования в повестку дня и остаются главными антагонистами на пути экстрактивистской модели экономики. Отправными точками для налаживания диалога между властями и коренными жителями региона могут стать выработка и юридическое закрепление единого определения понятия «коренные народы» на международном уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии). М., ИЛА РАН, 2018, 264 с. [N.V.Rakuts. Kultura indejskih narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskije realii) [Indian Culture and State Policy (South American Reality)]. Moscow, ILA RAN, 2018, 264 p.
2. Guha R. Subaltern Studies: in 3 vol. Delhi, Oxford University Press, 1982-1999.
3. Spivak G.C. Subaltern Studies: Deconstructing Historiography. *Subaltern Studies*. Delhi, Oxford University Press, 1988, pp. 197-221.
4. Chakrabarty D. Subaltern Studies and Postcolonial Historiography. *Nepantla: views from South*. Durham, 2000, vol. 1, Issue 1, pp. 9-33.
5. Prakash G. Subaltern Studies as Postcolonial Criticism. *The American Historical Review*. Chicago, 1994, vol. 99, N 5, pp. 1475-1490. DOI 10.2307/2168385.
6. The Latin American Subaltern Studies Reader. Durham and London, Duke University Press, 2001, 446 p.
7. Mallon F.E. The Promise and Dilemma of Subaltern Studies: Perspectives from Latin American History. *The American Historical Review*. Chicago, 1994, vol. 99, N 5, pp. 1491-1515. DOI 10.2307/2168386.
8. Interactive Demographic Indicators: ECLAC. Available at: <https://www.cepal.org/en/demographic-indicators-interactive-data> (accessed: 27.03.2022).
9. Acosta L., Ribotta B. Visibilidad estadística y mecanismos participativos de los pueblos indígenas en América Latina: avances y desafíos. Documentos de Proyectos. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2022, 55 p.

10. Коренные народы Латинской Америки. Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, 2014. [Korennye narody Latinskoj Ameriki. Ekonomicheskaya komissiya OON po stranam Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna, 2014. [Indigenous Peoples of Latin America: ECLAC, 2014]. Available at: <https://www.cepal.org/es/infografias/los-pueblos-indigenas-en-america-latina> (accessed: 27.04.2022).
11. Belize Population and Housing Census: Country Report 2010. Belmopan, The Statistical Institute of Belize, 2013, 158 p.
12. Who Owns the World's Land? A Global Baseline of Formally Recognized Indigenous and Community Land Rights. Washington, DC, Rights and Resources Initiative, September 2015, 44 p.
13. Свампа М. Бросая вызов нео-экстрактивизму в Латинской Америке. *Глобальный диалог*. СПб., 2016, № 1, т. 6, сс. 24-25. [Svampa M. Brosaya vyzov neo-ekstraktivizmu v Latinskoj Amerike. [Challenging Neo-Extractivism in Latin America]. *Globalny Dialog*. Saint Petersburg, 2016, N 1, vol. 6, pp. 24-25 (In Russ.).
14. ООН Цели в области устойчивого развития. [OON Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya. [UN The Sustainable Development Goals]. (In Russ.). Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 28.03.2022).
15. Холл Дж., Патринос Х.Э. Коренные народы Латинской Америки: политическое влияние коренных народов усиливается, а их отставание сохраняется. *Финансы & развитие*. М., 2005, декабрь, сс. 23-25. [Hall J., Patrinos H.E. Korennye narody Latinskoj Ameriki: politicheskoe vliyaniye korenyh narodov usilivaetsya, a ih otstavaniye sohranyaetsya. [Indigenous Peoples of Latin America: Indigenous Peoples' Political Influence is Growing, but They are Still Lagging Behind]. *Financy & razvitie*. Moscow, 2005, December, pp. 23-25 (In Russ.).
16. Implementing the ILO Indigenous and Tribal Peoples Convention N 169: Towards an Inclusive, Sustainable and Just Future. Geneva, ILO, 2019, 156 p.
17. Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений. *Индейский мир перед вызовами XX века. Сборник статей*. Отв.ред. Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф. Москва, ИЛА РАН, 2011, сс. 11-37. [Shinkarenko A.A. Problemy politicheskogo uchastiya indejskih dvizhenij [Problems of Political Participation of Indian Movements]. *Indejskij mir pered vyzovami XX veka. Sbornik statej*. [The Indian World Before the Challenges of the Twentieth Century]. Moscow, ILA RAN, 2011, pp. 11-37.
18. Чернышев А.Л. Индейский раскрас латиноамериканской политики: региональная панорама и эквадорский кейс. *Российский совет по международным делам*. 07.11.2019. [Chernyshev A.L. Indejskij raskras latinoamerikanskoj politiki: regional'naya panorama i ekvadorskij kejs [Indian Coloring of the Latin American Politics: Regional Panorama and the Case of Ecuador]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indeyskiy-raskras-latinoamerikanskoj-politiki-regionalnaya-panorama-i-ekvadorskiy-keys/> (accessed: 22.01.2022), (In Russ.).
19. Munck R. Los movimientos sociales en América Latina. Cartografiando el mosaico. Montevideo, LALIBRE, 2021, 218 p.
20. State of the World's Indigenous Peoples: Rights to Lands, Territories and Resources. New York, United Nations, 2021, vol. 5, 178 p.
21. Мировой атлас социальных конфликтов вокруг экологических проблем. [Mirovoj atlas social'nyh konfliktov vokrug ekologicheskikh problem] [Global Atlas of Environmental Justice]. Available at: <https://ejatlas.org/> (accessed: 22.03.2022).
22. Шинкаренко А.А., Медина Гонсалес В.К., Некрасов Б.И. Концепция *Buen Vivir* в контексте экологизации международных отношений. *Ибероамериканские тетради*. М., 2021, 9(1), сс. 62-75. [Shinkarenko A.A., Medina González V.X., Nekrasov B.I. Konceptsiya Buen Vivir v kontekste ekologizacii mezhdunarodnyh otnoshenij] [The Concept of Buen Vivir in the Context of Green Theory in International Relations.]. *Iberoamerikanskie tetradi*. Moscow, 2021, 9(1), pp. 62-75 (In Russ.). DOI 10.46272/2409-3416-2021-9-1-62-75.
23. Чернышев А.Л. Борьба индейцев Мексики за землю и автономию. *Индейский мир перед вызовами XX века. Сборник статей*. Отв.ред. Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф. Москва, ИЛА РАН, 2011, сс. 38-57. [Chernyshev A.L. Bor'ba indejcev Meksiki za zemlyu i avtonomiyu] [The Struggle of the Indians of Mexico for Land and Autonomy]. *Indejskij mir pered vyzovami XX veka. Sbornik statej*. [The Indian World Before the Challenges of the Twentieth Century]. Moscow, ILA RAN, 2011, pp. 38-57.
24. Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений. *Вестник МГИМО-Университета*. М., 2019, 12(5), сс. 44-63 [Kretov S.M. «Vozrozhdenie etnichnosti» v globaliziruyushchemsya mire: primer latinoamerikanskih indejskih dvizhenij. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. M., 2019, 12(5), pp. 44-63]

noamerikanskih indejskih dvizhenij] ["Ethnic Revival" in Globalizing World: The Example of Indigenous Political Movements in Latin America]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Moscow, 2019, 12(5), pp. 44-63 (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-44-63.

25. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. М., 2020, № 2, сс. 44-70 [Kuznetsov D.A. Traektorii regional'nogo razvitiya Latinskoj Ameriki v XXI veke [Latin America in the 21st Century: Regional Development Trajectories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Moscow, 2020, N 2, pp. 44-70. (In Russ.).

26. Чернышев А.Л. Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2015, № 9, сс. 73-80 [Chernyshev A.L. Politizaciya etnichnosti v epohu globalizacii: opyt Latinskoj Ameriki. [Politicization of Ethnicity in the Era of Globalization: the Experience of Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 9, pp. 73-80. (In Russ.).

27. Пятаков А.Н. Латиноамериканский альтерглобализм — новый фактор региональной политики: автореферат. Дисс. канд. полит. наук. М., 2007, 26 с. [A.N.Pyatakov. Latinoamerikanskij al'terglobalizm — novyj faktor regional'noj politiki: avtoreferat. Diss. kand. polit. nauk. [Latin American alter-globalism as a new factor in regional policy: review. Diss. Cand.Sci. Polit.]. Moscow, 26 pp.

28. Ключковский Л.Л. Экономический гегемонизм США и Латинская Америка. *Латинская Америка*. М., 2005, №11, сс. 4-17. [Klochkovskij L.L. Jekonomicheskij gegemonizm SShA i Latinskaja Amerika] [USA Economic Hegemony and Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2005, N 11, pp. 4-17. (In Russ.).

29. Пятаков А.Н., Майданик К.Л. Альтерглобалистское движение в Латинской Америке: исторические корни, структура, борьба против проекта ALCA. [Pyatakov A.N., Majdanik K.L. Al'terglobalistskoe dvizhenie v Latinskoj Amerike: istoricheskie korni, struktura, bor'ba protiv proekta ALCA] [Alter-Globalization Movement in Latin America: Historical Roots, Structure, Struggle Against the ALCA Project 2005. (In Russ.). Available at: <http://saint-juste.narod.ru/maidanik2.html> (accessed: 22.03.2022).

30. ALBA. Available at: <https://www.albatcp.org/en/> (accessed: 22.03.2022).

31. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. ООН, 2015. [Doklad YUNESKO po nauke: na puti k 2030 godu. [UNESCO Science Report: Towards 2030]. UN, 2015. (In Russ.) Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus (accessed: 22.01.2022).

32. Peoples movements declare, «We the people are UNASUR». 02.08.2018. Available at: <https://peoplesdispatch.org/2018/08/02/peoples-movements-declare-we-the-people-are-unasur/> (accessed: 27.06.2021).

33. MERCOSUR. Available at: <https://www.mercosur.int/en/about-mercosur/mercosur-in-brief/> (accessed: 22.03.2022).

34. Шинкаренко А.А. Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новации. *Латинская Америка*. М., 2021, № 2, сс. 6-16. [Shinkarenko A.A. Evolyuciya ekologicheskogo diskursa v Latinskoj Amerike: tradicii i novacii] [Evolution of environmental discourse in Latin America: traditions and innovations]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2021, N 2, pp. 6-16 (In Russ.).

35. FILAC. Available at: <https://www.filac.org/quienes-somos/> (accessed: 22.03.2022).

36. Международное десятилетие языков коренных народов: ЮНЕСКО. [Mezhdunarodnoe desyatiletie yazykov korennyh narodov: YUNESKO] [The International Decade of Indigenous Languages 2022-2032: UNESCO]. (In Russ.). Available at: <https://ru.unesco.org/idil2022-2032> (accessed: 22.03.2022).

37. Derechos de los pueblos indígenas en la Comunidad Andina. Lima, Comunidad Andina, 2013, 48 p.

38. Будыкина К.Ю., Тимофеева Ю.А. Пожары в Амазонии и отношения между Mercosur и ЕС. *Латинская Америка*. М., 2020, № 7, сс. 79-88. [Budykina K.Y., Timofeeva Y.A. Pozhary v Amazonii i otnosheniya mezhdru Mercosur i ES] [Amazon Wildfires and Mercosur — EU Relations]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 7, pp. 79-88 (In Russ.). DOI 10.31857/S0044748X0009863-8.

39. The Indigenous World 2022. IWGIA, 2022, vol. 36, 896 p.

40. Декларация ООН о правах коренных народов. [Deklaraciya OON o pravah korennyh narodov. [UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed: 27.05.2022).

Денис Кузнецов, Екатерина Хулио

41. Конвенция МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. [Konvencija MOT №169 o korennyh narodah i narodah, vedushchih plemennoj obraz zhizni v nezavisimyh stranah] [ILO Indigenous and Tribal Peoples Convention 169]. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/iol169.shtml> (accessed: 27.05.2021).

42. Vote on UN Indigenous Rights Declaration. Available at: <https://www.un.org/press/en/2007/ga10612.doc.htm> (accessed: 29.05.2021).

43. Ratifications of ILO Convention 107. Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312252 (accessed: 29.05.2021).

44. Ratifications of ILO Convention 169. Available at: http://ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312314 (accessed: 29.05.2021).

45. Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Вып. 250. М., ИЭА РАН, 2016, 69 с. [Sokolovskij S.V. Politika priznaniya korennyh narodov v mezhdunarodnom prave i v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii] [The Policy of Recognition of Indigenous Peoples in International Law and in the Legislation of the Russian Federation]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii*. Vol. 250. Moscow, IEA RAN, 2016, 69 p.

46. Гарипов Р.Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. *Международное право и международные организации*. М., 2013, № 3, сс. 408-420. [Garipov R.SH. Ponyatie «korennoj narod» i ih status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave] [The Concept of «Indigenous People» and Their Status in International and Domestic Law]. *Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. Moscow, 2013, N 3, pp. 408-420 (In Russ.). DOI 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.

Denis A.Kuznetsov (kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru)

PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University)

Ekaterina A.Hulio (eakhulio@gmail.com)

Master's Degree (Sociology), Graduate of the vocational retraining programme «International Relations», Moscow State Institute of International Relations (University)

Vernadsky pr., 76, 119454 Moscow, Russian Federation

International dimension of the indigenous problem in Latin America

Abstract. The article examines the modern trends of the indigenous peoples' development in Latin America and the obstacles of the indigenous population's actorness in achieving political potential at the regional and global levels of international relations. Considerable attention is paid to a degree of ethno-political movements representativeness in the region and the role of indigenous peoples in the evolvement of alter-globalization line. The article provides an analysis of the dominant discourse from the perspective of the post-colonial concept Subaltern Studies in two fundamental documents: The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007 and the International Labor Organization Convention N 169 of 1989. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the indigenous peoples of Latin America have significant political potential, but in fact they cannot fully realize it due to the dominant colonial discourse, which does not allow promote the indigenous agenda at the global level and suppresses the actor's ability of indigenous peoples.

Keywords: Latin America, indigenous renaissance, indigenous peoples, alter-globalism.

DOI: 10.31857/S0044748X0020915-5

Received 31.03.2022.

А.А.Паисова, А.О.Бодяшкин

Развитие левой прессы в политическом контексте Испании XX века

В статье представлен анализ поэтапного процесса становления испанской прессы левого толка в условиях преследования со стороны государства. Появление газеты *Mundo Obrero*, наиболее влиятельной в период Гражданской войны, стало кульминацией этого процесса. Авторы данной статьи предлагают собственную классификацию испанских левых средств массовой информации первой половины XX в., а также формулируют основные тенденции в политическом дискурсе *Mundo Obrero* с 1930-х по 1950-е годы, которые определились внутри- и внешнеполитическим контекстом эпохи.

Ключевые слова: Испания, пресса, левые, партийная журналистика, СМИ, XX в.

DOI: 10.31857/S0044748X0022873-9

Статья поступила в редакцию 03.02.2022.

Левая печать редко становится объектом исследования: идеологизированность темы заставила отодвинуть партийные медиа на периферию научных интересов. Однако коммунистическая журналистика заслуживает внимания, т.к. является зеркалом масштабных общественных процессов. Сегодня специалисты обычно рассматривают левые СМИ Испании в отрыве друг от друга, выделяя одну тему в рамках конкретного издания за определенный период, но смещая на второй план саму систему оппозиционной прессы и внешнеполитический контекст (что обусловлено поставленными научными задачами). Примерами важных трудов могут служить статьи исследователей Э. Гонсалеса де Андреса [1] и Антонио Пласа Пласа [2],

Анна Александровна Паисова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 9, apaisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3781-4863>); Алексей Олегович Бодяшкин — аспирант факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 9, alexey.b-vlg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2199-269X>).

диссертации М.Терезы Лопес Эрнандес [3] и М.Эрнандеса Ньето [4]. Но и в этих работах детализация объекта и глубина исследования были важнее общей картины, особенно в тех случаях, когда выбор локального периода времени сочетается с ограниченностью проблематики. В данной статье предложено не столько восполнить теоретические пробелы, сколько изменить фокус и масштаб рассмотрения испанской коммунистической прессы и обратить внимание на постепенность ее формирования — от первых газет начала прошлого века до *Mundo Obrero* как центрального органа Коммунистической партии Испании (*Partido Comunista de España, PCE*). Целями исследования является систематизация сведений о большинстве известных науке испанских газетах левого толка (в том числе существовавших очень непродолжительный период) и составление целостной картины СМИ Испании.

Новизна работы определяется тем, что в ней предложена классификация левоориентированных СМИ, прослежены основные вехи развития левого политического дискурса в первой половине XX в. (прежде всего в газете испанской компартии *Mundo Obrero*, которой уделяется основное внимание). Статья продолжает традицию таких исследователей испанской журналистики, как Г.В.Пашков [5], Ю.В.Чернышева [6], Л.В.Орлова [7], А.А.Паисова [8], Ю.В.Высоков [9]. Авторы данной работы рассмотрели испанскую прессу, обращаясь к методам анализа и синтеза, а также к элементам лингвистического анализа дискурса (фиксация значимых клише и словосочетаний, характерных для коммунистической газеты) и к описательному методу как основному на этапе обобщения полученных данных.

Главным объектом исследования являются идеологемы и политические установки в публикациях газеты *Mundo Obrero* за период 30—50-х годов прошлого века (тексты изучались выборочно, всего было проанализировано более 50 материалов за разные годы). Дополнительными эмпирическими источниками были обнародованные документы из архивов Коминтерна, труды отечественных и зарубежных историков. Концептуальные рамки для исследования задавали научные статьи, вошедшие в двухтомник «История Испании», подготовленный учеными Института всеобщей истории РАН [10].

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДИСКУРСА И ТИПОЛОГИЯ ЛЕВЫХ ИСПАНСКИХ СМИ

Левая пресса Испании родилась на волне демократических традиций XIX в. Активизация рабочего движения в период «революционного шестилетия» 1868—1874 гг., всеобщее недовольство экономическим кризисом и нищетой, знакомство испанцев с идеями либерализма, анархизма и марксизма — все это, несмотря на последующую реставрацию монархического строя, создало предпосылки для появления партийных газет в узком смысле этого термина.

Существенную роль в формировании «левого» взгляда на исторический путь Испании сыграло распространение идей Первого Интернационала как единственной на тот момент массовой международной организации трудящихся. В авангарде рабочего движения заметно выделялась фигура лидера Испанской социалистической рабочей партии (*Partido Socialista Obrero de España, PSOE*) Пабло Иглесиаса, основавшего в марте 1886 г. старейшую испанскую газету левого толка *El Socialista*. Первоначально это был двухполосный еженедельник, но с 1913 г. газета стала выходить ежедневно и постепенно приобрела большой политический вес. Являясь официальным органом социалистической партии (всего у *PSOE* появилось 13 периодических изданий), она также продвигала интересы Всеобщего союза

трудящихся (*Unión General de Trabajadores, UGT*). Таким образом, издание оказалось первым в истории Испании рупором активно растущего пролетариата¹. При этом идеологически газета находилась под влиянием сложных политико-философских умонастроений «поколения 1898 года». Достаточно напомнить, что в круг интеллектуалов, сотрудничавших с *El Socialista*, входили Мигель де Унамуно, Рамиро де Маэсту, Пио Бароха и другие мыслители. Закрытая после установления диктатуры Франсиско Франко (1939—1975 гг.) газета, тем не менее, вышла в условиях подполья в январе 1944 г. (всего одна полоса, размноженная на копировальной машине)², но вскоре ее главный редактор Сократес Гомес в очередной раз был посажен в тюрьму, а издатель Антонио Доносо погиб в результате нападения полиции на типографию. [11]

В середине 30-х годов *PSOE* начала издавать журнал *Leviatan* и еженедельную газету *Claridad*, которые стали голосом внутрипартийной оппозиции во главе с Ларго Кабальеро и Луисом Аракистайном [12, р. 36]. Еще в 1907 г. аффилированная с *PSOE* организация Социалистическая молодежь Испании (*Juventud Socialista de España, JSE*) стала выпускать газету *Renovación*; в том же году в Барселоне — главном промышленном и экономическом центре страны — появилась газета *Solidaridad Obrera*, которой владела анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (*Confederación Nacional de Trabajo, CNT*). Стоит сказать, что анархо-синдикализм особенно успешно прижился на национальной почве. Влияние этой идеологии непрерывно отражалось на ходе внутривнутриполитических конфликтов, особенно в период Испанской революции 1931—1939 гг.³. В период франкизма — как правило со второй половины 1940-х годов — рабочие и профсоюзные газеты продолжали создаваться нелегально; некоторые издания редактировались в тюрьмах и лагерях. *UGT* выпускал издание *Unión*; *CNT* доносила свою повестку не только в *Solidaridad Obrera*, но и в изданиях *El Mosquito*, *Esfuerzo* и *CNT entre rejas*, к сожалению, не сохранившихся в архивах. Нередким явлением был выпуск заключенными рукописных листков и газет, т.к. технические возможности для издательского процесса отсутствовали. Ярким примером служит выходившая в середине 1940-х годов *Juventud Reclusa* — рупор социалистической молодежи.

Представляется целесообразным классифицировать левые периодические издания Испании первой половины XX в. На наш взгляд, большинство газет логично распределить так:

1) официальные органы левых партий: *Mundo Obrero* — Коммунистическая партия Испании (*PCE*); *Treball* — Объединенная социалистическая партия Каталонии (*Partit Socialista Unificat de Catalunya, PSUC*); *El Socialista* — *PSOE*; *La Batalla* — Рабочая партия марксистского объединения (*Partido Obrero de Unificación Marxista, POUM*); *Política* — Республиканская левая⁴, и т.д.;

¹ Если же рассматривать исключительно профсоюзные органы, то первой газетой рабочих, судя по всему, следует считать *La Solidaridad*, основанную в 1870 г.

² Авторитетное СМИ вынужденно замолчало на несколько десятилетий; его легальный выпуск в Испании возобновится только в 1978 г., на ключевом этапе перехода к демократии.

³ Подробнее см. работы крупных специалистов по данной теме: Дамье В.В. [13], Шубина А.В. [14].

⁴ Леволиберальная партия, основанная в 1934 г. Некоторое время действовала в изгнании (в Мексике) после победы Франко. Распущена в 1950-е годы, возрождена в 1977 г. в период перехода Испании к демократии.

2) теоретические органы партий: *Nuestra Bandera* — PCE; *Nous Horizons* — PSUC, и т.д.;

3) профсоюзная периодика: *Union* — UGT; *Solidaridad obrera* — CNT; *Tierra y Libertad* — Федерация анархистов Иберии (*Federación de Anarquistas de Iberia, FAI*) и т.д.;

4) молодежные политические издания: *Renovación* — JSE; *Juventud Reclusa* — Объединенная социалистическая молодежь и т.д.;

5) военная пресса: газета Пятого полка *Milicia Popular*, многочисленные «боевые листки» анархистов и т.д.

Кроме того, в результате гражданской войны 1936—1939 гг. был сформирован целый сегмент партизанской прессы, который был бы достоин отдельного исследования, если бы до сегодняшнего дня сохранилось достаточное количество публикаций. Мадридская *El guerrillero carpetano*, андалусийская *Por la República*, леонская *Lucha*, а также бюллетень командования партизанской армии *Ataque* и другие издания выходили с 1945 по 1950 г. [11, pp. 29-31]. Можно констатировать, что десятки газет левой ориентации, которые появлялись до и после 1939 г., с трудом поддаются подсчету. Многие издания закрывались, некоторые выпускались крайне нерегулярно и лишь формально могли называться периодическими.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕВОЙ ПЕЧАТИ: ЭХО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Борьба с инакомыслием, которая была важным аспектом внутренней политики еще при генерале Мигеле Примо де Ривере (1923—1930 гг.), вышла на новый уровень после поражения республиканцев в гражданской войне. Преследование оппозиции, прежде всего левой, обособывалось правовой базой франкистского государства. Среди основополагающих нормативных актов был принят Декрет о печати 1938 г., согласно которому СМИ стали подчиняться министерству внутренних дел; журналистика превратилась в стража «государственных» интересов, понимаемых весьма специфически. Министр наделялся правом назначать и снимать любого главного редактора. 18 статья закона предписывала применять санкции в отношении тех газет, которые пытаются «затруднить деятельность правительства <...> или сеять пагубные идеи среди отсталой части населения» [5, p. 72]. Несомненно, социализм, анархизм и коммунизм наряду с различными течениями национализма как раз относились к категории «пагубных идей». Учитывая, что вся неугодная режиму печать квалифицировалась как нелегальная пропаганда, целая группа изданий левого толка имела шанс на возрождение только за рубежом. В Мексике сразу после поражения анти-франкистских сил печатаются, среди прочих, номера газет *Izquierda Republicana*, ряд националистических изданий, а также пресса PCE — газета *España Popular* и теоретический журнал *Nuestra Bandera*. Помимо Мексики важным форпостом эмигрантской демократической оппозиции станет Франция, где левые настроения усилятся, достигнув апогея к 1960-м годам.

Гигантское влияние на европейский и мировой политический климат оказали две русские революции. Период с 1917 по 1920 г. вошел в историю Испании как «большевистское трехлетие»; опыт Февраля и особенно Октября тщательно анализировался, поскольку обе страны к окончанию Первой мировой войны имели схожие внутренние проблемы: экономический кризис, безземелье крестьянства, обострившийся национальный вопрос и низкий уровень образования (историк С.П.Пожарская ссылается на данные М.Туньона де Лара, согласно которым в 1910 г. около 60% испанцев были

безграмотными, причем в сельских регионах доля неграмотного населения достигала 82,5%) [15, р. 4]. В августе 1917 г. главные профсоюзные организации *CNT* и *UGT*, тогда еще не вступившие на путь взаимной конфронтации, организовали первую всеобщую забастовку рабочего класса; вдохновляясь примером Петрограда, демонстранты выкрикивали лозунги в поддержку России. На серию протестных выступлений лета 1917 г. правительство ответило репрессиями; в Астурии и Стране Басков это привело к нескольким сотням жертв. Несмотря на кризисное состояние монархии (в некоторых регионах в 1917 г. стихийно провозглашались республики), при поддержке лояльной правительству армии этот институт уцелеет и сохранится даже под руководством Примо де Риверы, военная директория которого устанавливалась с официального одобрения короля Альфонсо XIII.

Показательно, что сразу после русской революции в политический лексикон испанских публицистов прочно вошли такие идеологемы, как «царизм» (*zarismo*) и «большевизм» (*bolchevismo*), перешедшие в разряд междонародных терминов. Дискуссии о революционном процессе быстро заполнили страницы газет, провоцируя ожесточенные споры в кругах испанской социал-демократии. Извлечь уроки из сложного опыта Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1917—1920 гг. пытались и сторонники ленинского курса, и умеренные социалисты⁵. Представители наиболее радикального лагеря призывали к немедленной передаче власти советам и установлению пролетарской диктатуры при полном отказе от сотрудничества с буржуазными партиями; их призывы публиковались на страницах газет *Nuestra Palabra*, *Renovación* и *La Internacional*. Для социалистической *Renovación* радикальный дискурс прежде был совсем не характерен, как отмечал главный редактор Хуан Андраде, в 1919 г. под влиянием идей Коминтерна газета «фундаментально изменила ориентацию, тональность и свое лицо» [16]: со страниц исчезли сентиментальные хроники, уступив место политизированным статьям, сочинениям Ленина и Троцкого.

П. Иглесиас, главный выразитель взглядов реформистского крыла социалистической партии, не мог принять большевистский революционный сценарий, критикуя его в своей газете *El Socialista* [17]. Так, в 1919 г. из-за принципиальных разногласий он голосовал против присоединения *PSOE* к основанному В.И. Лениным Коммунистическому Интернационалу. Однако часть радикально настроенных социалистов вскоре покинула *PSOE* и вошла в состав *PCE*, образованной в ноябре 1921 г. как испанская секция Коминтерна. Печатным органом новой организации стала еженедельная газета *La Antorcha*, что в переводе означает «факел». Она просуществовала до 1927 г., пропагандируя достижения СССР и ориентируясь на его политические установки⁶. Ею, а также основанной в 1920 г. газетой *El Comunista*, руководил уже упомянутый политик и журналист Х. Андраде⁷.

Спустя почти полвека, выступая в Париже на конференции, Х. Андраде подчеркнет важность разъяснительно-пропагандистской функции *La Antorcha* в годы режима Примо де Риверы. В своей речи он также вспомнит о

⁵ Авторы намеренно оставляют за скобками анархистские издания, заслуживающие отдельной статьи. Как известно, анархисты принципиально отвергали государство как политический институт, видя в нем исключительно репрессивную машину.

⁶ Не следует путать это издание с профсоюзной газетой *La Antorcha*, выходившей как орган *CNT* в 1935—1936 гг.

⁷ Впоследствии он был исключен из *PCE* как троцкист, а в 1935 г. стал одним из руководителей *POUM* и одновременно членом редакции газеты *La Batalla*.

необходимости идти на компромисс и принимать рискованные решения ради поддержания диалога с аудиторией — эти детали являются интересным дополнением к портрету эпохи: «...полиция применила хитрую тактику: не приостанавливать выпуск газеты, зато перехватывать корреспонденцию <...>. Таким образом они выявляли продавцов газет и каналы ее распространения, получая возможность составлять досье на активных членов партии по всей Испании. С другой стороны, поскольку газета подвергалась цензуре, не было опасности, что она может вести какую-либо агитацию против диктатуры. При этом ежедневные новости и общетеоретические вопросы, не связанные с испанскими проблемами, освещались довольно открыто. Несмотря на все недостатки, *La Antorcha* в то время была хорошим инструментом политического воспитания партийцев и печаталась тиражом 12 тыс. экземпляров. Как главный редактор я дважды или трижды спрашивал у партийного руководства, следует ли продолжать издавать газету <...>. Ответ всегда был один: нужно использовать все легальные возможности со всеми их рисками» [16].

MUNDO OBRERO КАК ГЛАВНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА В ИСПАНСКОЙ ИСТОРИИ

На смену газете *La Antorcha* в качестве рупора *PCE* пришла газета *Mundo Obrero*. Первый номер был опубликован 23 августа 1930 г.; его тираж (как и следующего выпуска) составил 15 тыс. экземпляров⁸. Важно учесть, что в этот момент коммунисты еще не были сколько-нибудь влиятельной силой в рамках левого лагеря. Напротив, как писал член Исполкома Коминтерна швейцарец Жюль Эмбер-Дро, «...партия жила в состоянии абсолютной пассивности и не рисковала выйти на свет божий» [18].

В период нахождения у власти преемника Примо де Риверы генерала Дамасо Беренгера (1930—1931 гг.) наблюдалось относительное смягчение методов госуправления (его режим получил неофициальное название *Dictadura Blanda* — «мягкая диктатура»). Несмотря на это, третий номер *Mundo Obrero* не вышел в свет: полицейские разгромили типографию, уничтожили печатные формы и разорвали готовые экземпляры газеты, пригрозив издателю тюремным сроком.

Второе рождение *Mundo Obrero* состоялось уже 14 ноября 1931 г., после провозглашения Второй республики. Издателем стал проживавший в Испании перуанский журналист и политик Сесар Фалькон. Поскольку газета являлась не только официальным органом *PCE*, но и испанским рупором Коминтерна, руководство СССР вплоть до середины 1930-х годов рассматривало ее как важный инструмент воздействия на авангард европейского пролетариата. Закономерно, что редакция получала финансирование из Москвы; тем не менее нехватка денежных средств стала одной из ключевых проблем, которая носила перманентный характер. Чтобы осуществить переход с еженедельного выпуска на ежедневный (это произошло в январе 1932 г.), руководство компартии призывало сторонников советского социализма подписываться на газету, собирало пожертвования во время митингов и других мероприятий⁹.

Активный участник испанского левого движения, писатель и журналист Виктор Альба приводит в книге «Коммунистическая партия в Испании»

⁸ Впоследствии, до середины 1930-х годов, тираж не превышал 10 тыс. экземпляров.

⁹ Каждый член компартии обязан был приобрести как минимум два экземпляра газеты.

интересный эпизод: кто-то из членов партии принял небольшие пожертвования от социалиста Фернандо де лос Риоса и от убежденного монархиста, бывшего премьера Габино Бугайяла. Вероятно, такой жест можно было интерпретировать как издевку. Во всяком случае, известно, что после появления этих двух фамилий в списке благотворителей комитет *PCE* в Мадриде вернул полученные деньги, предав скандальный случай огласке на страницах *Mundo Obrero* [19, p. 115]. И если монархисты априори являются идейными противниками левых, то социалисты рассматривались компартией как враги в строгом соответствии с официальной политикой Коминтерна, налагавшей запрет на сотрудничество с другими социал-демократическими силами. Эта установка, послужившая причиной раздробленности левого лагеря, будет сохраняться вплоть до лета 1935 г., когда VII Конгресс Коминтерна выдвинет концепцию Народного фронта, призывая демократические партии сплотиться для противостояния фашизму.

MUNDO OBRERO — «КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР» ЛЕВЫХ СИЛ

В начале Гражданской войны 1936—1939 гг. *Mundo Obrero* оказалась в эпицентре политической жизни и завоевала по-настоящему высокий авторитет среди населения. До этого, в условиях буржуазной республики, газета испытывала трудности и неоднократно закрывалась по распоряжению властей: и правительство левоцентриста Мануэля Асаньи (1936—1939 гг.), и кабинет Алахандро Лерруса (1933—1935 гг.) (годы его пребывания у власти вошли в историографию как «черное двухлетие») видели в коммунистической прессе угрозу. Редакционный коллектив был вынужден многократно менять название газеты, чтобы обеспечивать ее выпуск: исследователь Антонио Пласа Пласа в числе «клонов» печатного органа *PCE* в период с сентября 1930 г. по январь 1936 г. называет газеты *Mundo Proletario*, *Bandera Roja*, *Mundo Rojo*, *La Palabra*, *Frente Rojo*, а также ежедневную *El Pueblo* и еженедельную *Pueblo*.

Важной темой внутренней повестки *Mundo Obrero* было положение испанского крестьянства и пролетариата; с 1933 г. в фокусе внимания оказались обострившиеся разногласия коммунистов и других левых сил с правительством Асаньи, действия которого становились все более реакционными и расценивались как предательство завоеваний Республики. В публикациях того периода критиковались изменения трудового законодательства и открытая борьба правительства против забастовок рабочих. Страшным событием, которое свидетельствовало о кризисе режима, стала жестокая расправа над анархистами, которые вышли на демонстрацию в местечке Касас Вьехас в январе 1933 г. Газета гневно отреагировала на это событие и заявила, что в скором будущем рабочим и крестьянам нужно будет защищать себя организованно и с оружием в руках. Публицист Франсиско Галан констатировал: «Оппозиция ожесточенно воюет с правительством <...> которое желает отвлечь внимание народа, сосредоточенное на власти республиканцев-социалистов и на режиме террора, на менее значимые фигуры. Оно хочет направить ненависть жаждущих справедливости рабочих и крестьян исключительно на капитана Рохаса, послушного наемника властей. Парламентская оппозиция ничего не добьется тем путем, которым она идет. У нас уже есть богатый опыт такого рода происшествий. <...> В каждой испанской провинции есть свои Касас Вьехас» [20].

Когда победивший на выборах Народный фронт вступил в вооруженный конфликт с армией Франко, крайне правым профашистским силам

оказывал поддержку Третий Рейх¹⁰. Для координируемых Советским Союзом испанских коммунистов — в отличие от лидеров более радикальной *POUM* — эта война носила не столько идеологический, сколько национально-освободительный характер. В таких условиях печатный орган испанской компартии оказался «коллективным организатором», усилия которого были направлены на объединение всех антифашистских политических групп, включая не только социалистов и умеренных республиканцев, но и анархистов. В дни наступления франкистов на Мадрид в сентябре 1936 г. журналисты *Mundo Obrero* особенно активно призывали забыть о политических разногласиях. Газета выпустила специальный манифест о защите столицы Испании, который сразу же был перепечатан всеми газетами, за исключением *El Socialista*. Манифест содержал взятый у французского премьера Жоржа Клемансо лозунг «*faire la guerre*» (буквально — «делать войну»), который вскоре стал появляться в заголовках статей с практическими рекомендациями: как надо обороняться во время атак, как должны действовать партизаны и т.д.

Несмотря на тактические уступки, у коммунистов возникли препятствия в достижении единства в левом лагере. С одной стороны, регулярное вмешательство Коминтерна и советских спецслужб во внутренние дела Испании воспринималось многими левыми крайне негативно. Коммунисты в составе республиканского правительства добивались максимальной централизации военной и политической власти; стремление контролировать политический процесс в регионах привело в мае 1937 г. к вооруженному конфликту с левыми марксистами Каталонии, который закончился разгромом партии *POUM*. С другой стороны, неверно обвинять в усугублении раскола исключительно *PCE*, поскольку у всех левых партий и группировок были собственные амбиции. Весной 1937 г. группа организаций левого толка развязала в прессе антикоммунистическую травлю, яростно критикуя *Mundo Obrero* и обвиняя компартию в желании узурпировать власть [21, р. 259]. Важную роль в этом процессе играла газета социалистов Валенсии *Adelante*; позже к ней примкнуло еще несколько социалистических и анархистских газет, среди них *Castilla libre*, мадридская *Claridad* и барселонская *Solidaridad obrera*. Если республиканцы не сумели преодолеть противоречия, де-факто инициировав еще одну войну внутри гражданской, то правые силы, напротив, демонстрировали высокую степень сплоченности. 1 апреля 1939 г. республика пала, и власть в стране перешла к генералиссимусу Франко.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АДАПТАЦИЯ К РЕАЛИЯМ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

После перерыва, с зимы 1946 г., *Mundo Obrero* выходит в Тулузе (Франция), с подзаголовком «Бюллетень Коммунистической партии Испании во Франции». Заслуживает внимания номер от 16 февраля, содержание которого весьма показательно для начала «эмигрантского периода» газеты.

На первой полосе размещены тексты о выдающихся лидерах партии — Хосе Диасе (материал посвящен его памяти) и Долорес Ибаррури. Там же появилась статья — очевидно, редакционная — с анализом политической

¹⁰ Испанские республиканцы тоже сражались при поддержке нескольких дружественных государств, в первую очередь Советского Союза. Интербригады, как и следует из их названия, были многонациональными по своему составу.

ситуации в Испании и с призывами объединять народные усилия в борьбе с франкизмом (лейтмотив всего номера, а также целого ряда последующих). Материал, приуроченный к 10-й годовщине образования Народного фронта, подписан именем автора — Луис Кабо Гиорла. В целом это не было характерно для *Mundo Obrero*, т.к. вплоть до середины 60-х годов большинство текстов печаталось анонимно. Судя по содержанию выпуска, монархия в 1946 г. все же не рассматривалась испанскими коммунистами как приемлемый вариант государственного устройства: автор редакционной статьи утверждает, что силы реакции «...пытаются навязать Испании монархию и другие антидемократические варианты, идущие вразрез с волей народа» (тот же тезис отражен в заголовке статьи на второй полосе) [22]. Пройдет еще три десятилетия, и руководство партии в лице генерального секретаря Сантьяго Каррильо согласится на исторический компромисс, признавая власть короля Хуана Карлоса I и жертвуя одним из принципиальных аспектов идентичности коммуниста [23]. Очевидно, что в начале 1946 г. авторы *Mundo Obrero* — которые, в соответствии с традицией партийной печати, были членами партии — явно не исключали вероятность свержения диктатуры, поскольку в статьях констатируется «обострение кризиса» франкистского режима; на последней полосе также помещен текст резолюции ООН, осудившей Франко. Уже спустя считанные месяцы испанцам, равно как и всему мировому сообществу, окончательно станет ясно, что франкизм сохранит легитимность с молчаливого согласия западных держав — прежде всего Великобритании и США, заинтересованных в стабильном антикоммунистическом государстве на юге Европы¹¹. Гневная статья «Я обвиняю» (рассуждения заключенного Рамона Фернандеса о кровавом наследии фашизма и «гитлеровских лакеях» в Испании), видимо, содержит умышленную аллюзию на знаменитый текст Эмиля Золя, опубликованный в свое время под таким же заголовком.

Третья полоса газеты в основном была посвящена забастовкам в разных регионах Испании (в первые послевоенные годы благодаря мобилизационной функции *Mundo Obrero* бастовали сотни трудящихся). Последнюю четвертую полосу почти целиком занимает стенограмма выступления И.В.Сталина с подведением итогов Второй мировой войны.

Важно иметь в виду, что, несмотря на роспуск Коминтерна в 1943 г., *PCE* продолжала поддерживать тесные отношения с Москвой. Не имея достаточных рычагов воздействия на укрепившееся франкистское государство, *Mundo Obrero* в течение 1950-х годов (и позже) призывала левую эмиграцию проводить акции с осуждением франкистского режима, влияя тем самым на мировое сообщество. На долгие годы одним из ключевых трендов политической риторики стал антиамериканизм: так, Д.Ибаррури в статье «Североамериканская помощь не спасет франкизм» подробно излагает позицию компартии относительно иностранных кредитов и антинародного характера Мадридских соглашений 1953 г.: «Народ ненавидит франкистский режим <...>. Подпись Франко под позорным договором, который превращает Испанию в американскую колонию, — это его, и только его подпись. Народ не поддерживает это соглашение; воля рабочих, крестьян, интеллигенции и среднего класса крепнет и будет крепнуть с каждым днем, несмотря на цензуру и террор» [25].

¹¹ Тема франкизма в контексте международных отношений неоднократно становилась предметом исследования отечественных историков и политологов. Подробнее о попытках СССР добиться международной изоляции Франко посредством механизмов ООН см. работу А.А.Сагомоняна «Испанский узел холодной войны» [24].

Обратим внимание на упоминание крестьян, интеллигенции и среднего класса: рабочие уже тогда рассматривались не в качестве единственной опоры партии, а в роли локомотива, ведущего за собой другие группы. Идеологический крен к центру и политика союзов с далекими от коммунизма организациями стали очевидным фактом, который отражался в *Mundo Obrero* задолго до его формализации в соответствующих документах. В программе, принятой на V съезде *PCE* в ноябре 1954 г. и опубликованной в специальном номере, предельно конкретно было сформулировано то, о чем Д.Ибаррури говорила и прежде: настоящая дилемма — не «франкизм или коммунизм», а «...фашистская тирания или демократия, вассальное положение Испании или национальная независимость, война или мир» [26]. Заметим, что сама концепция так называемого национального воссоединения, окончательно утвердившаяся к середине 1950-х годов¹², является естественным продолжением общедемократического дискурса Народного фронта 1930-х годов — правда, отличается еще большей гибкостью (или беспринципностью, как полагали ультралевые), так как допускает временную кооперацию с монархическими кругами¹³.

Менталитет, который сложился в годы гражданской войны, играл решающую роль даже после окончания военного конфликта. С одной стороны, в программе, как и в статьях *Mundo Obrero*, по-прежнему провозглашалась верность идеям марксизма-ленинизма, а также строительство социализма как стратегическая цель партии. С другой стороны, реалии, диктовавшие свои условия, уже готовили почву для постепенного отказа от фундаментальных принципов коммунистической идеологии, а затем и к переходу на позиции еврокоммунизма. Давно назревавший раскол усугубился после 1968 г. (ввод войск Организации Варшавского договора в Чехословакию), когда симпатизировавшее Александру Дубчеку руководство *PCE* выбрало антисоветский курс. Вскоре вышедшие из партии ортодоксальные коммунисты стали транслировать свои взгляды в газете *Mundo Obrero Rojo*, заголовок которой печатался красным, а не черным цветом. Для редакционного коллектива «диссидентского» печатного органа ориентиром по-прежнему был СССР, а ленинизм сохранял актуальность. Подчеркнем, что сам факт раскола и появления «альтернативной» газеты *Mundo Obrero* говорит о недостаточном уровне плюрализма в партийной печати того времени. И если сегодня издание *PCE* предоставляет журналистам и колумнистам площадку для выражения разных точек зрения (разумеется, не выходящих за рамки левой идеологии), то *Mundo Obrero* эпохи С.Каррильо (1960—1982 гг.) представляла собой идеологический монолит. Характерный для многих компартий принцип демократического централизма, при котором меньшинство подчиняется мнению большинства, зеркально отображался в газете.

¹² Исследователи, опираясь на документы, в качестве переломного момента обычно указывают 1956 г. См. например: Rueda Lafford J.C. [27]

¹³ Чтобы убедиться в изначальной готовности партии идти на уступки и поставить во главу угла именно антифашизм, достаточно обратить внимание на отрывок из опубликованного на сайте газеты официального документа, где разъяснялась суть внутривнутриполитической обстановки в июле 1936 г.: «...мы, коммунисты, защищаем режим свободы и демократии в одном ряду с республиканцами, социалистами и анархистами. Мы не допустим, чтобы Испания двинулась назад и повернулась спиной к прогрессу. Мы <...> приспосабливаем нашу политику к потребностям момента, в котором живет наш народ» [28].

Испанская левая пресса XX в. прошла долгий путь развития, первая половина которого пришлась на годы политической нестабильности и двух диктаторских режимов. Ориентируясь на общеевропейскую практику оппозиционных медиа и одновременно впитывая идеологический опыт русской революции, периодические издания левого толка сыграли важную роль в поддержке оппозиционных настроений и веры в возможность сопротивления диктатуре. Из всех коммунистических газет сильнее всего на общество влияла *Mundo Obrero*, десятилетиями готовившая почву для последующего демонтажа франкистской системы. Дискурс газеты менялся в зависимости от политических целей компартии (мобилизующая риторика уступала место аналитической и более нейтральной), при этом его постоянной чертой была ориентация на единство демократических сил, верность политике Народного фронта (менявшей свою форму, но не смысл). Постепенный переход на позиции так называемого еврокоммунизма отразился на страницах печати и открыл новый этап в идеологической самопрезентации *PCE*, преодоленный лишь в последнее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. González De Andrés E. Mundo Obrero como portavoz del PCE (1973—1977). El retrato de Dorian Gray. *Coetánea: III Congreso Internacional de Historia de Nuestro Tiempo*, 2012. Pp. 321-322. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4052248> (accessed 20.10.2021).
2. Plaza Plaza A. Literatura y propaganda política en torno a la revolución de octubre de 1934: Manuel Navarro Ballesteros y Sangre de octubre UHP. *Cultura de la República. Revista de Análisis Crítico*. Madrid, 2018, Vol. 2, Pp. 35-63.
3. López Hernández M.T. Relaciones de género y medios de comunicación comunistas: Gaceta y Mundo Obrero (1970-1982). Tesis doctoral. Salamanca, 2007, 472 p.
4. Hernández Nieto M. El antifranquismo ante el fenómeno ETA en la prensa española de los años setenta. Tesis doctoral. Madrid: UNED, 2011, 671 p.
5. Пашков Г.Н. Средства массовой информации в системе идеологических институтов франкистской Испании (1939-1956 гг.). Дис. канд. филол. наук. М., 1977, 204 с. [Pashkov G.N. Sredstva massovoj informacii v sisteme ideologicheskikh institutov frankistskoj Ispanii (1939-1956 gg.) Dis. kand. filol. nauk. [Mass media in the system of ideological institutions of Francoist Spain (1939-1956). PhD diss. phil.]. Moscow, 1977, 204 p.
6. Чернышева О.В. Фронтальная республиканская печать периода Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.: на примере газеты «Милисия популар». Дис. канд. филол. наук. М., 2006, 206 с. [Chernysheva O.V. Frontovaja respublikanskaja pechat' perioda Grazhdanskoj vojny v Ispanii 1936-1939 gg.: na primere gazety «Milisia popular». Dis. kand. filol. nauk. [Front-line republican press of the period of the Spanish Civil War 1936-1939: example of the newspaper "Milicia popular" PhD diss. phil.]. Moscow, 2006, 206 p.
7. Орлова Л.В. Газета «Эль Паис» (El País) в системе испанской ежедневной прессы и ее роль в формировании общественного мнения по вопросу принадлежности Испании к НАТО (1975—1983 гг.). Дисс. канд. филол. наук. М., 1983, 177 с. [Orlova L.B. Gazeta «El País» (El País) v sisteme ispanskoj ezhdnevnoj pressy i ejo rol' v formirovanii obshhestvennogo mnenija po voprosu prinadlezhnosti Ispanii k NATO (1975-1983 gg.). Diss. kand. filol. nauk. [The newspaper "El Pais" (El País) in the system of the Spanish daily press and its role in shaping public opinion on the question of Spain's membership in NATO (1975—1983). PhD diss. phil.]. Moscow, 1983, 177 p.
8. Паисова А.А. Роль газеты «Эль Паис» в современных медиапроцессах Испании (информационная политика в 1996—2004 гг.). Дис. канд. филол. наук. М., 2005, 203 с. [Paisova A.A. Rol' gazety «El Pais» v sovremennyh mediaprocessah Ispanii (informacionnaja politika v

1996-2004 гг.). Dis. kand. filol. nauk. [The role of the newspaper "El Pais" in modern media processes in Spain (information policy in 1996—2004). PhD diss. phil.]. Moscow, 2005, 203 p.

9. Высоков Ю.В. Роль журнала «Камбио 16» в развитии демократической печати и гражданского общества в Испании в 70-е годы XX в. Дис. канд. филол. наук. М., 2012, 171 с. [Vysokov Ju.V. Rol' zhurnala «Kambio 16» v razvitii demokraticheskoy pechati i grazhdanskogo obshchestva v Ispanii v 70-e gody XX v. Dis. kand. filol. nauk. [The role of the magazine "Cambio 16" in the development of the democratic press and civil society in Spain in the 70s of the XX century. PhD diss. phil.]. Moscow, 2012, 171 p.

10. История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. Институт всеобщей истории РАН. М., Индрик, 2014, 872 с. [Istorija Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka. Institut vseobshhej istorii RAN. [History of Spain. Volume 2. From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century. Institute of World History RAS] Moscow, Indrik, 2014, 872 p.

11. Claret Serra A. Prensa clandestina y del exilio bajo el franquismo. *Exposición conmemorativa del 90 aniversario de la Asociación de la prensa de Madrid*. Madrid, Ministerio de Cultura, 1986, Pp. 28-35.

12. Rubira León A. Marxismo y estalinismo en la acción política de la Segunda República Española 1931-1936. Teoría y práctica. Tesis doctoral. UNED, Madrid, 2015, 406 p.

13. Дамье В.В. Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании. М., Ленанд, 2018, 482 с. [Dam'e V.V. Anarkho-sindikalizm i revolyutsionnoe dvizhenie v Ispanii. [Anarcho-syndicalism and the revolutionary movement in Spain]. Moscow, Lenand, 2018, 482 p.

14. Шубин А.В. Великая испанская революция 1931—1939 гг. М., Академический проект, 2019, 594 с. [Shubin A.V. Velikaya ispanskaya revolyutsiya 1931-1939 gg. [The Great Spanish Revolution 1931—1939]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2019, 594 p.

15. Пожарская С.П. От 18 июля 1936 — долгий путь. М., Молодая гвардия, 1977, 176 с. [Pozharskaya S.P. Ot 18 iyulya 1936 — dolgii put'. [From July 18, 1936 it's a long way.] Moscow, Molodaya gvardiya, 1977, 176 p.

16. Andrade J. Transcripción de una conferencia dictada por el autor el 25 de mayo de 1966 en Paris. Edición castellana publicada por Editorial Fontamara, 1979. Available at: <https://web.archive.org/web/20150909230926/http://www.fundanin.org/andrade12.htm> (accessed 30.07.2022)

17. Padilla Bolívar, A. El movimiento comunista español. Barcelona, Planeta, 1979, 324 p.

18. Мещеряков М.Т. Коммунистическая партия Испании и Коминтерн. [Meshcheryakov M.T. Kommunisticheskaya partiya Ispanii i Komintern. [Communist Party of Spain and the Comintern]. Available at: <https://rabkrin.org/meshcheryakov-m-t-kommunisticheskaya-partiya-ispanii-i-komintern-1991-statya/> (accessed 16.09.2022)

19. Alba, V. The Communist Party in Spain. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1983, 475 p.

20. Galan F. Se busca un responsable del crimen de Casas Viejas. *Mundo Obrero*, Madrid, 09.III.1933, p. 1.

21. Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., Наука, 2001, 528 с. [Komintern i grazhdanskaya voina v Ispanii. Dokumenty. [The Comintern and the Spanish Civil War. The documents]. Moscow, Nauka, 2001, 528 p.

22. Ante las maniobras para imponer una monarquía al pueblo español. *Mundo Obrero*, Toulouse, 16.II.1946, Pp. 1-2.

23. Верников В.Л. Полет и падение короля Хуана Карлоса I. *Современная Европа*. 2021, № 2, сс. 135–146. [Vernikov V.L. Polet i padenie korolya Khuana Karlosa I. [The flight and fall of King Juan Carlos I]. *Sovremennaya Evropa*, 2021, N 2, pp. 135–146.

24. Сагомонян А.А. Испанский узел «холодной войны»: Великие державы и режим Франко в 1945-1948 гг. М.: РОССПЭН, 270 с. [Sagomonyan A.A. Ispanskii uzel «kholodnoi voiny»: Velikie derzhavy i rezhim Franko v 1945-1948 gg. [The Spanish Knot of the Cold War: The Great Powers and the Franco Regime 1945-1948] Moscow, ROSSPEN, 270 p.

25. Ibarruri D. La ayuda norteamericana no salvará al franquismo. *Mundo Obrero*, Madrid, 15.V.1954. Pp. 1-2.
26. Programa del PCE <...>. *Mundo Obrero*, XI.1954 (Numero extraordinario), pp. 1-8.
27. Rueda Lafford J.C. ¿Un pasado que no cesa? Discurso patrimonial y memoria pública comunista en el franquismo y la transición española. *Revista de Estudios Sociales*, 2013, pp. 12-24. Available at: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/7949> (accessed 20.01.2022).
28. Sanz Hoya J. Defendemos un régimen de libertad y de democracia. La posición del PCE ante el estallido de la guerra civil española. *Mundo Obrero*. Available at: <https://www.mundoobrero.es/pl.php?id=10576> (accessed 25.10.2022).

Anna A. Paisova (apaisova@gmail.com)
Ph.D (Philology), Senior Research Scientist, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya st., 9, 125009 Moscow, Russian Federation

Alexey O. Bodyashkin (alexey.b-vlg@mail.ru)
Postgraduate student, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya st., 9, 125009 Moscow, Russian Federation

Development of leftist media in the Spanish political context of XX century

Abstract. This article presents an analysis of the step-by-step process of the formation of the Spanish left-wing press under conditions of state persecution. The appearance of *Mundo Obrero*, the most influential newspaper during the Civil War, was the culmination of that process. The authors offer their own classification of the Spanish leftist media of the first half of the 20th century and formulate the main trends in the political discourse of *Mundo Obrero* from the 1930s to the 1950s, determined by the domestic and foreign political context of the era.

Key words: Spain, press, left, party journalism, media, XX century.

DOI: 10.31857/S0044748X0022873-9

Received February 3, 2002

ИСТОРИЯ

Manuel Loyola Tapia

Función editorial y proyecto político en la izquierda chilena del siglo XX

El caso de la Editorial Austral

Resumen: Desde una perspectiva de análisis preferentemente cualitativa basada en diversas fuentes impresas primarias y secundarias, este trabajo se interroga por las características temáticas que modelaron la actuación editorial del sello Austral en el transcurso de sus años de existencia (1946—1973). Impulsada y mantenida por el Partido Comunista de Chile, estudiar esta experiencia editorial nos abre a la comprensión de cómo, en el plano de la historia editorial y del libro que nos corresponde, se posicionó la producción bibliográfica auspiciada por este partido, actividad que hubo de realizarse dentro de la variedad de ofertas discursivas que, no sin pugna, articularon la esfera ideológica del país de mediados del siglo XX. Postulamos que, respondiendo plenamente a los contornos conceptuales que modelaron su actuación, Austral sirvió de mecanismo difusor de un bricolaje ideológico de pretensiones autosuficientes y, por lo mismo, prescindente, circunstancias que determinarían tanto el acotado tamaño de su presencia editorial, como su rol funcional al discurso social comunista del siglo XX.

Palabras clave: Partido Comunista de Chile, Editorial Austral, Chile, siglo XX, libros políticos, hegemonía discursiva, intelectualidad comunista.

Мануэль Лойола Тапиа

Издательская функция и политический проект чилийских левых в XX веке

На примере Издательства «Austral»

Данная статья, опираясь на различные источники, анализирует с качественной точки зрения тематику созданного Компартией Чили издательства «Austral» в период его существования (1946—1973). Изучение данного издательского опыта по-

Manuel Loyola Tapia — Dr. en Estudios Americanos, académico de la Universidad Finis Terrae, Chile (mloyola@uft.cl, <https://orcid.org/0000-0002-2580-8271>)

может нам лучше понять уже в исторической перспективе, каким образом осуществлялась партией эта деятельность в контексте развития и борьбы различных идеологий в середине XX в. В результате проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что «Austral», строго придерживаясь концептуальных постулатов, одновременно отражало и многочисленные идеологические концепции иного характера, что, собственно, определило ее значимое положение в издательской деятельности в целом и функциональную роль в распространении коммунистического дискурса в чилийском обществе XX века.

Ключевые слова: Компартия Чили, издательство «Austral», Чили, XX век, политические книги, гегемония мысли, коммунистическая интеллигенция.

DOI: 10.31857/S0044748X0022871-7

Статья поступила в редакцию 10.05.2022.

INTRODUCCIÓN

En su importante obra sobre la historia del libro en Chile [1]; [2], Bernardo Subercaseaux nos proporciona un conjunto de hitos básicos del despliegue de iniciativas — por lo común, privadas — que han jalonado la actividad editorial librera en nuestro medio. Siendo una referencia ineludible al momento de emprender estudios sobre el quehacer intelectual que siempre importa una iniciativa editorial, la contribución del citado autor también nos refleja otro dato no menos ostensible, a saber, la baja atención historiográfica que, hasta el momento, se ha brindado al campo de la producción y distribución de libros en Chile. En efecto, en comparación con otras áreas de la actividad editorial como, por ejemplo, las revistas o la prensa escrita, es claro que aún no contamos entre nosotros con un acervo relevante de trabajos que aborden los distintos ejes involucrados en la tarea del texto impreso, sean estos de índole autoral, impresora, organizacional, ideológica, lectora o empresarial. Un simple vistazo por internet o en catálogos en línea de bibliotecas y revistas especializadas, nos deja muy en claro la muy poca atención que todavía historiadoras e historiadores han proporcionado al ámbito del libro y su presencia pública.

Entre las muchas ausencias que persisten en nuestra historia editorial, las vinculadas a los esfuerzos impresores de libros y folletos emprendidos por las organizaciones políticas del siglo XX, son una arista de notorio interés, así como lo fue también lo hecho por las confesiones religiosas desde inicios del siglo pasado. Desarrollar investigaciones historiográficas más abundantes y circunstanciadas adscritas a las numerosas voces que pugnaron por incidir en el nascente espacio público chileno de comienzos de la pasada centuria, no sólo importaría una comprensión más acabada de nuestro pasado cultural y político, sino, a la vez, un avance en asuntos teóricos y metodológicos de aporte de la historia de la comunicación social a la disciplina historiográfica en general [3]¹.

Мануэль Лойола Таппа — доктор наук (Американские исследования), профессор Университета Finis Terrae, Чили (mloyola@uft.cl, <https://orcid.org/0000-0002-2580-8271>).

¹ Una interesante y muy bien documentada contribución a este fin es el reciente artículo de Alfonso Salgado Muñoz y Joaquín Fernández Abara, “El Partido Socialista y Prensa Latina: gestión económica y conflicto político en una editorial chilena (1954-1973)”. No coincidimos, en todo caso, con su aserto de que la historia del libro en Chile sea un área en expansión. Lo realizado aún es poco y afincado, en su mayor parte, en varios trabajos sobre la experiencia editorial de una sola editorial (Quimantú). Ciertamente que esperamos que este panorama efectivamente se incremente.

Nos proponemos en esta ocasión dar a conocer las características temáticas principales que revistió un emprendimiento editorial en nuestro medio: el relacionado con la labor ejecutada por el sello editorial Austral entre 1946 y 1973². Continuator de un quehacer impresor distintivo desarrollado por el comunismo chileno desde los años del Partido Obrero Socialista liderado por Luis Emilio Recabarren, Austral tuvo, en materia de libros y folletos, el antecedente inmediato de la editorial Antares³ en el transcurso de la década de 1930, instancia desde la cual no sólo se logró disponer de un breve catálogo propio de obras literarias y de folletería ideológica, sino, también, de la oportunidad de ir creando una

cierta experiencia respecto del “negocio librero”, tanto del medio nacional, como a través de los contactos — no siempre fluidos — con producciones editoriales vinculadas a las estructuras regionales de la Tercera Internacional (IC), en especial de las provenientes de México, España o Argentina [4].

Ahora bien, no siendo nunca un ámbito comercialmente rentable (ni siquiera autosustentable), la puesta en marcha de acciones de difusión editorial respondió, en el Partido Comunista chileno, a una constante de base ilustrada sustentada y practicada por esta organización — y de otros partidos comunistas del orbe — en tanto forma *sine qua non* de construcción de influencia en una opinión pública que, más allá de la minoría de convencidos, estaba siempre en constante disputa. A este propósito de acrecentar sensibilidades y voluntades en favor de las definiciones políticas propias o, si se prefiere, de impedir que amplios sectores de la sociedad — en especial, de base popular — fueran objeto del tradicional engaño y alienación, es que había entonces que seguir impulsando, a la par con las habituales acciones propagandísticas, dispositivos variados de intervención en la lucha por el espacio público. Estos, siguiendo las tendencias y usos técnicos prevalecientes en la comunicación de masas, fueron principalmente impresos, no obstante, no debemos omitir la temprana aparición

² Como se indicó en el resumen de este escrito, nuestra labor aquí será eminentemente cualitativa respecto de la producción bibliográfica de Austral, esto es, sobre los temas, autores y tendencias conceptuales que esta producción implicó. Por lo mismo, en nuestro desarrollo no habrá referencias sobre un cúmulo de datos de importancia que esperamos ir dando a conocer en nuevas entregas. Así, por ejemplo, no estamos por ahora en condiciones de informar acerca del capital social inicial de la empresa, los aportes y aportantes, la conformación de la dirección y gerencia, la evolución y cambios que estos aspectos experimentaron en el tiempo. Tampoco aludiremos sobre cómo se elegían los títulos y autores a publicar, los tirajes, mecanismos de distribución y retornos financieros.

³ Debemos dejar constancia que Antares no fue la única experiencia previa. Entre varias — no todas de importancia — la de mayor relevancia fue DIAP (Distribuidora Iberoamericana de Publicaciones) que, si bien contó con la participación de militantes comunistas, no fue un proyecto propiamente local, respondiendo en general a orientaciones de la IC. La historia de DIAP está aún por abordarse. Su presencia en Chile data de finales de la década de los 30 hasta mediados de los años 40.

de otros recursos tecnológicos que también serían puestos al servicio del mensaje ideológico, como serían el cine, la radio y, más tarde, la televisión⁴.

Pero no únicamente la lucha política y electoral inmediatas, y su correlativa denuncia de la explotación oligárquicas fueron motivo de la publicidad comunista. Tanto o más necesaria a su estrategia comunicacional, fue el afán por instruir, educar, formar conciencias y ofrecer nuevas alternativas de mundo a una audiencia que se concibió como relativamente culta o con algún nivel de instrucción formal y adscrita a la modernidad urbano-popular. En efecto, en particular si ponemos nuestra atención en los temas y autorías de los libros hechos por Austral, vemos que ellos denotaron propuestas que, si bien nunca escaparon del canon o la ortodoxia, pretendieron aportar nuevas miradas y nuevos valores literarios y de comprensión histórico-social, en una clara perspectiva de proselitismo ilustrado. De esta suerte, es perceptible ver en Austral el intento de aparecer como una editorial que, sin ocultar responder a una determinada cosmovisión ideológica y, en coherencia con ella, se propuso jugar un rol de difusión en nuestro medio, de lo que sus directivos estimaron como significativo de la cultura y el discurso social comunista (nacional e internacional) de mediados del siglo XX.

LA EDITORIAL Y SUS LIBROS

Son muy escasos los datos institucionales que disponemos hasta ahora de Austral. Sabemos que al parecer se creó el 7 de junio de 1946 en la sede el Partido Comunista (Moneda con Mac-Iver). De acuerdo con la invitación cursada por Ricardo Fonseca (a la sazón, Secretario General del Partido) para formar dicha empresa (de responsabilidad limitada), los citados al evento fueron 15 personas, todas ellas representativas de la vida intelectual y política del PC⁵. A ellas se les pedía que asistieran llevando por escrito el mayor número posible de nombres de otros individuos a quienes ellos creyeran les podía interesar la iniciativa editorial. A todos se les convocaría para tener una “gran reunión” a la

⁴ La historiografía sobre el Partido Comunista chileno ha adquirido un claro ascenso en las últimas décadas, configurándose un área de estudios de interés para numerosos/as especialistas nacionales y extranjeros. A su vez, se ha hecho también presente una abundante producción de memorias y biografías de trayectorias partidarias que enriquecen, de igual modo, el panorama de apreciaciones e indagaciones. De esta manera, los temas y enfoques lentamente han ido diversificándose, de manera que, en el presente, no solo contamos con las más habituales perspectivas de análisis de los discursos y prácticas institucionales, sino, también, con propuestas sobre formas específicas de su cultura, liderazgos, roles y subjetividades. En esta mención, un ámbito que aún espera mayor tratamiento corresponde a la de la construcción y difusión del discurso social comunista con sus respectivas ramificaciones en aspectos tales como la noción de lucha ideológica, la prensa e intelectualidad partidaria, dispositivos y estrategias de comunicación, entre otros.

⁵ Además del propio Fonseca, a la cita estaban convocados/as Pablo Neruda, su esposa Delia del Carril, Miguel y Volodia Teitelboim, Carlos Contreras Labarca, Natalio Berman, René Ojeda, Américo Zorrilla, María Marchant, César Godoy Urrutia, Pascual Barraza, Santiago Flores, Max Noff, y una persona de la que sólo se dice su apellido: Osorio. Ver copia de la nota de invitación en <http://www.bncatalogo.cl/escritor/AE0000297.pdf>

semana siguiente en un lugar indicado como “nuevo local”, en Huérfanos 1133. Si efectivamente estas reuniones — y su finalidad — se llevaron a cabo, no ha quedado registro en la prensa partidaria⁶. Suponemos que probablemente sí por una alusión al aniversario número 14 de Austral aparecida en *El Siglo*, en 1960 [5, p. 8]. Otro antecedente que viene a favorecer este hecho es que la primera mención pública a la editorial correspondió a un aviso de novedades de libros de Lenin, Howard Selsam (filósofo marxista estadounidense) y de ensayistas comunistas franceses, aparecido en *El Siglo* en 22 de junio 1947, es decir, un año después de su fundación.

A falta de mayores informaciones sobre su organización inicial y posterior, es pertinente apuntar que el momento en que la editorial fue impulsada, correspondió a un tiempo de nuevas definiciones en la política nacional: al término de la Segunda Guerra Mundial, el prestigio de la URSS en el escenario internacional, y los buenos resultados electorales que venía obteniendo el partido desde el año anterior (1945), se sumaba un ambiente de creciente sospecha y tensiones entre el PC y sus aliados radicales y socialistas. Y si bien el apoyo comunista al triunfo de Gabriel González Videla en la elección presidencial de 1946 supuso una posibilidad de nuevos acuerdos, nada de ello tuvo lugar, incrementándose las diferencias que, a corto plazo, llevaron a la proscripción del comunismo y la plena vigencia de la lógica de la Guerra Fría [6]. En este clima, en especial por los signos que podían implicar una mayor incidencia pública del PCCh luego de finalizada la guerra mundial, es donde se ubica la puesta en marcha de la nueva editorial. A ello debemos sumar a lo menos dos datos específicos que pudieron haber alentado también la iniciativa: de un lado, la incorporación de varios intelectuales y artistas de nota a las filas del comunismo local, muchos de ellos “compañeros de ruta” del PC desde los tiempos de la intensa solidaridad con la causa republicana en la guerra civil española (1936—1939), además de su apoyo a los gobiernos de frente popular y, de otro, la desaparición final (en 1943) de las estructuras políticas y culturales cominternistas, realidad que suscitó la necesidad de dotarse de nuevos aparatos ideológicos con una relativa autonomía de gestión. En los hechos, el acercamiento (tácito o expreso) que numerosos representantes de la *intelligentsia*⁷ chilena verificaron en este período respecto del PC, fue el comienzo de una significativa relación que, en sus contornos más elocuentes,

⁶ Se consultó diario *El Siglo*, se consultó *Democracia*, *Solidaridad*, revista *Principios* y *Vistazo*.

⁷ Ocupamos la expresión *intelligentsia* (neologismo de origen ruso, transliterado al español como *inteliguentsia*) en calidad de símil de mayor alcance funcional que la noción corriente de intelectualidad. No obstante, en nuestro empleo, ambas categorías remiten a una misma realidad, a saber, de conjunto de individuos que crean, recrean, aplican y difunden creaciones y saberes de muy variada índole y uso en un conjunto social y/o societal. De este modo, nuestra acepción no sólo considera la vasta gama de científicos y profesionales con credenciales universitarias o con estudios superiores (cultura docta), sino, a la vez, representantes variados de la cultura popular, no docta o académica. Recurriendo a Gramsci, involucramos en *intelligentsia* a todos aquellos que pudieran realizar tareas conectivo-organizativas dentro de la sociedad civil. Al interior de este espacio, ciertamente se dan distintas clasificaciones, *status* y relevancias.

dará paso, desde mediados de los años 50, a la aparición de lo hemos llamado el corporativismo intelectual partidario. En tal perspectiva, Austral hubo de atender, al menos en parte, a las necesidades de visibilidad pública que este corporativismo demandó.

En el transcurso de los 27 años de vigencia de la editorial, hemos podido consignar la aparición de 122 títulos⁸, los cuales, desde el punto de vista de la frecuencia de aparición de los mismos, se distribuyeron de manera manifiestamente dispar en todo el período señalado⁹. Mientras en los años 50 se editaron 55 proyectos (45% del total), en los 60 estos sumaron 36 (29,5%). Por su parte, con pocos años de ejercicio, el decenio de los 70 acusó una tendencia de potencial superación de los lustros anteriores, con 29 libros publicados (23,8%). Una mirada de conjunto nos indica que la producción de 122 libros en casi tres décadas, dio cuenta de una labor editora débil, con un promedio general de 4,5 títulos por año. Con todo, estimamos que ello no sería del todo deficiente si traemos a colación que Austral fue un ejercicio editorial de impronta muy particular — se trató, recordemos, de una iniciativa anclada en una específica visión político-ideológica — realizado, además, en contextos lectores propios y externos bastante acotados. A la vez, el desempeño editor de nuestro sello se dio a la par con la constante aparición o afluencia de productos impresos más o menos afines, en especial de las áreas de la novela, la ideología y la propaganda. El origen de estos fue corrientemente extranjero con algunas salvedades de orden nacional¹⁰. La magnitud sin duda superior de esta oferta se reflejó en que ella dominó abiertamente el comercio librero del comunismo criollo en Santiago y provincias¹¹. En síntesis, dados estos condicionamientos, resulta plausible entender que los proyectos de publicación de Austral fuesen, por lo común, de un número bajo, verificándose, incluso, períodos prolongados sin nuevas ediciones.

⁸ Esta cantidad corresponde a los textos que efectivamente aparecieron bajo el sello Austral, es decir, no considera la presencia de otros libros y folletos que, compartiendo similitudes temáticas y autorales, vieron la luz sin este dato editorial. De igual modo debemos señalar que la cantidad de 122 títulos no incluyen los 2 del año 1947.

⁹ Para relación de títulos, autores y años de publicación, ver Anexo al final de este informe.

¹⁰ En el caso del fondo editorial comunista, los libros y revistas de producción soviética (y china, en los años 50) fueron los dominantes. En cuanto a la producción local, el dato más relevante a este respecto lo constituyó la aparición de la editorial del Partido Socialista *Prensa Latinoamericana* (Ver el citado trabajo de Alfonso Salgado y Fernández). En un plano ideopolítico diferente (social cristiano), también se debe considerar la destacada labor de Editorial del Pacífico. Con una participación menor en cuestiones político-ideológicas, corresponde citar también a Nascimento, Universitaria, Zig-Zag y Orbe. Sobre las editoriales extranjeras que por dinamismo y magnitud produjeron el doble efecto de cubrir más satisfactoriamente la demanda local por diversificación temática y autoral, además de coartar las posibilidades de crecimiento de las editoriales de los partidos de izquierdas, estuvieron Fondo de Cultura Económica, Ariel, Pueblos Unidos, Siglo XXI, Cartago y Lautaro. Un dato interesante a revelar sería dimensionar la notoria presencia de la edición soviética en Chile (libros, folletos y revistas) cuyos medios de colocación se ligaron expresamente a las provistas por el PC.

¹¹ El PC logró disponer de tres librerías en la capital, además de una red de distribución en varios puntos del país. Por ahora no contamos con información sobre la calidad y solvencia de estos mecanismos comerciales.

ALGUNAS CARACTERÍSTICAS DEL FONDO EDITORIAL DE AUSTRAL

Pero no es en la dimensión puramente cuantitativa donde podemos significar adecuadamente la trayectoria y rol de una editorial, menos aún tratándose una tan peculiar como Austral. Dijimos antes que ella fue parte del entramado corporativo intelectual que forjó el PC chileno desde los años 40 hasta el golpe militar de 1973. El carácter básico y permanente de esta corporatividad intelectual es que en ella cristalizó un determinado régimen de verdad (estético y discursivo) al que concurrirían las estructuras principales de la dirección partidaria y los talentos creativos y del saber de decenas de integrantes del mundo de la cultura docta y plebeya, todos mancomunadamente adheridos a la promesa de cambio, redención o justicia social atribuida al mundo proletario y popular y sus organizaciones. A la par con sus definiciones conceptuales y doctrinarias, este corporativismo echaría mano a variadas voces y expresiones que, de algún modo, incidirían, también de distinta forma, sobre las tendencias más generales de la sociedad de la época.

En tanto editorial comunista plenamente funcional a los objetivos de diseminación de la producción escrita de su corporativismo estético-intelectual, no agregamos nada relevante al constatar que prácticamente todos sus autores — vivos o muertos, chilenos o extranjeros — eran o habían sido comunistas o inspiradores de esta postura ideológica. En la misma perspectiva, un tercio de ellos fueron soviéticos, quienes aportaron principalmente obras de narrativa, ensayos y de divulgación científica. Su aparición fue particularmente abundante en los años 50 hasta inicios de los 60. Entre los nombres más recurrentes de estos se deben mencionar los de Máximo Gorki, Boris Polevoi, Nicolás Ostrovski, o Dimitri Furmanov, todos ellos destacados representantes del realismo socialista, cuya influencia no dejó de hacerse sentir en literatos chilenos — también publicados por Austral — tales como Edesio Alvarado, Manuel Guerrero, Diego Muñoz, Luis Enrique Délano¹².

A propósito de los chilenos, estos cubrieron un 45% de los autores de Austral (42 personas). De ellos, los más publicados fueron: el historiador Hernán Ramírez Necochea, el novelista L.E. Délano, el poeta Pablo Neruda, el filósofo Sergio Vuskovic, el político y escritor Volodia Teitelboim, el científico y ensayista Alejandro Lipschutz y el dirigente partidario Luis Corvalán. De entre los mismos y al margen de la figura sin paragón de Neruda, el autor con mayor impacto en la cultura académica del país fue Ramírez Necochea, relevante impulsor y exponente de la historiografía marxista chilena de mediados del siglo XX¹³. Su producción, por enfoque y método, se alejó, por cierto, de lo ofrecido

¹² Esta novelística, en especial la ruso-soviética, se contó entre los materiales de lectura de primer orden en la formación de varias generaciones de militantes comunistas locales de los años 50 y 60. En este mismo terreno, el autor chileno más sobresaliente fue L. E. Délano con su relato *La Base*. Aparecida en 1958, esta novela fue reimpresa en al menos 4 ocasiones hasta 1973. Otros títulos de él dados a conocer por Austral, fueron: *Puerto de fuego*, *El rumor de la batalla*, *Antología de la poesía social de Chile* (con Edmundo Palacios); *Cuba 66*; *El viento del rencor*.

¹³ Hasta 1973, Ramírez publicó tanto en Editorial Universitaria (Facultad de Filosofía y Educación) como en Austral. A través de esta última dio a conocer, en 1951, *La guerra civil de 1891*; en 1956, *Historia del Movimiento obrero en Chile*. Más tarde, *Historia del imperialismo en Chile* (1960, con reedición en 1970). En 1965, *Origen y formación del Partido Comunista de Chile y Los EEUU y América Latina*.

por Austral con los libros de Corvalán, Varas o Teitelboim quienes, sin embargo, a base de otros recursos estilísticos y narrativos (novela, memoria y biografía) no fueron menos efectivos en aportar a uno de los resultados más decisivos del corporativismo intelectual comunista, saber, dotarse y dotar a la organización partidaria, a sus soportes sociales y a la cultura política general del país, de una doxografía y un relato sobre el origen y misión de sí mismos. En esta dimensión, la materialidad histórica y rol de la clase trabajadora y sus organizaciones no sólo quedaron explicados y resaltados por la disciplina científico-historiográfica de Hernán Ramírez, sino también, por la vivencia y testimonio vital (ético-moral) de verdaderos hijos de esta clase (“combatientes ejemplares”) como eran los prisioneros de Pisagua (Teitelboim), el joven líder partidario (Fonseca, de Corvalán) o el aguerrido y siempre tenaz campesino de nuestra tierra (Chacón, de Varas)¹⁴.

Ahora bien, con Ramírez en su catálogo, despunta en la actividad editorial de Austral una cierta línea de arraigo universitario que se verá favorecida con la presencia de Lipschutz y del filósofo Sergio Vuskovic. Se trató de un desplazamiento que, si bien se mantuvo dentro del carácter endogámico de los autores de Austral, permitió el acercamiento de la entidad y su audiencia a asuntos político-sociales de orden nacional. En lo que tocó a Vuskovic, lo acogido por la editorial remitió fundamentalmente al debate doctrinario con las visiones del catolicismo social y político — léase, Democracia Cristiana y DESAL¹⁵ — cuyo reformismo en los 60, venía a desafiar el monopolio comunista — más simbólico que real — del habla social transformadora. La atención que el PC puso a este asunto fue considerable y se tradujo en numerosos escritos de prensa, de revistas y jornadas de opinión del IDIM [7]¹⁶.

Por su lado, la participación de Neruda en el catálogo de Austral sólo tuvo el lustre de su nombre, lo que probablemente pudo significar un buen retorno económico para la editorial. Lo editado del vate correspondió, mayormente, a compilaciones o reediciones de composiciones ya probadas en su éxito y popularidad, destacándose el poemario *Cantos de amor y de combate*, publicado con ocasión del Nobel en 1971.

De otra parte, en cuanto a la publicación de clásicos del marxismo, esto es, de textos de Marx, Engels o Lenin, esta línea estuvo marcada por tres signos básicos. Primero, por la baja frecuencia en la aparición de obras debidas a estos autores. Que así fuese, muy probablemente se debió a la combinación de factores, tales como, la persistencia de una demanda limitada de este tipo de productos; la mejor satisfacción de estas necesidades de lectura por parte de otras opciones editoriales (chilenas y extranjeras); la aclimatación de la audiencia de Austral a la habitual grafía comunista.

¹⁴ En un registro científico y académico similar al de Ramírez, la aparición de Lipschutz también debe tenerse en cuenta al momento de significar la construcción del sujeto popular y de cambio considerada por la intelligentsia comunista. Su atención sobre el ámbito indígena chileno y regional, no logró, sin embargo, modificar mayormente los criterios del clasismo dominantes.

¹⁵ Centro para el Desarrollo Económico y Social fundado en 1960 por el jesuita belga Roger Vekemans. Su principal propuesta teórica fue la de la Teoría de la Marginalidad.

¹⁶ Instituto de Investigaciones Marxistas puesto en marcha en 1967 por la intelectualidad comunista con patrocinio partidario.

Una segunda razón que posiblemente incidió en la poca edición de clásicos, tuvo que ver con la evidente tendencia editorial de priorizar por materiales de fácil comprensión y de extensión breve, como resultó en los casos del *Manifiesto Comunista* (Marx y Engels) o la *Enfermedad infantil de extremismo (o izquierdismo) en el comunismo* (Lenin), sin duda, los libelos de mayor promoción editorial por parte de Austral, con varias reimpresiones hasta 1973. De uso primordial para procesos de formación militante y de iniciación ideológica, estas dos obras estuvieron a la base de lo más sustancial del propedéutico marxista-leninista partidario. En específico, la segunda de las obras nombradas sirvió de socorrido pararrayos en la polémica con todo tipo tendencias disonantes en el ámbito de la izquierda¹⁷.

A esta disposición de contar con lecturas de contenido directo y masivo, respondió también la inclinación por reproducir manuales y exposiciones taxonómicas de las principales categorías analíticas del marxismo, como eran la historia, la economía, las clases sociales o la revolución. De autoría principalmente soviética, esta preferencia se hizo más ostensible en el catálogo editorial desde la medianía de los años 60, momento en que, a la vez, proliferan en la publicidad de las librerías del PC las revistas y variadas colecciones científicas y de propaganda de la URSS¹⁸. Contando con un lugar predilecto en esta tendencia editorial, la figura de Lenin, además de lo ya dicho, fue objeto principalmente de ediciones laudatorias y apologéticas, siendo estas más numerosas que las debidas a la propia pluma del dirigente soviético¹⁹. En los hechos, más que su propia palabra, lo que se pretendió fue hacer de él una figura de culto de apelación omnicomprendiva y hasta principal teórico del propio proceso político chileno [8]²⁰.

Pero este recuento no sería muy acertado si no advirtiéramos — como tercer elemento de caracterización — que, no obstante lo mencionado en cuanto al escaso número de obras de los clásicos y al predominio de los textos instruccionales en torno a ellos, hubo algunos esfuerzos que supusieron una tarea

¹⁷ Dejemos constancia del peso que este opúsculo de Lenin tuvo en la intelectualidad y la edición comunista, pues, con referencia a este, se produjeron o se dio cabida a varias producciones cuyo norte fue el mismo de debatir y contrarrestar las influencias de sectores revolucionarios no comunistas tenidos como antisoviéticos, extremistas, anarquistas, trotskistas o pequeñoburgueses. Así, de acuerdo a nuestro anexo, Austral produjo o reprodujo folletos tales como: *El problema yugoslavo*, *Socialismo y Comunismo*, *Mitología de la ultraizquierda*, *El antileninismo trotskista*, *Leninismo y socialismo*, *El revolucionarismo pequeñoburgués*, *Contra el trotskismo*, *El trotskismo al desnudo*. Indudablemente, el contexto de auge del conflicto político que sobrevino con la Unidad Popular y su gobierno, explica ampliamente lo dicho.

¹⁸ Para la importancia adquirida por la manualística, consúltese las obras de Mitropolski y Kuznetsov, Leontiev y Yajoy, Afanasief, Leo Figueres, Spirkin y Yajot, Garaudy, Bottigelli, Cogniot

¹⁹ VVAA, *Recuerdos sobre Lenin*; *Lenin, camarada y hombre*; VVAA *Lenin, gran teórico*; *Leninismo y socialismo*.

²⁰ Quizás si el texto paradigmático de interpretación, en clave leninista, del acceso de la Unidad Popular al gobierno en 1970, corresponda al trabajo del intelectual comunista Carlos Cerda *El Leninismo y Victoria Popular*, publicado en 1971 por Quimantú.

editorial menos rigidizada y cacofónica. Nos referimos a la publicación, en 1958, de *Dialéctica de la Naturaleza* (F.Engels) en traducción del inglés que la editorial presenta como propia y primera en idioma español²¹, y de los *Manuscritos económico-filosóficos de 1844*, de Carlos Marx, en 1960²².

No contamos con antecedentes que nos permitan sugerir las motivaciones que llevaron a la editorial a acometer, en el breve lapso de dos años, los trabajos de traducción y publicación de textos relativamente extensos (cerca de las 300 páginas cada uno) y de lectura nada sencilla. Tampoco tenemos claridad sobre el impacto que en nuestro medio académico y de público interesado tuvieron ambas ediciones. En subsidio de ello, sí podemos decir algo acerca del momento en que se produjeron ambas apariciones. Los años cercanos a la década de los 60 fue un período expectante para el comunismo mundial: a las iniciativas de desestalinización y de impulso de la coexistencia pacífica con Occidente promovidas por el ascenso de Jrushov a la dirección soviética, se sumaron los varios logros de la URSS en la incipiente carrera espacial con los EEUU, hechos que fortalecieron el prestigio internacional de Moscú. Internamente, la izquierda chilena, si bien derrotada en las elecciones presidenciales de 1958, experimentaba un ascenso público que la haría mirar con alguna confianza los retos de la política nacional. Súmese a ello la restitución, en 1958, de la legalidad al Partido Comunista, dejando atrás una década de proscripción oficial. En consecuencia, el panorama mostraba más de un signo positivo y de aliciente en virtud de los cuales bien podía caber el desarrollo de apuestas editoriales más novedosas. Pero como la excepción sólo confirma la regla, hemos de decir que lo perfilado con las traducciones recién citadas, no tuvo continuidad ni mucho menos vino a alterar los lugares comunes de la edición partidaria.

CAMINO DE VICTORIA

La homogeneidad o coherencia transdiscursiva observable en los libros de Austral alcanzó un punto muy nítido de expresión durante el gobierno de la

²¹ Este dato podría contradecir la información que señala a la edición mexicana de 1961, en traducción de Wenceslao Roses, como la primera en español. Nuestro editor no aclara de qué versión extranjera provino su traducción. Escrita de modo fragmentado en diversos momentos del último cuarto del siglo XIX, esta obra de Engels vio la luz por primera vez en la URSS en 1925, en alemán y ruso. Es posible que la traducción chilena haya provenido de la edición inglesa de 1940 hecha por Lawrence & Wishart, la que contuvo un prefacio y notas del biólogo y genetista británico JBS Haldane (no sabemos si el propio Haldane hizo el traslado al idioma inglés del cuerpo central del texto de Engels). A su vez, siempre de acuerdo con lo que expone Austral, esta edición inglesa fue acrecentada con la inclusión de unos “apuntes de Engels para uso personal” y un artículo relacionado con el tema de la filosofía materialista extraído del tomo XIII de las Obras Completas de Marx y Engels publicadas en Moscú en 1935. Finalmente, añadamos que posiblemente el traductor fue el hombre de teatro chileno Rubén Sotoconil.

²² Traducción de Rubén Sotoconil de la versión inglesa hecha por Martin Milligan. Según Austral, la edición en inglés provenía, a su turno, de la rusa de 1956, revisada y corregida por el Instituto Marxista-Leninista del PCUS. En español, una nueva traducción de Abel García Barceló proveniente de la edición francesa de Bottigelli (1962), fue dada a conocer por Ediciones Estudio, Buenos Aires, 1973.

Unidad Popular, ocasión en que, a la par con la edición de más de una decena de textos de habilitación doctrinaria, se dio a conocer lo que a la postre fue la única colección concebida y organizada como tal por esta editorial. Hablamos de Camino de Victoria, cuyo nombre fue tomado del título de un libro de Luis Corvalán, publicado en el primer semestre de 1971 por la misma Austral.

“La *Colección Camino de Victoria* es un valioso aporte de los comunistas para que el pueblo, además de vencer en la batalla política, también lo haga en la lucha ideológica” [9, p.7], exponía, a finales de 1971, el diputado y dirigente partidario Jorge Insunza. Inscrita en el conjunto de gestos y actividades de celebración de los 50 años de vida del PC, la propuesta constó de una docena títulos²³. Algunos de ellos eran reediciones más o menos actualizadas de textos aparecidos en Chile una o dos décadas antes²⁴, mientras que otros correspondían a traducciones de trabajos recientes (1968—1970) provenientes de los lazos de colaboración establecidos entre el comunismo criollo con sus similares de Vietnam, Bulgaria, EEUU o Francia²⁵.

En una decisión que buscó connotar a la Colección con el fundamento obrero-organizacional más recurrente en la doxa partidaria, el rescate en dos volúmenes de buena parte de la obra escrita de Recabarren, constituyó quizás el componente más destacado del proyecto. Ahora bien, consideramos que la presencia del fundador del partido en este gesto editorial, respondió a los afanes de una modulación interpretativa de largo alcance, esto es, la inclusión simultánea de los textos de Corvalán, Varas, Lafertte y de la producción

²³ La colección se puso al público entre diciembre de 1971 y los meses de 1972. Las obras fueron: Elías Lafertte: *Vida de un comunista*; Luis Corvalán: *Ricardo Fonseca. Combatiente ejemplar*; José Miguel Varas: *Chacón; El pensamiento de Luis Emilio Recabarren* (2 vols); José Rodríguez Elizondo: *Mitología de la ultraizquierda chilena*; Le Duan: *La revolución vietnamita; La verdad sobre Ángela Davis*, reportaje; Georges Cogniot: *Carlos Marx, nuestro contemporáneo y Leninismo y Socialismo*; Leo Figueres: *El anticomunismo trotskista*; Kamen Kalchev: *Dimitrov, el hombre*; y *Dimitrov acusa al fascismo*, Documento.

Un dato resaltado al momento del lanzamiento de la colección era que cada obra tendría un tiraje de 10.000 ejemplares, bastante más que los números habituales de impresión de este tipo de textos que, según El Siglo, no excedían las 3.000 copias. Ciertamente, las cantidades de 3.000 y, más aún, de 10.000 ejemplares, nos interrogan sobre los mecanismos de financiamiento empleados por Austral y el PC en materias editoriales. De igual modo, nos quedarán pendientes aspectos relativos a los retornos económicos, las ventas reales, los niveles de subsidios involucrados en ellos, además de otros medios no comerciales de distribución. Vista desde nuestro presente, la magnitud de copias impresas no deja de sorprendernos por su volumen. Actualmente los “modelos de negocio” consideran cantidades claramente inferiores.

²⁴ Sus autores eran Luis Corvalán, Elías Lafertte y José Miguel Varas.

²⁵ Los libros de G. Cogniot y Leo (Leopold) Figueres, corresponden a trabajos que estos autores — dirigentes del comunismo galo vinculados a los aparatos de orientación ideológica de su partido — publicaron en 1968 y 1970, respectivamente, en las prensas partidarias de Ediciones Sociales. La compilación de textos sobre Angela Davis responde a la tarea de defensa jurídica prestada por el PC de USA a su militante negra, en tanto que los volúmenes de Kalchev, son una biografía y una selección de escritos de denuncia antifascista relacionados con el nombre de Jorge Dimitrov, alto dirigente de la Comintern y del comunismo búlgaro. Finalmente, Le Duan fue un prominente líder del comunismo y gobierno vietnamitas hasta su muerte (1986), secundando y sucediendo a Ho Chi Min.

recabarriana, tuvo por finalidad ofrecer al público el *dictum* ético-político por antonomasia que habría caracterizado históricamente al PC, más aún cuando esta autoimagen tenía lugar en el cincuentenario de la organización. En este sentido, la propuesta devenía no sólo consecuencia y trascendencia, sino también, satisfacción y orgullo por lo alcanzado.

A partir de esta base, la contingencia reclamaba consistencia y apego a un núcleo ético-temporal que desde el año anterior (1970) tenía enfrente, de modo palpable, las acechanzas de un imperialismo y fascismo que harían lo imposible por derrotar al proceso de la vía chilena al socialismo y, con ello, barrer con el pueblo y sus organizaciones. Pero estas amenazas -fascismo e imperialismo- podían ser desenmascarados y derrotados, tal como las experiencias escritas de Le Duan, Angela Davis y Dimitrov lo podían atestiguar, de ahí la importancia de su difusión impresa entre nosotros. Y en un nivel más general pero no menos necesario, la movilización y luchas de la coyuntura debían estar acompañadas por los sustentos doctrinarios de la escolástica marxista-leninista aportados por Cogniot. Por su lado, las “desviaciones izquierdistas”, tan alarmantes en el momento — recordemos que un par de años más tarde, en plena derrota, estas posturas serían consideradas “caballo de troya del imperialismo” — tenían también atención en Camino de Victoria con sendas entregas de Figueres y Rodríguez Elizondo.

En síntesis, la colección, sin disponer de autores ni de problemas novedosos — lo cual no hizo de ella una oferta llamativa o de interés amplio — cumplió con holgura respecto de las definiciones editoriales que siempre presidieron la actuación de Austral: estar al servicio de un discurso corporativo-intelectual autosuficiente y reiterativo, detentor de las claves de cognición del derrotero histórico-social chileno y mundial. Fuera de este, cual manifestación salvífica, no podían tener lugar otras alternativas legítimas de resolución del conflicto de clase.

PARA FINALIZAR

La analítica de la hegemonía en Angenot — categoría principal de su propuesta de discurso social [10]; [11]; [12]²⁶ — dispone de varios componentes interrelacionados con distinta intensidad de prevalencia: lengua legítima; tópica y gnoseología; temáticas y visión de mundo; dominantes de *pathos*; sistema topológico; ego y etnocentrismo; fetiches y tabúes. Digamos un par de palabras sobre algunos de ellos, en especial de los que, para nuestro tema, tendrían mayor pertinencia.

La lengua legítima hace referencia a la expresión correcta establecida como tal al interior de una organización o grupo humano. Es el terreno del buen decir y los protocolos, de lo permitido ortodoxo. De ahí se deriva lo decible, escribible y publicable. Luego, la tópica, consagra la doxa de los elementos normalizados

²⁶ La expresión discurso social pertenece al semiólogo belga Marc Angenot, a quien tenemos en mente en esta conclusión, en especial por medio de la lectura de su “Interdiscursividades. De hegemonías y disidencias”. La apelación a él, en todo caso, la realizo de un modo libre y referencial, adecuando para los estudios de caso propios de la historiografía, la intención metodológica bastante más ambiciosa prevista por este autor. Reconociendo el mérito de su propuesta, no faltan tampoco críticas fundadas a varios puntos de la elaboración angenoteana, al respecto, Baal Delupi, “La teoría del discurso social de Marc Angenot”.

que, en alta proporción, se cristalizan en los lugares comunes y las reiteraciones del habla. La articulación de estos en el discurso suscita la función cognitiva de este y su modelación en temáticas y visiones de mundo. Ya en este punto, la presencia del decir público permitido tiene su contrapartida en los fetiches y tabúes. Los primeros, como signos de lo primordial consagrado, merecedor de la observancia constante, del respeto y aliento, en tanto que los segundos serían la señalización del *sacer*, de lo extraño y distinto, de las desviaciones, y por lo mismo, objetos del temor, la represión, la crítica, el silenciamiento o el olvido, de lo obliterado²⁷.

La tarea descriptiva y de caracterización que hemos realizado respecto de la editorial comunista Austral, ha buscado, a partir del examen de la empírea de autores, temas y títulos, dar con algunas constantes en calidad de hegemonía discursiva. A su vez, el repertorio y normas de enunciación de esas constantes de hegemonía fueron afluentes y emanación de una construcción mayor: la del “discurso social” partidario. En el origen, despliegue y mantención de este discurso, se situaron los agentes y moduladores del mismo, es decir, las voces y gestiones performativas que, a fin de cuentas, dieron visibilidad histórica y social al mencionado discurso y su rol omnicomprendivo.

A la luz de lo anterior, nos asiste la conclusión de que Austral hizo parte del sistema enunciativo o de discurso social desarrollado por la izquierda chilena en el transcurso de la mayor parte del siglo XX. Gestado a partir de las décadas de recomposición del régimen institucional y político devenido necesario producto del agotamiento del orden oligárquico decimonónico — hablamos del primer tercio del siglo pasado — el marco hegemónico que alcanzó en la década de los 60, si bien heterogéneo y aporístico, no dejó de expresar un poder y capacidad altamente eficientes en vistas a promover un trastoque de fondo del curso histórico de nuestra sociedad. En el contexto de esta articulación y propósito, Austral y sus libros concurren, desde su especificidad, al encuadre gnoseológico general, es decir, de regulación y comprensión del discurso social señalado. Este, como ya fue descrito, no solo implicó una abundante presencia de elementos ideológicos de matriz marxista-leninista, sino también, la aportación de relevantes categorías estético-literarias, historiográficas y de visión de mundo.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Subercaseaux B. *Historia del libro en Chile. Desde la Colonia hasta el Bicentenario*. LOM, Santiago, 2010.
2. Subercaseaux B. *La industria editorial y el libro en Chile (1930-1984)*, CENECA, Santiago, 1984.
3. Salgado Muñoz A., Fernández Abara J. El Partido Socialista y Prensa Latina: gestión económica y conflicto político en una editorial chilena (1954-1973). *Historia* (Santiago), 2021, N 54(1), pp. 279-317. <https://dx.doi.org/10.4067/s0717-71942021000100279>
4. Loyola M. Libros y folletos de la Internacional Comunista en América Latina. Algunos apuntes para su historia. *Izquierdas*, 49, noviembre 2020. Available at: <https://www.scielo.cl/pdf/izquierdas/v49/0718-5049-izquierdas-49-85.pdf>

²⁷ Acudiendo a Delupi, los componentes “dominante de *pathos*” y “sistema topológico”, derivan, el primero, a los temperamentos y estados de ánimo verificables en las figuras sobresalientes del pensamiento y las artes de una determinada época o generación, en tanto que el segundo, demostraría cómo las hegemonías se aprehenden no tanto por sus aspectos unificadores, sino por los disímiles, esto es, por un conjunto de discursos específicos, formales e informales que conforman la materialidad (totalidad) discursiva social.

5. La noble y difícil misión de editar para los trabajadores. *El Siglo*. Santiago, 21.02.1960.
6. Barnard A. *El Partido Comunista de Chile, 1922-1947*. Ariadna Ediciones. Santiago, 2017.
7. Loyola M. El Instituto de Investigaciones Marxistas de Chile: expectativas y limitaciones de un proyecto intelectual comunista. *ISTORIYA* (Rusia), 2021. Available at: <https://ras.jes.su/history/s207987840014606-5-1-en>
8. Zamorano M. et al. *Lenin y nuestras tareas de hoy*. Editorial Austral. Santiago, 1973.
9. Colección Camino de Victoria es un arma valiosa para ganar la lucha ideológica. *El Siglo*, 16.12.1971.
10. Angenot M. *Interdiscursividades. De hegemonías y disidencias*. Universidad Nacional de Córdoba, 2010.
11. Angenot M. *El discurso social. Los límites históricos de lo pensable y lo decible*. Siglo XXI. Buenos Aires, 2010.
12. Delupi B. La teoría del discurso social de Marc Angenot. *Andamios*. México, 2021, Vol. 18, 47, septiembre-diciembre, pp. 65-82.

Anexo. Títulos, años y autores publicados por Austral, 1947—1973

Autor	Título	Año
K. Kunin	Magallanes.	1947
K Marx – F Engels	Correspondencia	1947
Salvador Ocampo, Elías Laferte	El cobre de Chile	1951
Alfredo Varela	El hombre soviético de hoy	1951
Hernán Ramírez N.	La guerra civil de 1891	1951
Asociación Investigadora del Trabajo de los EEUU	El imperialismo de hoy	1951
Joaquín Gutiérrez	Del Mapocho al Vístula	1952
Volodia Teitelboim	Hijo del salitre	1952
Comisión Estudios Históricos PC (L. Corvalán)	Ricardo Fonseca. Combatiente ejemplar ²⁸	1952
Comité chileno preparatorio de Conf. Económica Internacional	El Comercio con todos los países (folleto)	1952
César Godoy Urrutia	Imagen humana y política de la U. Soviética	1952
Mao Tsé-Tung	La nueva democracia	1952
S.A. Severtzov	Dinámica de la población animal	1953
José Stalin	Problemas económicos del socialismo en la URSS	1953
Diego Muñoz	Carbón	1954
Crisólogo Gatica, Trad.	Educación soviética	1954
Bélla Illés	Héroes y Armas	1954
P. Neruda	Los versos más populares de Pablo Neruda	1954
Manuel Guerrero	Tierra fugitiva	1954
Gustavo Mujica	El coral blanco	1954
Gregorio Guerra	Amanecer de las democracias populares	1955
Pavel Beilin	Una gran familia	1955
Enrique Juárez Toledo	Dianas para la vida	1955
Mario Ferrero	Las lenguas del pan	1955
Práxedes Urrutia	Canción de amor para tus sueños de paz	1955
Luis E. Délano	Puerto de fuego	1956
Boris Polevoi	Un hombre de verdad	1956
Howard Fast	La pasión de Sacco y Vanzetti	1956
Alfonso González Dagnino	Aurora sobre el Yang-Tsé	1956
Yuri Nagibin	La pipa	1956

Hernán Ramírez Necochea	Historia del movimiento obrero en Chile. Antecedentes siglo XIX	1956
Benigno Ávalos Ansieta	Exaltación al júbilo	1956
Volodia Teitelboim	La semilla en la arena	1957
Máximo Gorki	Días de infancia	1957
Máximo Gorki	Trece relatos	1957
Máximo Gorki	Por el mundo	1957
Nicolás Ostrovski	Hijos de la tempestad	1957
Boris Polevoi	A orillas del nuevo mar	1957
Dmitrii Furmanov	Chapaev	1957
Jaime Bustos Mandiola	Hijos de la Tahití Nui	1957
B. Liapunov	Viajando fuera de la tierra	1957
Elías Laferte	Vida de un comunista ²⁹	1957
V. Lenin	Dos tácticas de la Socialdemocracia en la revolución democrática	1957
V Lenin	El extremismo. Enfermedad infantil del comunismo ³⁰	1957
Varios autores	Recuerdos sobre Lenin	1957
Luis Enrique Délano	La Base	1958
Federico Engels	Dialéctica de la naturaleza	1958
Vasili Fesenkoy	El sistema solar y el hombre	1958
Liga Comunista Yugoslava	El problema yugoslavo	1959
Revista Asuntos Internacionales	Capitalismo popular	1959
Víctor Zhukov	Lo que da el Plan septenal a los soviéticos	1959
N Krupskaya	Sobre la educación	1960
L Cheinine	Los tribunales del pueblo en la URSS	1960
S. Treguv	Nicolai Ostrovsky (biografía)	1960
K Marx	Manuscritos económico-filosóficos de 1844	1960
Miguel L. Amunátegui	La Iglesia frente a la emancipación americana	1960
Hernán Ramírez N.	Historia del imperialismo en Chile	1960
Pablo Neruda	Canción de gesta	1961
Pablo Neruda	Los nuevos versos de amor	1961
Sergio Vuskovic	Investigaciones sobre el origen del pensamiento	1961
Luis E. Délano	El viento del rencor	1961
Justo Ulloa	El suplicio de los avaros: ensayos materialistas	1961
Máximo Gorki	Sobre la literatura	1962
Benigno Ávalos Ansieta	El arte popular en América Latina	1962
Carlos Sepúlveda Leyton	Hijuna	1962
Luis Vulliamy	Juan del Agua	1962
Luis E. Délano – Edmundo Palacios	Antología de la poesía social de Chile	1962
Edesio Alvarado	Los poemas del pueblo y el canto del brigadier	1962
Alejandro Lipschutz	El problema racial en la Conquista y el mestizaje	1963
Delfina Leonor Gutiérrez	El mensaje del niño. Estudio de la expresión gráfica del niño normal y anormal	1963
Sergio Vuskovic – Osvaldo Fernández	Teoría de la ambigüedad: bases ideológicas de la DC	1964
Luis E. Délano	El rumor de la batalla	1964
Roger Garaudy	La moral marxista	1964
Justo Ulloa	Los pantalones del padre Puebla	1964

Издательская функция и политический проект чилийских левых в XX веке

Orlando Millas	Los comunistas, los católicos y la libertad	1964
Alejandro Lipschutz	Guerra y Paz y otros temas candentes. Discursos de un patriota latinoamericano	1964
K Marx – F Engels	Manifiesto Comunista	1965
Elena Sugo	Payas en mi silencio	1965
Pompeyo Saavedra	Las palabras de siempre	1965
Hernán Ramírez N.	Los Estados Unidos y A. Latina	1965
Hernán Ramírez N.	Origen y formación del Partido Comunista de Chile	1965
Rubén Sotoconil	Teatro escolar: manual y antología	1965
Federico Engels	Resúmenes y comentarios de El Capital de Carlos Marx	1965
Otto Schmidt	Cuatro lecciones sobre la teoría del origen de la tierra	1965
Luis E. Délano	Cuba 66	1966
César Godoy U.	Hombres y pueblos	1966
Lenin (Compilación)	Lenin, camarada y hombre	1967
Sergio Vuskovic	Problemática DC: propiedad, revolución, estado	1968
D. Mitropolski Y. Kuznetsov	Historia y economía: manual breve de divulgación	1968
Eduardo Labarca	Chile invadido: reportaje a la intromisión extranjera	1968
Volodia Teitelboim	Hombre y hombre	1969
Hernán San Martín	Nosotros los chilenos: tres ensayos antropológicos de interpretación	1970
Hernán Ramírez Necochea	Historia del imperialismo en Chile	1970
L. Leontiev – Ovshi Yajoy	El mundo nuevo y su filosofía: fundamentos y principios de la economía política y filosofía marxistas	1971
Recabarren	El pensamiento de LE Recabarren (2 Vols)	1971
Austral	¿Qué es el comunismo? Preguntas y respuestas	1971
Le Duan	La revolución vietnamita: problemas fundamentales y tareas esenciales	1971
Luis Corvalán	Camino de victoria	1971
V. Afanasiev	Socialismo y comunismo	1971
José Miguel Varas	Chacón	1971
José Rodríguez Elizondo	Mitología de la ultraizquierda chilena	1971
P. Neruda	Cantos de amor y de combate	1971
Georges Cogniot	Carlos Marx, nuestro contemporáneo	1971
Leo Figueres	El antileninismo trotskista	1971
K Marx – F Engels	El manifiesto comunista	1971
Kamen Kalchev	Dimitrov: el hombre	1972
G Dimitrov	Dimitrov acusa al fascismo	1972
A Davis, reportaje	La verdad sobre Ángela Davis	1972
Georges Cogniot	Leninismo y socialismo	1972
Boris Leibzon	El Revolucionarismo pequeñoburgués	1972
VVAA	Lenin gran teórico	1972
Antonio Benedicto	Poca cosa	1972
Lenin y otros	Contra el trotskismo	1972
Leo Figueres	El trotskismo al desnudo	1972

Sergio Vuskovic	El pluralismo y el proceso revolucionario chileno	1973
Austral	Bienvenida a Pablo Neruda	1973
F. Engels	El papel del trabajo en la transformación del mono en hombre	1973
F. Engels	Ludwig Feuerbach y el fin de la filosofía clásica alemana (folleto. Col. Básica)	1973
A. Spirkin y O. Yajot	Fundamentos del materialismo dialéctico e histórico	1973
Mario Zamorano y otros	Lenin y nuestras tareas de hoy	1973
E. Bottigelli	Génesis del socialismo científico	1973
Luis Corvalán	Lo internacional en la línea política del Partido Comunista	1973

²⁸ Reeditado en 1971, Colección Camino de Victoria

²⁹ Reeditado en 1961 y 1971 (colección Camino de Victoria)

³⁰ Reeditado en 1973 como Enfermedad infantil del izquierdismo en el comunismo

Manuel Loyola Tapia (mloyola@uft.cl)

PhD in American Studies, academic at the Universidad Finis Terrae, Chile

Editorial function and political project in the Chilean left of the 20th century. The case of Editorial Austral

Abstract: From a preferably qualitative perspective of analysis based on various primary and secondary printed sources, this work examines the thematic characteristics that shaped the editorial performance of the Austral label during its years of existence (1946—1973). Promoted and maintained by the Communist Party of Chile, studying this publishing experience opens us to the understanding of how, in terms of publishing history and the book that corresponds to us, the bibliographic production sponsored by this party was positioned, an activity that had to be carried out within the variety of discursive offers that, not without struggle, articulated the ideological sphere of the country in the mid-twentieth century. We postulate that, fully responding to the conceptual contours that modeled its performance, Austral served as a diffusion mechanism for an ideological bricolage of self-sufficient pretensions and, therefore, dispensed with, circumstances that would determine both the limited size of its editorial presence and its functional role, to the communist social discourse of the 20th century.

Key words: Communist Party of Chile, Editorial Austral, 20th century, political books, discursive hegemony, communist intelligentsia.

DOI: 10.31857/S0044748X0022871-7

Received 10.05.2022.

К.Р.Буйнова

«Доктор Живаго» в амазонских джунглях

Автор статьи предпринимает попытку проверить подлинность сюжета, изложенного Евгением Александровичем Евтушенко в поэме «Дора Франко». Речь идет об экземпляре книги Бориса Пастернака «Доктор Живаго», который Евтушенко обнаружил в городке Летисия в амазонской части Колумбии в 1968 г. В книге была дарственная надпись советского писателя Сергея Сергеевича Смирнова. Этот факт примечателен не только тем, что «Доктор Живаго» был запрещен в СССР, но и тем, что в 1958 г. именно С.Смирнов был председателем на заседании, в ходе которого Пастернак был исключен из Союза писателей. Архивные поиски, анализ свидетельств современников и взаимодействие с коллегой из департамента Амасонас позволили выяснить, что С.Смирнов действительно посетил Летисию за несколько месяцев до Е.Евтушенко, выступал с лекциями в тех же местах и общался с теми же людьми. В ходе исследования было установлено, что до 1980-х годов в Летисии могла быть только одна библиотека — при доме культуры, который и Смирнов, и Евтушенко упоминают в отчетах о командировках. Оба косвенно подтверждают, что произведений русских писателей в ней не было. Выяснить, был ли экземпляр «Доктора Живаго» единственным исключением, т.е. уже лежал на книжной полке, или его привезли С.Смирнов и переводчица Нина Булгакова, нам не удалось. Поскольку сама книга так и не найдена, мы не можем однозначно утверждать, что дарственная надпись раскаявшегося Смирнова в книге Пастернака — не плод художественного вымысла Евтушенко. Однако проведенное исследование дает основания полагать, что этот сюжет действительно имел место.

Ключевые слова: дело Пастернака, «Доктор Живаго», С.С.Смирнов, Е.А.Евтушенко, Колумбия.

DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3

Статья поступила в редакцию 17.04.2022.

Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>, k.r.bujnova@inno.mgimo.ru).

Благодарности: статья подготовлена в исследовательской резиденции Дома творчества Переделкино.

Иные исследования рождаются из попытки доказать, что какой-то незначительный сюжет имел или не имел места. Важно ли знать, оставил ли 55 лет назад один советский писатель книжку другого советского писателя в небольшой библиотечке дома культуры на Амазонке? Пожалуй, нет. А если за первым закрепилась одиозная репутация обвинителя второго? Если та точка, в которой пересеклись их имена, изменила жизнь обоих и на долгие годы стала важнейшим прецедентом советской литературно-политической жизни? Тогда картина меняется.

Целью данной статьи станет попытка проверить, мог ли один советский писатель, С.С.Смирнов, подписать книгу другого советского писателя, Бориса Леонидовича Пастернака, и оставить ее там, где ее никто не найдет? Для поиска ответа на этот вопрос пришлось обратиться к широкому кругу источников — от архивных материалов до художественной литературы. Вернее, наоборот: ведь первой зацепкой была поэма Е.А.Евтушенко «Дора», а проверить подлинность ее сюжета предстояло по опубликованным свидетельствам современников, массиву коллективных писем и архивным материалам, находящимся в личном фонде С.С.Смирнова, фондах Союза писателей и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В число последних вошли делопроизводственные документы Иностранной комиссии Союза писателей, а также отчеты о командировках, написанные Е.А.Евтушенко и С.С.Смирновым, соответственно. Подобные бумаги должны были писать все командированные Союзом писателей. Отчеты всегда пестрели именами (поиск потенциальных попутчиков!) и описанием встреч и интервью (на которых советские писатели непременно «убеждали» и «доказывали»), но назвать их исчерпывающими нельзя, поскольку туда, конечно, не попадало то, что начальству было знать не нужно. Яркий пример: романтическая история, начавшаяся для Евгения Евтушенко в Колумбии в начале 1968 г. и длившаяся чуть ли не всю его долгую жизнь, в отчете была подменена на удивление бессобытийной летописью. Обнаружив в РГАЛИ этот отчет, я решила проверить, неужели прекрасная Колумбия показалась поэту не заслуживающей интереса. Именно так я наткнулась на сюжет о затерянной на Амазонке книжке.

Итак, идя по петляющему следу, который Евтушенко оставил за собой в командировке по Латинской Америке в конце 1967 — начале 1968 гг., я прочитала его позднюю поэму «Дора» (2011 г.) [1]. В ней Евгений Александрович рассказывает о своем романе с колумбийской моделью и фотографом Дорой Франко.

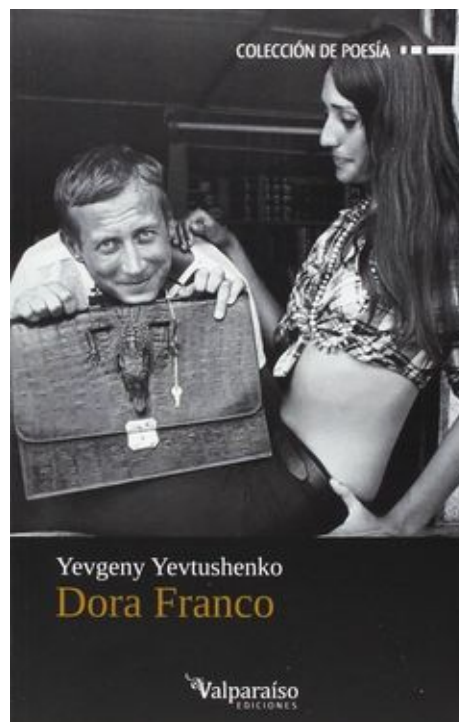
Помимо прочего Евтушенко описывает поездку в Летисию — небольшое колумбийское поселение на границе с Бразилией и Перу. Иностранцы обычно ездили туда, чтобы своими глазами увидеть амазонские джунгли, но советский поэт еще и выступил со стихами в местном доме культуры «перед рыбаками, охотниками на крокодилов, ловцами анаконд, монахами и пограничниками». Почти все его слушатели были людьми неграмотными, но «с сердцами, доверчиво открытыми поэзии и миру» [2, л. 26]. При этом доме культуры была библиотека. Библиотекарь с говорящим именем Верхилио (если не считать это поэтической выдумкой) сказал, что Евтушенко — не первый русский в Летисии и что здесь уже побывал С.С.Смирнов. Его книг в библиотеке не было, *«но как внимания знаки / он*

оставил нам несколько слов не на книжке своей, а на Пастернаке» [1]. Раскрыв драгоценный — и запрещенный в СССР — том «Доктора Живаго», потрясенный Евтушенко действительно нашел там дарственную надпись, что-то вроде: «От имени советских писателей столицы я / рад, что вижу здесь книгу нашего классика. Вива, Летисия!» [1]. Библиотекаря пришлось объяснить: Смирнов «стал председателем собрания, где Пастернака тогда исключали» [1].

Конечно, Евгения Александровича можно было бы заподозрить в художественном вымысле. Однако прежде, чем этот драматический сюжет был описан в поэме, с его слов этот эпизод пересказала Ольга Ивинская. Ее воспоминания были опубликованы в 1992 г. Ивинская утверждает, что библиотекарь, заметив волнение поэта, хотел даже вырвать для него автограф Смирнова, но потом решил, что без него книга теряет букинистическую ценность [3, с. 306]¹.

В поэме Евтушенко попытка вырвать страницу пропадает, но есть такие строки: «И ответил Вергилий подавленно и сокровенно: “Я как библиофил понимаю, что книга с / автографом этим — бесценна”» [1].

Обсуждал ли Евтушенко эту историю со Смирновым по приезду? К сожалению, мне не удалось найти свидетельств этого разговора. Подтвердить эту историю можно лишь найдя книгу. Понятно, что дело это обречено уже хотя бы потому, что едва ли в импровизированной библиотеке в тропическом климате книгу можно сохранить на протяжении 50 лет. Мои единственные источники — это пересказ третьим лицом, сделанный через 24 года после событий, и стихотворная версия этого рассказа, опубликованная еще через 20 лет. Трезво оценивая шансы, я все же стала искать контакты в колумбийской Летисии, одновременно восстанавливая череду событий. Необходимо было ответить на несколько вопросов. Как «Доктор Живаго» попал в Летисию? Что это за издание? Когда и при каких обстоятельствах Смирнов приезжал в Летисию? Почему он оставил дарственную надпись именно на этой книге? Даром что библиотекаря звали Вергилий, он не знал «подробностей нашего ада». Российский читатель понимает, о каком аде идет речь. И все же я изложу необходимые для понимания контекста подробности.

Е.Евтушенко и Дора Франко на обложке поэмы «Дора Франко». Изд-во Valparaíso Ediciones, 2015

¹ Стоит уточнить, что в изложении О.Ивинской неправильно указан год командировки Евтушенко: 1970 г. вместо начала 1968 г.

Для современника шок от находки экземпляра «Доктора Живаго» с дарственной надписью Смирнова объясняется одиозной ролью, которую тот сыграл в деле Пастернака. Отечественная наука еще ждет исследователя, который сможет собрать под одной обложкой темные и светлые страницы биографии Сергея Сергеевича. Трагические эпизоды его жизни идут вразрез с подчеркиваемой современниками порядочностью писателя [3, с. 297; 4, с. 117], но во многом биография Смирнова это — биография человека той эпохи. Как писатель С.С.Смирнов (1915—1976 гг.) известен главным образом как автор «Брестской крепости» (1957 г.) и других книг о войне. В послевоенные годы он помогал вернувшимся из плена советским солдатам не попасть в тюрьму, кому-то — выйти из нее и реабилитироваться. В то время, когда А.Т.Твардовский возглавлял редакцию «Нового мира» (1950—1954 гг.), Сергей Сергеевич был его заместителем и правой рукой. Когда Пастернак передал свою рукопись в «Новый мир», ни Твардовский, ни Смирнов там уже не работали². Смирнов же председательствовал на Общемосковском собрании писателей 31 октября 1958 г. по делу Бориса Пастернака и его романа. Во вступительной речи председатель укорял редколлегию «Нового мира» в недостаточной жесткости в отношении «предателя» и даже предлагал лишить того гражданства. Эти слова остались угрозой — эпоха лишения неугодных гражданства СССР еще не настала³, — но из Союз писателей Пастернака исключили.

Возможно, потомкам легко осуждать малодушие участников тех событий. Всего за два с половиной года до заседания московских писателей был разоблачен культ личности Сталина, и казалось, что в стране начинается новая жизнь. Однако в переменах была неприятная двусмысленность: «культ» был разоблачен в секретном докладе (хотя о его содержании стало немедленно известно всей стране), либерализация проводилась на страх и риск ее адептов, а сталинисты никуда не делись. Один из них — вдохновитель травли Пастернака, заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д.А.Поликарпов — присутствовал на том «зловещем» заседании и бдительно следил за его участниками. Некоторые из них позднее признавались, что они испугались наступления нового «тридцать седьмого года», а они-то знали, «что это такое» [7].

Воспоминания современников содержат свидетельства о том, что Сергей Сергеевич всю жизнь жалел о доставшейся ему роли [3, с. 305] и, вероятно, о том, как он ее исполнил. Последующие вехи его литературно-политического пути весьма неоднозначны: недолго (1959—1960 гг.) был главным редактором «Литературной газеты»; в 1964 г. получил Ленинскую премию за «Брестскую крепость» и за огромную работу по сохранению имен героев войны; в 1966 г. подписал письмо против реабилитации

² Письмо с отказом печатать роман в журнале, отправленное редколлегией поэту в сентябре 1956 г., подписано Б.Агаповым, Б.Лавреневым, К.Фединым, К.Симоновым, А.Кривицким. Письмо не предназначалось для печати, однако именно оно положило начало официальной травле Пастернака, после того как было опубликовано в «Литературной газете» от 25 октября 1958 г. по распоряжению Суслова [5].

³ Впрочем, существует версия о том, что от лишения гражданства Бориса Пастернака спасло личное вмешательство Джавахарлала Неру, который позвонил Хрущеву и заступился за поэта [6].

С.Смирнов (в центре) и Н.Булгакова (справа) в Колумбии, 1967 г. РГАЛИ, ф. 2528, оп. 8, ед. хр. 258

И.Сталина⁴, а в 1973 г., вместе с другими именитыми современниками, — письмо против Александра Солженицына и Андрея Сахарова⁵, тогда же выступал за исключение Булата Окуджавы из Союза писателей из-за его публикации за границей.

Если мы посмотрим на деятельность Смирнова вне актов гражданской ответственности, то увидим, что он активно общался с иностранными писателями, приезжавшими в СССР, и ездил в заграничные командировки, чем могли похвастаться немногие члены Союза писателей: иностранных языков советские литераторы обычно не знали, но при этом Союз писателей настаивал на том, чтобы его члены принимали участие в беседах с иностранцами. Благодаря этому общению планировалось произвести на гостей приятное впечатление и показать, что советский режим создает благоприятную атмосферу для творчества.

«В качестве хороших примеров можно было бы привести таких писателей, как Чаковский, Евтушенко, Смирнов, Вознесенский, Антонов и дру-

⁴ Письмо тринадцати деятелей советской науки, литературы и искусства в президиум ЦК КПСС против реабилитации И.В. Сталина (25.03.1966). Письмо подписали: С.С.Смирнов, И.Г.Эренбург, В.Д.Дудинцев, И.В.Ильинский, Г.Н.Чухрай, В.И.Мурадели, А.Н.Колмогоров, А.И.Алиханов, И.Л.Кнунянц, Б.Л.Астауров, П.Ф.Здродовский, В.М.Жданов, П.М. Никифоров.

⁵ Письмо в редакцию газеты «Правда». *Правда*. М., 31.08.1973. Письмо подписали: Ч.Айтматов, Ю.Бондарев, В.Быков, Р.Гамзатов, О.Гончар, Н.Грибачев, С.Залыгин, В.Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С.Наровчатов, В.Озеров, Б.Полевой, А.Салынский, С.Сартаков, К.Симонов, С.С Смирнов, А.Софронов, М.Стельмах, А.Сурков, Н.Тихонов, М Турсун-заде, К.Федин, Н.Федоренко, А.Чаковский, М.Шолохов, С Щипачев.

Афиша фильма «Доктор Живаго»

Иностранной комиссии по литературе стран Латинской Америки. Во время писательских съездов в Москве он обычно был «приписан» к гостям из этого региона [10, л. 23]. В 1961 г. Смирнов побывал с делегацией на Кубе, в 1966 г. — с М.Дудиным и Н.Булгаковой (в качестве переводчика) в Чили, в 1967 г. — с Булгаковой в Колумбии, в 1969 г. — с ней же и Р.Рождественским в Уругвае, Перу, Эквадоре и Коста-Рике, в 1973 г. участвовал в плаваниях на теплоходе «Иван Франко» по странам Центральной и Южной Америки.

Обратимся к командировке в Колумбию. В РГАЛИ среди документов Иностранной комиссии мне удалось найти соответствующий отчет Булгаковой и Смирнова, направленный в секретариат Союза писателей [11], а также — в фонде Смирнова — несколько папок с фотографиями, картами, буклетами и вырезками из колумбийских газет [12, 13, 14, 15].

Смирнов в качестве главы делегации и Булгакова в качестве переводчика были командированы в Колумбию на 25 дней в сентябре — октябре 1967 г. Советские гости выступали с лекциями по русской и советской литературе в Боготе, Летисии, Санта-Марте, Картахене, Барранкилье, Кали. В общении со слушателями чаще всего им приходилось отвечать на вопросы об отношениях между писателями и государством и о свободе творчества в СССР, о деле Синявского и Даниэля, о романе Пастернака «Доктор Жива-

го», которые успешно овладели иностранными языками, что существенно облегчает им близкие контакты с зарубежными писателями и проводить успешную пропагандистскую работу» [8, л. 4]⁶.

«Среди наиболее активных в этой сфере общественно-политической деятельности [вносящих вклад в «дело сближения литератур»] московских писателей можно назвать прозаиков Льва Никулина, Корнея Чуковского, Павла Нилина, Сергея Смирнова, Павла Лукницкого, Александра Чаковского, Льва Кассиля; поэтов С.Маршака, В.Инбер, А.Барто, С.Кирсанова, П.Антокольского, С.Михалкова; драматурга А.Штейна, А.Арбузова и др.» [9, л. 12-13].

Немного знавший испанский язык Смирнов предпочитал общение с латиноамериканскими гостями. Судя по всему, писатель был дружен с Н.Булгаковой — консультантом

⁶ РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 109. Справка о связях Иностранной комиссии с зарубежными писателями за 1951—1962 гг., л. 4.

(SIGLO - Foto Héctor Morales)

Интервью С.Смирнова и Н.Булгаковой...

го» и о письме Андрея Вознесенского в «Правду»⁷. В отчете командированные сообщают: «Делегация терпеливо и подробно разъясняла существо дела Синявского и Даниэля и разоблачала спекуляции реакционной печати вокруг этого “дела”. В том же плане мы разъясняли сущность претензий к роману “Доктор Живаго” Б.Пастернака...» [11, л. 5].

В середине 1960-х имя Пастернака вновь появилось даже в далекой латиноамериканской прессе по нескольким причинам. В октябре 1965 г. Нобелевскую премию по литературе получил Михаил Шолохов, напомнив миру о предыдущем советском лауреате. В 1958 г. Шолохов выступал с резкой критикой Шведской академии, обвиняя ее в политической ангажированности в связи с премией за «Доктора Живаго», и когда настал черед самого Шолохова, ему это припомнили. В глазах западной общественности коммунист Шолохов был антагонистом «внутреннего эмигранта» Пастернака. Немногим позже, в феврале 1966 г., был вынесен приговор Синявскому и Даниэлю. Их дело так «рифмовалось» с давно отгремевшим делом Пастернака, что произвело на международное литературное сообщество эффект разорвавшейся бомбы. Скандал сопровождался ошеломляющим успехом фильма «Доктор Живаго» (реж. Дэвид Лин) с Омаром Шарифом в главной роли: премьера состоялась в США в декабре 1965 г., и еще в течение года картина била кассовые рекорды в западных странах [17]. За гра-

⁷ В 1967 г. Андрея Вознесенского не пустили в командировку в США, причем Союз писателей ответил на приглашение от имени поэта, написав, что он болен. Возмущенный Вознесенский отправил письмо на имя главного редактора газеты «Правда», в котором вопрошал, зачем компрометировать советских поэтов такими отказами и «до каких пор мы будем обливать себя помоями». Письмо не было опубликовано, но Секретариат Союза писателей осудил поведение Вознесенского. Естественно, о содержании письма стало немедленно известно и внутри Союза писателей, и за пределами СССР. См. [16, с. 267–269].

...колумбийским газетам. РГАЛИ, ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 452

ницей тема свободы творческой личности в СССР стала не просто актуальной: в широких и не слишком осведомленных кругах она стала модной.

Все советские писатели, выезжавшие за границу в 1966—1967 г., почувствовали на себе бремя коллективной ответственности⁸, но Смирнову, когда-то возглавлявшему «суд» над Пастернаком, должно было достаться больше всех. Тот же Евтушенко упоминает, что во время поездки в Чили Сергею Сергеевичу «подложили

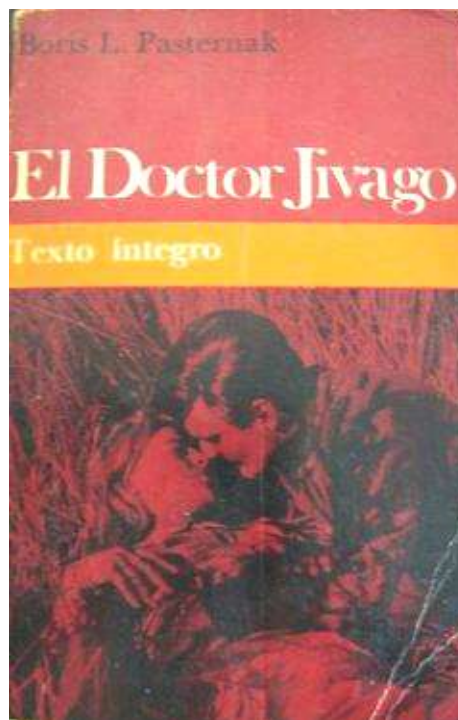
свинью» чилийские телевизионщики: чуть ли не в прямом эфире они устроили ему «нечто вроде литературного суда» [2, л. 12].

Колумбийцы, кажется, обошлись с членами делегации мягче. В фонде Смирнова сохранились вырезки с интервью, которые они с Булгаковой дали столичным газетам *Siglo* и *El Tiempo*. В них гостей спрашивали о деле Пастернака: «По поводу запрета к печати “Доктора Живаго” [Смирнов] сказал, что этот роман стоило опубликовать в СССР, “и я надеюсь, что это произойдет”. Он отметил, что в России Борис Пастернак считался хорошим поэтом и что он сделал важный вклад в русскую поэзию. Напротив, его прозу [Смирнов] называет посредственной. “Дело Пастернака вызвало возмущение в СССР, потому что Нобелевская премия была ему присуждена, чтобы поощрить описание неприятных аспектов жизни нашей родины в “Докторе Живаго”. Они обратили внимание не на художественную ценность произведения, а на чисто политическую»» [19, л. 1]. «Борис Пастернак, — продолжает Смирнов, — был великим поэтом, чье творчество имело огромное влияние в Советском Союзе. Однако, и это мое личное мнение, его роман “Доктор Живаго” кажется мне всего лишь посредственным с художественной точки зрения. Пастернак, с другой стороны, стал объектом чрезмерной шумихи в западной прессе из-за его «дела». Нобелевская премия была ему присуждена скорее по политическим соображениям, чем по литературным. Однако я думаю, что очень скоро “Доктор Живаго” будет опубликован в Советском Союзе» [19, л. 2].

⁸ Об этом свидетельствуют отчеты советских писателей о зарубежных командировках 1966—1967 гг., хранящиеся в РГАЛИ и РГАНИ. Международное сообщество отреагировало на «дело» так остро, что Союзу писателей пришлось даже перенести IV съезд писателей с конца 1966 г. на май 1967 г. Впрочем, и полгода спустя бойкот все же состоялся [18].

Эти интервью отличаются между собой лишь эмоциональностью оценок Пастернака как поэта. Остальное можно свести к нескольким тезисам: проза Пастернака, в отличие от его поэзии, посредственна; «Доктора Живаго» в СССР скоро опубликуют; за решением Шведской академии в 1958 г. стояли политические соображения. Фотографии интервьюируемых, опубликованные в двух из трех газет, позволяют отбросить предположение о том, что корреспонденты разных изданий записывали одну и ту же речь. У любой советской делегации были «дежурные» ответы на частые вопросы, заранее согласованные с начальством и нацеленные на то, чтобы сохранить лицо. Что думал Смирнов о Пастернаке на самом деле, на основании этого материала сказать невозможно.

С 29 сентября по 3 октября 1967 г. Смирнов и Булгакова с двумя колумбийскими писателями-коммунистами Хорхе Саламеа и Хоакином Молано Кампусано находились в Летисии, столице департамента Амасонас. Население всего муниципалитета в то время составляло порядка 13 тыс. человек [20, с. 3]⁹. Обнаружив в доме культуры, где писатели выступали с лекциями, библиотеку, Смирнов и Булгакова внесли в отчет предложение отправить туда сочинения советских писателей на испанском языке [11, л. 34]. Эта инициатива также распространялась на Картахену. В других городах, видимо, книги советских писателей уже были. В колумбийских источниках мы находим след рассказанной Евтушенко истории с еще одной интересной подробностью: мол, в доме культуры в Летисии кроме «Доктора Живаго» русской литературы не было, были еще книги Толстого, но они так всем нравились, что их быстро растащили¹⁰. Таким образом, и члены делегации, посетившие Летисию осенью 1967 г., и Евтушенко дают понять, что произведений русских писателей в библиотеке этого городка не было. Кроме «Доктора Живаго».

Обложка 20-го переиздания «Доктора Живаго» издательства *Noguer* (1996 г.) на испанском языке

⁹ Этот оттиск с дарственной надписью автора Нине Булгаковой мы находим также в фонде С.С. Смирнова [12, л. 3–28а].

¹⁰ К сожалению, в колумбийской статье, в которой по-новому пересказывается этот сюжет [21], не назван первоисточник, при этом упоминание о «растащенных» романах Толстого выглядит так органично, что вряд ли это можно считать выдумкой журналистов. Статья посвящена участию Евгения Александровича в Международном фестивале поэзии в Медельине (Колумбия) в 2010 г., так что, скорее всего, уточнение про Толстого принадлежит ему.

С.Смирнов (второй слева) с анакондой. Крайний слева — Майк Саликис. РГАЛИ, ф.2528, оп. 8. ед. хр. 260, л. 10

«нашего классика». С другой стороны, логично предположить, что дарственную надпись в книге оставляет тот, кто эту книгу подарил. Не знаем мы и того, на каком языке был издан загадочный экземпляр, но, вероятнее всего, на испанском. Если книгу привезли командированные, то она могла быть либо на испанском, купленная в Колумбии, либо на французском, потому что по пути делегация делала четырехдневную остановку в Париже. Если книга уже была в библиотеке, то, вероятнее всего, она была на испанском, иначе библиотекарь не было бы смысла принимать ее в книжную коллекцию городка, где большинство жителей не умели читать даже на официальном языке страны. Это могло быть одно из последних изданий романа, вышедшее уже после упомянутой экранизации¹¹. Версию с испанским, к слову, поддерживает Ольга Ивинская [3, с. 306].

Здесь мои поиски зашли в тупик. Не оправдали себя надежды на воспоминания колумбийских спутников обеих советских делегаций, побывавших в колумбийской Амазонии. Гонсало Аранго, сопровождавший Евтушенко, в своих мемуарах пишет лишь о том, что поэт «влюбился в Летицию» и что он любил мелодию¹² из фильма «Доктор Живаго» [22, с. 77, 79, 84].

Мне пора было сменить тактику. «Выход в поле» осложнялся расстоянием и пандемией, поэтому я воспользовалась своими научными контактами и вышла на этнолога и преподавателя Папского Боливарианского университета (*Universidad Pontificia Bolivariana*) Гидо Ревело Кальдерона. Наше сотрудничество началось многообещающе: Гидо удалось узнать на фотографии 50-летней давности Майка Саликиса, владельца зоопарка Летиции, чье имя было известно всем в округе¹³. Саликис развлекал туристов

Мы не знаем, кто положил начало коллекции книг советских писателей, принеся в библиотеку дома культуры в Летиции роман Пастернака. С одной стороны, интересующая нас дарственная надпись — если только полагаться на память и точность Евтушенко — отражает восхищение тем, что в библиотеке уже была книга

¹¹ Испанский правообладатель на публикацию романа — издательство *Noguer* — выпустило 14 изданий «Доктора Живаго» с 1958 по 1959 г. 15-е издание вышло в 1963 г., 16-е — в 1965 г., а после премьеры фильма в декабре 1965 г. в течение года вышло еще пять переизданий. На обложку этих экземпляров издательство даже поместило сцену из фильма.

¹² Скорее всего, речь идет о «теме Лары»; эта мелодия быстро стала очень популярна и десятилетиями звучала отовсюду [17]. Один из «Оскаров» «Доктора Живаго» был присужден композитору Морису Жарру за музыку к фильму.

¹³ Позднее имя Майка стало известно за пределами Летиции из-за громкого дела о наркотиках. См. [23].

«объятьями» живых анаконд. Кадры Евтушенко с гигантской змеей известны давно; фотографию Смирнова и Булгаковой с анакондой (возможно, той же самой) я нашла в фонде писателя в РГАЛИ.

С помощью друзей в Летисии и студентов-этнологов — представителей коренного населения Гидо смог выяснить, что библиотеки как таковой в Летисии не было до 1980-х годов, но какие-то

Е.Евтушенко с анакондой. Справа — Майк Саликис

книги действительно могли находиться при существующем до сих пор доме культуры. Поиск библиотекаря с мифическим именем осложнялся тем, что в этих местах люди обычно знают друг друга по прозвищу. Евтушенко упоминает, что «Вергилий» был «чуть горбат». В Летисии действительно нашелся 73-летний горбун по прозвищу Дадука, но нам не удалось установить, работал ли он, будучи 18-летним юношей, в библиотеке дома культуры. На этом наши с Гидо возможности были исчерпаны.

В конце концов приходится смириться с невозможностью найти букинистическую жемчужину из Летисии, но чем было бы историческое исследование, если бы не надо было предпринимать почти безнадежные поиски? Может быть, если книга не пропала, она обнаружится случайно. А нам остается лишь гадать, что заставило Сергея Смирнова оставить в ней дарственную надпись. Было ли это еще одним продуманным шагом — как ответы на вопросы газетчиков о Пастернаке, — обеляющим советскую политику в отношении художника? Конечно, нет. Перед кем ее обелять в амазонских джунглях?! Может быть, это было хулиганством: оставить доказательство своего признания («наш классик»!) там, где до него не дотянется длинная рука советских функционеров? Тогда, возможно, Евтушенко вовсе не случайно взял с полки эту книгу. А может, это было тайной исповедью? Евгений Александрович, похоже, склоняется к этой версии.

*Человек этот, злу понадобясь,
струсил, трусом не быв на войне,
и, быть может, оставив ту надпись,
был он искренен в глубине.
Почему до преступной нелепости
он дошел — ведь когда-то он спас
наших пленных бойцов Брестской крепости,
что в предателях слыли у нас?
И зачем, если в джунглях покался,
Пастернака когда-то предав,
после предал Булата, показывая*

*свою боеготовность в рядах?
В искушениях таких есть бесовское.
Я беззлбно горюю над ним.
Мы готовностью нашей к бессовестности
свою совесть не сохраним. [1]*

...А может, в том экземпляре «Доктора Живаго» и вовсе не было никакой дарственной надписи. Тогда вся история — не что иное, как очень правдоподобная мистификация Евгения Евтушенко, а эта статья — дань его таланту рассказчика.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Евтушенко Е.А. Дора Франко. *Независимая газета*. М., 24.11.2011. [Evtushenko, E.A. Dora Franko [Dora Franco]. *Nezavisimaya gazeta*. Moscow, 24.11.2011. Available at: https://www.ng.ru/subject/2011-11-24/1_dora.html (accessed: 17.09.2021) (In Russ.).]
2. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 512. [RGALI, 631-27-512] (In Russ.).
3. Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: в плену времени. М.: Либрис, 1992, 464 с. [Ivinskaya, O.V. Gody s Borisom Pasternakom: v plenu vremeni [A Captive of Time: My Years with Pasternak]. Moscow, Libris, 1992, 464 p. (In Russ.).]
4. Дорман О.В. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Corpus (ACT), 2016, 304 с. [Dorman, O.V. Podstrochnik. Zhizn' Lilianny Lunginoi, rasskazannaia eiu v fil'me Olega Dormana [Word for Word: A Translator's Memoir of Literature, Politics, and Survival in Soviet Russia. — Lilianna Lungina as told to Oleg Dorman]. Moscow, Corpus (AST), 2016, 304 p. (In Russ.).]
5. Записка секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова с предложением мер в связи с присуждением Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии по литературе. 23 октября 1958 г. *Источник*, М., 1993, № 4, сс. 103–104. [Zapiska sekretaria TsK KPSS M.A. Suslova s predlozheniem mer v svyazi s prisuzhdeniem B.L. Pasternaku Nobelevskoi premii po literature. 23 oktiabria 1958 g. [Memo from the Secretary of the CPSU Central Committee, M.A. Suslov, proposing measures in relation to the Nobel Prize for Literature awarded to B.L. Pasternak. 23 October 1958] *Istochnik*, Moscow, 1993, N 4, pp. 103–104. (In Russ.).]
6. Пастернак Е.Б. Хроника прошедших лет. *Знамя*. М., 2008, № 12. [Pasternak E.B. Khronika proshedshikh let [Chronicle of years gone by]. *Znaniya*, Moscow, 2008, N 12 (In Russ.).]
7. Ваншенкин К. Как исключали Пастернака. *Вопросы литературы*. М., 1990, № 2, сс. 157–165. [Vanshenkin, K. Kak iskluchali Pasternaka [“How Pasternak was expelled”]. *Voprosy literatury*, Moscow, 1990, N 2, pp. 157–165. (In Russ.).]
8. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 109. [RGALI, 631-26-109] (In Russ.).
9. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 71. [RGALI, 631-26-71] (In Russ.).
10. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 221. [RGALI, 631-27-221] (In Russ.).
11. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 324. [RGALI, 631-27-324] (In Russ.).
12. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 451. [RGALI, 2528-2-451] (In Russ.).
13. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 8, ед. хр. 258. [RGALI, 2528-8-258] (In Russ.).
14. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 8, ед. хр. 259. [RGALI, 2528-8-259] (In Russ.).
15. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 8, ед. хр. 260. [RGALI, 2528-8-260] (In Russ.).
16. Вознесенский А. На виртуальном ветру. М.: Вагриус, 1998, 517 с. [Voznesenskii, A. Na virtual'nom vetru [On the virtual wind]. Moscow, Vagrius, 1998, 517 p. (In Russ.).]
17. Christie, Ian. *Doctor Zhivago* (BFI Film Classics). British Film Institute, 2015, 100 p.
18. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 197. [RGALI, 631-27-197] (In Russ.).
19. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 452. [RGALI, 2528-2-452].
20. Molano Campuzano, Joaquín. La Amazonía Colombiana, perfil geográfico y económico de la comisaría especial del Amazonas. Bogotá, 1967. Separata del Boletín de la Sociedad Geográfica de Colombia (Academia de Ciencias Geográficas), vol. XXIV, Tercero y cuarto trimestres de 1966, N 90–91.

21. El poeta ruso Yevtushenko, la gran figura del XX Festival Internacional de Poesía de Medellín. *El Tiempo*. 12.07.2010. Available at: <https://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-7801923> (accessed: 17.09.2021).

22. Arango, Gonzalo. El oso y el colibrí. Medellín: «Bookwire», 2019, 186 p.

23. Tsalickis, Mike. Jungle Mike — From Animal Trapper to Being Caged like an Animal: This is the True Story of the “Largest Cocaine Bust in Florida”. Kindle Edition, 2015, 142 p.

Kristina R. Buynova (k.r.bujnova@inno.mgimo.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

Pr-t Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

“Dr Zhivago” in the Amazon rainforest

Acknowledgements: The investigation article was prepared in the research residence of the Dom Tvorchestva Peredelkino.

Abstract: The author of the article makes an attempt to verify the veracity of the story set out by Yevgeny Yevtushenko in his poem "Dora Franco". It is about a copy of Doctor Zhivago, which the poet discovered in a small library in the town of Leticia in the Amazon part of Colombia in 1968. The book bore an inscription of the soviet writer Sergei Smirnov. This fact is remarkable not only because Doctor Zhivago was still banned in the USSR, but also because in 1958 it was Smirnov who chaired the meeting of writers which expelled Pasternak from the Writers' Union. Archival searches, analysis of contemporaries' testimony, as well as interaction with a colleague from the Amazonas department made it possible to discover that Sergei Smirnov had indeed visited Leticia several months before Yevgeny Yevtushenko. Together with the translator he attended the same places, performed in the same House of Culture and interacted with the same people (e.g. the famous animal trapper Mike Tsalickis). During this trip to Colombia in 1967 Smirnov often had to answer uncomfortable questions about Pasternak. Nine years after the Pasternak affair, it is clear from newspaper articles that not a trace of aggression remains in the words of the chairman of the "trial", while ego-documents by their contemporaries suggest that Sergei Smirnov regretted the role he had assumed in 1958 for the rest of his life.

The research also established that there may have been only one library in Leticia before the 1980s — the House of Culture, which both Smirnov and Yevtushenko mention in their travel reports. Both indirectly confirm that there were no Russian books in it. We couldn't find out whether Doctor Zhivago was the only exception, i.e. was already on the bookshelf, or whether it was brought by Smirnov and the translator N. Bulgakova. However, we were able to confirm that it was a Spanish translation of the book. Since the very book itself has never been found, we cannot unequivocally assert that the inscription of the penitent Smirnov in Pasternak's book is not a figment of Yevgeny Yevtushenko's fiction; however, our research allows us to think that this story did take place.

Key words: Pasternak's case, Doctor Zhivago, S.S. Smirnov, Ye.A. Yevtushenko, Colombia.

DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3

Received 17.04.2022.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

А.Н.Пятаков

К поиску фундаментальных сдвигов в общественно- политических функциях латиноамериканских военных

El papel de las Fuerzas Armadas en la América Latina del siglo XXI. Coord. Rafa Martínez. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Madrid. Foros y Debates. 2022, 510 p. ISBN 978-84-259-1931-2

В рецензии проанализирован фундаментальный научный труд группы авторов, посвященный проблематике латиноамериканских вооруженных сил в контексте общемировых тенденций. Представляется, что на данный момент эта книга является вершиной научного осмысления процесса освоения вооруженными силами региона новых общественно-политических функций. На основе анализа научной работы сделан вывод о том, что ее выход в свет может дать мощный импульс проведению исследований как в российской, так и в мировой латиноамериканистике, посвященных изучению военно-гражданских отношений и тенденции политизации вооруженных сил.

Ключевые слова: вооруженные силы, Латинская Америка, новые функции, политизация, милитаризация.

DOI: 10.31857/S0044748X0022867-2

Рецензия поступила в редакцию 29.07.2022.

С конца 2010-х годов в мировой политике все четче оформляются тенденции милитаризации общественной жизни и возрастания роли вооруженных сил в социально-политической сфере. Латинская Америка стала не просто очередным ярким примером этого процесса, но, пожалуй, вольно или невольно играет роль мировой лаборатории по отработке сценариев вовлечения военных в общественно-политическую жизнь государства. У данного процесса есть не только исторические предпосылки (в частности, опыт военных диктатур XX в.), но и стимулирующий фактор политической воли целого ряда латиноамериканских

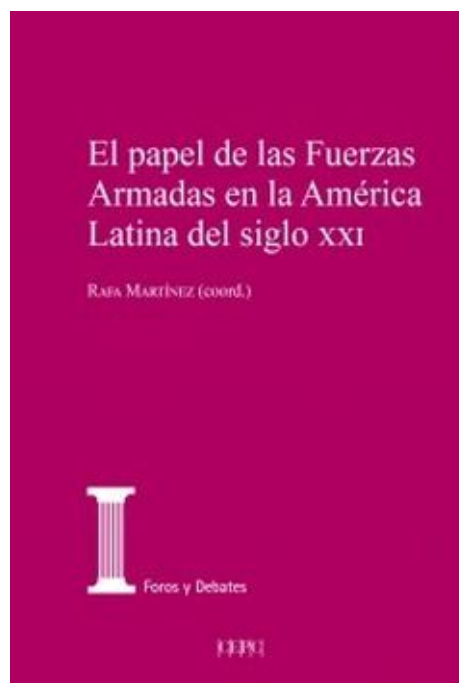
Андрей Николаевич Пятаков — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21/16, anpyatakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3934-958X>).

политиков (в первую очередь в Бразилии, Мексике, Венесуэле, Сальвадоре и других странах).

По наблюдениям автора данного материала, информационная волна по освещению фактов вовлеченности военных в политические процессы стала подниматься в период 2016—2019 гг. и к 2022 г. достигла уровня настоящего «медийного шторма». Накопленный эмпирический массив фактов и прецедентов требует теоретического осмысления, при этом бурлящая латиноамериканская реальность постоянно «подкидывает» новые и новые проявления уже ставшей устойчивой тенденции. Приведем лишь некоторые примеры событий 2022 г.: в Перу в условиях перманентного политического кризиса спикером конгресса стал отставной военный; Эквадор проводит конституционный референдум, на котором одним из вопросов стоит внесение в Основной закон поправки, касающейся наделения армии полицейскими функциями; в Мексике Национальная гвардия решением конгресса подчинена вооруженным силам (далее — ВС), а правовой режим, уполномочивающий военных реализовывать функции внутренней безопасности, продлен до 2029 г. (на 2023 г. запланирован референдум по этому вопросу); в Сальвадоре сформировавшийся в последние годы военно-гражданский альянс фактически стал базой выдвижения Найиба Букеле на второй президентский срок вопреки действующей Конституции; в Бразилии в преддверии президентских выборов все активнее обсуждаются сценарии прихода к власти военных путем «нового издания» государственного переворота, а число действующих и отставных военных, выдвинувшихся кандидатами на региональных и парламентских выборах, достигло беспрецедентных в политической истории страны показателей. Список можно было бы продолжить, однако и этого достаточно для иллюстрации прочно оформившейся в Латинской Америке тенденции.

Европейские и латиноамериканские политологи обладают довольно большим и интересным опытом научного осмысления указанного выше тренда, причем процесс этот начался весьма своевременно и шел оперативно — сразу, как только накопилась критическая масса свидетельств укрепления связи между военной и политической сферами. К 2022 г. уже вышло три фундаментальных исследования процесса политизации военных в регионе. В 2020 г. в колумбийском Университете им. Серхио Арболеды была опубликована работа аргентинской исследовательницы Рут Диаминт «Без курса. Стратегии обороны в Латинской Америке» [1]. В 2021 г. в колумбийском филиале германского Фонда Фридриха Эберта вышла в свет монография «Военные и государственная управляемость. Как меняются военные-гражданские отношения в Латинской Америке» [2]. Наконец, в 2022 г. в испанском Центре политических и конституционных исследований (*Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, CEPC*) появилась книга коллектива авторов «Роль вооруженных сил в Латинской Америке в XXI веке». Именно этой публикации и посвящена данная рецензия.

Работа исследователей *CEPC* выделяется на фоне остальных не только количественными параметрами (наиболее объемная, большое количество авторов и хро-

нологически самая поздняя), но главным образом качественными. Этот фундаментальный труд характеризуется самым широким спектром охвата тем и наибольшей глубиной исторического анализа. Монография выделяется и в библиографическом отношении, поскольку базируется на обширном массиве исследований проблемы политизации военных как в XX, так и в XXI вв. Объемный научно-справочный аппарат, ссылки на интернет-источники и публикации в ведущих латиноамериканских и мировых СМИ дают читателю возможность представить, насколько интенсивно данная проблематика обсуждалась в мировой прессе все последние годы. Авторы рассматриваемой научной работы переработали в добротный аналитический продукт материалы мировой прессы, освещавшей стремления военных к усилению своих общественно-политических функций.

Работе присущ и распространенный в западной науке гендерный подход. Словно пытаясь опровергнуть известный фразеологизм «у войны — не женское лицо», составители книги поставили перед собой цель собрать авторский коллектив с преобладанием политологов-женщин. Данная установка заявлена как программная уже в предисловии к изданию [2, р. 22]. Так, 16 глав книги написаны 20-ю авторами, 12 из которых — женщины.

В монографии охватывается широкий спектр теоретических вопросов, выходящих за рамки чисто латиноамериканской реальности. Этот круг проблем освещен в первой части книги, состоящей из шести глав. Особенность этой части работы заключается в преобладании общерегионального ракурса. В числе затронутых в ней проблем — связь между усилением либо ослаблением демократических институтов, с одной стороны, и динамической ролью института ВС в политике государств — с другой; рассматриваются общемировые и ибероамериканские (на примере Испании) тенденции формирования и налаживания конституционных основ функционирования ВС. С опорой на эмпирику собственно латиноамериканской реальности проанализированы такие вопросы, как направления преобразований полицейских структур; стремление властей вовлечь национальные ВС в процесс «излечения» социума от традиционной для региона «социальной язвы» — организованной преступности и криминалитета; уроки и практический опыт, вынесенный военными региона из участия в миротворческих миссиях, и др.

Вторая часть рассматриваемой книги посвящена страноведческому анализу, где тщательно прорисованы «портреты» конституционных основ, профили общественно-политической активности военных и модели гражданско-военных отношений* в десяти государствах. Центральная Америка, Карибский регион и Северная Америка представлены Гватемалой, Сальвадором, Кубой и Мексикой; андский регион — Колумбией, Венесуэлой и Эквадором; Южная Америка — Бразилией, Аргентиной и Чили. Подобный выбор государств вполне обоснован и репрезентативен, поскольку отражает специфику наиболее ярких и заметных «игроков» в каждом из субрегионов Латинской Америки. Далее целесообразно ограничиться обзором первого блока книги, поскольку всеобъемлющее рассмотрение перипетий и коллизий в проблемном поле соотношения национальной политики и ВС на страновом уровне заслуживает отдельного анализа, выходящего за рамки рецензии.

* Термин «гражданско-военные отношения» не является константой и используется в зависимости от акцентов. Если на первый план выходят гражданская доминанта и приоритет гражданского контроля, то используется данная последовательность. В западной политологии широко распространен и активно применяется именно термин «гражданско-военные отношения». В советской общественно-политической мысли при описании процессов в Латинской Америке (и не только в этом региональном разрезе) обычно использовался термин «военно-гражданские отношения».

Регионально-теоретический блок открывает глава аргентинской исследовательницы Р.Диаминт «Ослабленные демократии и многофункциональные военные». Автор высказывает гипотезу об актуальной связи современной латиноамериканской реальности с военно-политическим прошлым региона, согласно которой «новые роли, взятые на себя военными, являются продолжением прежнего политического влияния офицерского состава» [3, р. 36]. В ходе апробации данной гипотезы Р.Диаминт проводит тонкую терминологическую настройку категориального аппарата анализа гражданско-военных (или военно-гражданских) отношений. В частности, определяется аналитический статус понятия «милитаризация политики» как частного случая «милитаризации». Помимо этого автор главы выстраивает логически взаимосвязанный ряд таких родственных понятий, как «милитаризация», «милитаризм» и «военщина» (*militaridad*), определяя существенные различия между ними [3, р. 44]. Затем, рассматривая процессы милитаризации политики в правом и левом сегментах политического пространства региона, исследовательница приходит к выводу, что дальнейшее усиление роли ВС, произошедшее, в том числе, в период пандемии *COVID-19*, «несет в себе риск ослабления демократической институциональности Латинской Америки» [3, р. 61].

Панорамный взгляд на институт ВС в контексте общемировых тенденций представлен в главе «Чего ждать от конституционных вооруженных сил в XXI веке?», принадлежащей перу редактора и составителя рассматриваемой работы испанского политолога Рафаэля Мартинеса. Анализируя данный государственный институт как глобальный феномен, автор приходит к выводу, что «вооруженные силы все чаще используются как средство международной политики, а не как оборонный инструмент» [3, р. 90]. Более того, фиксируя региональные различия функциональности военного аппарата, автор вычленяет закономерность, согласно которой «использование ВС исключительно при решении оборонительных задач является роскошью, которую могут себе позволить только богатые страны» [3, р. 93].

Лусия Даммерт — исследовательница из Голландии, ныне работающая в Университете Сантьяго-де-Чили, — в главе «Достижения и ограниченности полицейских реформ в Латинской Америке» проводит анализ данного силового института и вычленяет страновые особенности. Процесс приватизации безопасности выделяется как одна из базовых новейших тенденций в функционировании полицейских структур. Проанализировав недавние реформы, автор приходит к выводу, что «безопасность во всех латиноамериканских странах — это бизнес, растущий по экспоненте из-за возрастания гражданских потребностей, а также на фоне общественного мнения, что полиция не может противостоять этим проблемам» [3, р. 130]. На обширном эмпирическом материале исследовательница рассматривает феномен появления частных полицейских компаний, которые берут на себя функции государственных силовых институтов.

Глава «Организованная преступность и вовлеченность вооруженных сил Латинской Америки: примеры Мексики, Сальвадора и Уругвая», написанная аргентинскими политологами Каролиной Сампо и Хуаном Игнасио Перкоко, посвящена рассмотрению причин, вызывающих повсеместное углубление процессов криминализации, а также социально-экономического ущерба, наносимого ими государствам региона. Обобщая опыт борьбы с организованной преступностью в трех вышеуказанных странах, авторы приходят к выводу, что в регионе нарастает тенденция к полициализации ВС. При этом общий тренд реализуется в разных форматах. Так, в Центральной Америке в ходе борьбы с феноменом марас военные сконцентрированы преимущественно на выполнении карательных функций, т.е. борются не с причиной проблемы, а с ее последствиями. В Южном конусе, примером которого является Уругвай, ВС в большей степени нацелены на профилактику правонарушений и ориентированы на выполнение сугубо контролирующих функций. Вместе с тем, констатируют авторы, феномен транснациональной организованной преступности, общий для Латинской Америки в целом, и упор на силовые методы борьбы, скорее, свидетельствует о том, что государство бессильно в борь-

бе против этого социального порока. Ученые постулируют императив интегрального подхода, не детализируя высказанное ими предложение.

Итальянская исследовательница из Флоренции Николь Жанн в пятой главе под названием «Опыт, извлеченный вооруженными силами из миротворческих миссий» касается проблемы, казалось бы, не имеющей прямого отношения к процессу политизации военных, «красной линией» проходящему через всю книгу. Однако в ее исследовании на первый план выведена проблема общественного престижа, который обретают военные, принимая участие в международных миссиях. Автор анализирует специфику отношений военных с гражданским обществом и с неправительственными организациями в ходе миротворческих операций. Все это создает необходимый социальный капитал и работает на улучшение имиджа ВС, что является очень важным элементом реализации их политических устремлений.

Завершающим «аккордом» регионально-теоретического блока является шестая глава «Миссии латиноамериканских вооруженных сил», написанная аргентинской исследовательницей Самантой Кассроу — ведущим экспертом международного исследовательского проекта «Сеть по изучению проблем безопасности и обороны в Латинской Америке» (*Red de Seguridad y Defensa de América Latina*). В главе в детальности проанализирован широкий спектр традиционных и нетрадиционных миссий латиноамериканских военных. Разделяя их на первичные и вторичные, автор приходит к заключению, что одна из новейших осваиваемых военными ролей в регионе — это роль политического арбитра: «Таким образом, арбитраж между политическими секторами также может быть определен как часть существующих на данном этапе функций. В некоторых странах уже было заметно, что поддержание внутреннего порядка в целом и надзор за полицейскими силами в частности тоже могут рассматриваться как миссии вооруженных сил» [3, p. 212].

Главные же акценты сделаны на двух аспектах миссий ВС — гуманитарном и контролирующем. На обширном фактологическом материале показано, как латиноамериканские военные неоднократно участвовали в реализации образовательных программ государства, распределении социальных дотаций и гуманитарной помощи в многочисленных чрезвычайных ситуациях и пр. Рассмотрена также история вопроса исполнения военными надзорных функций для обеспечения порядка в учреждениях пенитенциарной системы. К примеру, мы узнаем, что в Гватемале военные выполняют эту роль с 2000 г., а в Уругвае — с 2013 г. [3, p. 220-221].

К числу существенных нетрадиционных миссий латиноамериканских военных относится инфраструктурная, суть которой заключается в строительстве и восстановлении гражданских объектов. Так, автор отмечает: «Наконец, в рамках задач, связанных с созданием и обслуживанием инфраструктурных объектов, осуществлены строительство и ремонт дорог, автомагистралей, мостов или транспортных узлов, которые были разрушены, в частности, в результате стихийного бедствия, или связаны с потребностями местного населения» [3, p. 224]. Все это также способствует улучшению общественного имиджа военных в странах Латинской Америки и создает благоприятную почву для их кооптации во власть. В данной главе также показано, что в ходе пандемии *COVID-19* в большинстве стран региона ВС взяли на себя многие функции, традиционно отводившиеся системе здравоохранения.

Таким образом, в рассматриваемой научной работе проанализирован очень широкий спектр процессов вовлечения ВС региона в выполнение общественно значимых задач, а нередко и вторжения в чуждую им в целом сферу политических отношений. В отечественной латиноамериканистике постепенно начинает пробуждаться исследовательский интерес к изучению как современного состояния ВС Латинской Америки, так и роли военного фактора во внутривнутриполитической и международной жизни континента. Так, российские авторы уже проработали исторические аспекты проблематики военно-гражданских отношений в регионе [4]; составили классификацию национальных ВС [5, сс. 267-275]; осуществили сравни-

тельный анализ институциональной специфики роли военных в левом и правом сегментах региона [6]; начато исследование процесса обретения военными институтами новых функций в целом [7] и в контексте пандемии [8]; очерчены контуры национальных профилей военно-силовых структур, в частности в Венесуэле [9; 10]. Применительно к международному ракурсу российские ученые затронули такие аспекты, как влияние США [11; 12] и Китая [13] на военный потенциал стран Латинской Америки, а также межрегиональное взаимодействие по линии силовых структур в ходе пандемии [14].

Без сомнения, рассмотренная в данной рецензии научная работа потенциально может стать импульсом активизации исследовательского интереса к кругу проблем, касающихся функционирования и политизации ВС региона. Будучи важной вехой в процессе изучения этого процесса, книга, написанная зарубежными учеными, вносит достойный вклад в развитие мировой латиноамериканистики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Diamint R. Sin Rumbo. Estrategias de Defensa en América Latina. Universidad Sergio Arboleda, Serie Política. Colombia, 2020, 290 p. ISBN: 978-958-5158-17-7
2. Grabendorff Wolf (Editor). Militares y gobernabilidad. Como están cambiando las relaciones cívico-militares en América Latina. Friedrich-Ebert-Stiftung en Colombia (Fescol). Bogotá, septiembre de 2021, 483 p.
3. El papel de las Fuerzas Armadas en la América Latina del siglo XXI. Coord. Rafa Martínez. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Madrid, 2022, 510 p.
4. Belozеров V.K., Emelianov A.I., Sidorova G.M. Relaciones cívico-militares en América Latina. *Iberoamérica*, Moscow, 2019, N4, pp. 126-148.
5. Давыдов В.М., Николаева Л.Б., Семенов В.Л., Холодков Н.Н., Лавут А.А., Симонова Л.Н., Ермольева Э.Г., Пятаков А.Н., Дьякова Л.В., Мартынов Б.Ф., Ивановский З.В., Кудеярова Н.Ю., Шемякин Я.Г., Сударев В.П., Тайар В.М., Сафронова Е.И., Яковлева Н.М., Яковлев П.П., Разумовский Д.В. Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Под ред. Давыдова В.М. М., ИЛ РАН, Издательство «Весь мир», 2022, 448 с. [Davydov V.M., Nikolaeva L.B., Semenov V.L., Holodkov N.N., Lavut A.A., Simonova L.N., Ermol'eva E.G., Pyatkov A.N., D'yakova L.V., Martynov B.F., Ivanovskij Z.V., Kudeyarova N.YU., SHemyakin YA.G., Sudarev V.P., Tajar V.M., Safronova E.I., Yakovleva N.M., YAkovlev P.P., Razumovskij D.V. Perspektiva ustojchivogo razvitiya. Apellyaciya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiyam]. [Perspective of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, ILA RAN, Izdatel'stvo «Ves' mir», 2022, 448 p. (In Russ.).
6. Manukhin A.A. Militares latinoamericanos entre la derecha y la izquierda. *Iberoamérica*. Moscow, 2020, N 1, pp. 69-89. DOI: 10.37656/s20768400-2020-1-04
7. Манухин А.А. "Новые функции" вооруженных сил в странах Латинской Америки: факты и интерпретации. *Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова*, М., 2019, № 1 (12), сс. 30-41. ["Novye funkicii" vooruzhennyh sil v stranah Latinskoj Ameriki: fakty i interpretacii] [The "new functions" of armed forces in Latin American countries: facts and interpretations]. *Istoricheskie Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*. Moscow, 2019, N 1 (12), pp. 30-41 (In Russ.).
8. Пятаков А.Н. Военные «ответы» в странах Латинской Америки и Европы на вызовы пандемии COVID-19: сравнительный анализ. *Актуальные проблемы Европы*. М., 2022, № 3 (115), сс. 67-86. [Pyatkov A.N. Voennye «otvety» v stranah Latinskoj Ameriki i Evropu na vyzovu pandemii COVID-19: sravnitel'nyj analiz] [Military «responses» in Latin America and Europe to the challenges of the COVID-19 pandemic: a comparative analysis]. *Aktual'nye problemy Evropy*. Moscow, 2022, N 3 (115), pp. 67-86. DOI: 10.312249/ape/2022.03.03 (In Russ.).
9. Iwanowski Z.V. Venezuela: crisis sistemática y relaciones cívico-militares. *Iberoamérica*. Moscow, 2021, № 3, p. 147-168. DOI: 10.37656/s20768400-2021-3-07
10. Пятаков А.Н. Вооруженные силы Венесуэлы: эпоха Уго Чавеса. *Латинская Америка*. М., 2019, № 6, сс. 18-38. [Pyatkov A.N. Vooruzhennye sily Venesuely: epoha Ugo CHavesa] [The armed forces of Venezuela: the age of Hugo Chávez]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 6, pp. 18-38. DOI: 10.31857/S0044748X0005097-5 (In Russ.).

Андрей Пятаков

11. Krivolapov O.O., Stepanova N.V. La cooperación de EE.UU. con países de América Latina en el ámbito de seguridad antes y después de la llegada de Joseph Biden al poder. *Iberoamérica*. Moscow, 2021, N 4, pp. 58-79. DOI: 10.37656/s20768400-2021-4-03

12. Манухин А.А. США и вооруженные силы стран Латинской Америки: в поисках новых форм влияния. *Россия и Америка в XXI веке (электронное издание)*, 2019, № 1 [Manuhin A.A. The United States and the Latin American military: in search for new forms of influence]. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760004711-9-1/>. DOI: 10.18254/S207054760004711-9 (In Russ.).

13. Евсеенко А. С. Расширение присутствия КНР и РФ в Латинской Америке как вызов американским интересам. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Волгоград, 2022, т. 27, № 2, сс. 163-177 [Evseenko A. S. Rasshirenie prisutstviya KNR i RF v Latinskoj Amerike kak vyzov amerikanskim interesam] [China's and Russia's growing footprint in Latin America as a challenge to American interests]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships*. Volgograd, 2022, t. 27, N 2, pp. 163-177. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.14 (In Russ.).

14. Пятаков А.Н. Роль военно-гражданских каналов во взаимодействии США и стран Латинской Америки в контексте пандемии. США и Канада: экономика, политика, культура. М., 2021, № 7, сс. 70-75. [Pyatakov A.N. Rol' voenno-grazhdanskih kanalov vo vzaimodejstvii SSHA i stran Latinskoj Ameriki v kontekste pandemii] [The role of military-civil channels in the interaction between the United States and Latin America in the context of the pandemic] *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, 2021, N 7, pp. 70-75. DOI: 10.31857/S268667300015576-3 (In Russ.).

Andrey N. Piatakov (anpyatakov@yandex.ru)

Cand. Sci (Politology), Leading Researcher at the Analytic Department of Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

**To the search for fundamental shifts in socio-political functions
of the Latin American military**

[Review of the monograph by Rafa Martínez (coord.). El papel de las Fuerzas Armadas en la América Latina del siglo XXI. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Madrid. Foros y Debates. 2022, 510 p.]

Abstract. The review analyses a fundamental collective monograph contributed by the international author group, and devoted to the research of the Latin American armed forces problems in the context of general international trends. As the reviewer demonstrates, in terms of the current moment, the given study is the "peak" of scientific reflection of the new socio-political functions being mastered by the armed forces of that region. On the basis on the analysis of the monograph content, it is concluded that the given study provides an opportunity to give impetus to a significant research wave in Latin American studies both in Russia and worldwide, in its segment of the research of military-civil relations and the process of politicization of the armed forces.

Key words: armed forces, Latin America, new functions, politicization, militarization.

DOI: 10.31857/S0044748X0022867-2

Received 29.07.2022.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Rusia y España: el ciclo de incertidumbre pandémico. *Violetta Tayar, Eleonora Ermólieva* (coord.).
- Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред. *Ивановский З.В.*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

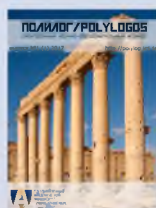
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2022 г. выпустить в свет следующие книги:

- Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru